

к 63.3
п 30
Рз К - 29600

РЕСПУБЛИКИ И ОБЛАСТИ СССР

Д. П. ПЕТРОВ

ЧУВАШИЯ

*Свободная
Омская*

9(47)
п 30

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

3/x

914

№ 11

ПРОВЕРЕНО
2010

Р.О.

421

1959

ПРОВЕРЕНО
1959

~~File~~

КНИГОХРАНИЛИЩЕ

РЕСПУБЛИКИ И ОБЛАСТИ СССР

9/47)

Д. П. ПЕТРОВ

✓ П 30.

К 63.3

П 30

ЧУВАШИЯ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

нет Р3

2444
2277

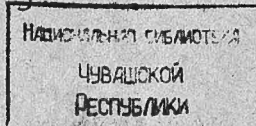
ПРОВЕРЕНО 1936 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

К 63.3

63.3 (2POC. Чув)

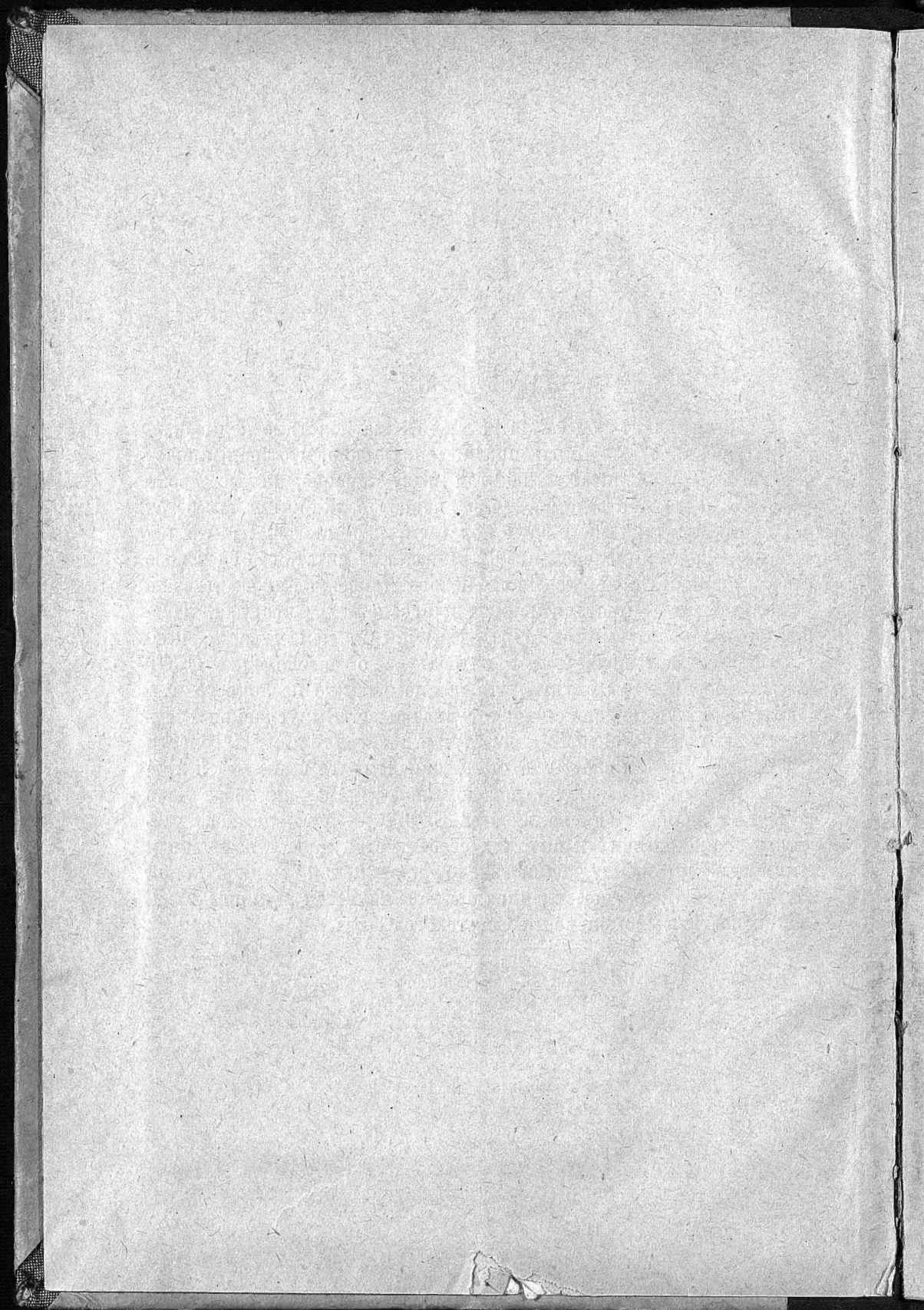
Р К 29600

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Чувашия лежит под самой Москвой. Она поистине подмосковная национально-автономная провинция. Однако, что знал и знает рядовой советский читатель об этом крае? Конечно, ничего, кроме побасенок и разного рода злостных анекдотов, которыми так богат наш обывательский язык. Мы полагаем, что многое, на что мы указываем хоть мимоходом в этой книге, для читателя будет ново и неожиданно. Сколь же много нового и неожиданного должно таиться в наших многочисленных и отдаленных окраинах, населенных разнообразными и более типичными, чем чуваши, племенами Востока! Между тем литература о населяющих СССР национальностях так скудна, что можно было до последнего времени говорить о почти полном отсутствии ее. Выпускаемая Государственным Издательством серия книг «Республики и области СССР», это—первая серьезная попытка заполнить имеющийся пробел и поэтому она заслуживает должного внимания, ибо только настоящее знание национальностей СССР, их исторического развития, экономических и бытовых особенностей делает возможным понимание и оценку единственно правильной национальной политики ВКП, осуществление которой является лучшим залогом крепости и незыблемости Советского Союза.

Автор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Краткие сведения о природе, административном делении и населении края.

Край так называемых инородцев Поволжья начинается там, где река Волга пересекает непроходимые, до сего времени девственные массивы сурских и вятско-ветлужских лесов. Эти, окаймляющие многоводные потоки Суры и Ветлуги, лесные массивы являются тем естественным рубежом, который отделяет великорусское Верхнее Поволжье от разноплеменного и разноязычного Среднего Поволжья. Здесь залегает граница между Нижегородской и бывшей Казанской губерниями, сюда упирается и здесь кончается юго-восточная граница Центрально-Промышленной области. За рубежом этих рек и лесов Волга неожиданно меняет свой облик, будучи почти сплошь населена чуждыми финно-тюркскими племенами. Как могло случиться то, что на самой столбовой дороге великорусского племени на Восток до сего времени могли сохраниться эти островки среди безбрежного русского моря, сплошь населенные хилыми и чуждыми племенами? Почему эти островки не были залиты и не были поглощены колонизационными волнами великороссов, как это случилось с соседними приокскими финскими племенами? Здесь не место пускаться в подробное изыскание причин этого исторического явления; мы лишь укажем, что среди этих причин значительное место несомненно занимают географическое положение и природа края и прежде всего мощная лесная растительность: главным образом в лесах созидалось первобытное, натурально-замкнутое хозяйство чувашей, черемисов, вотяков, пермяков и др., давшее им возможность сохранения племенного облика, с одной стороны, и заставившее отставать от общего хода исторического развития Великороссии — с другой стороны; в непроходимых и неудобных для жилья лесах прятались в годы исторических лихолетий эти слабые осколки некогда многочисленных племен и находили в них защиту от стремительных и непрерывных ударов колонизационной политики; под сенью этих дремучих лесов сохранились почти в неприкосновенности патриархальный быт, нравы, обычаи и верования этих «некультурных и неисторических», по буржуазному толкованию, племен.

Почва и климат.

Чувашская автономная республика занимает территорию в той части Приволжской возвышенности, которая в географии известна под названием Лесного Засурья и которая представляет гористое и изрезанное бесчисленными оврагами возвышенное плато между течениями рек Волги и Суры.

Только незначительная часть Чувашской республики—Заволжье представляет низменность, некогда входившую в состав Каспийского бассейна. Основной массив республики на правобережье Волги состоит по преимуществу из глин, песчаников и известняков Пермского возраста; низменное Заволжье в большей своей части образовано песчаными отложениями Каспийского бассейна. Все занимаемое чувашами пространство за р. Сурой некогда сплошь было покрыто лесами. Соответственно естественно-историческому прошлому—почва края главным образом состоит из неплодородного подзола, местами чередуясь с тощим суглинком, супесью и песчаными почвами. В климатическом отношении Чувашия, имея годовое количество атмосферных осадков до 400—450 мм, входит в состав страдающего от периодических засух Среднего Поволжья. Неблагоприятные условия в отношении естественного орошения края усугубляются благодаря гористому характеру поверхности, которая возвышается во многих пунктах над уровнем моря на 80—90 саж.: благодаря этому на заселенной части территории совершенно отсутствуют какие бы то ни было значительные скопления стоячих вод в виде озер и болот; многочисленные и глубокие овраги и речки играют роль дренажа, не только стонящего в Волгу и Суру всю надпочвенную воду, но и вытягивающего подпочвенную и грунтовую воду полей.

Флора и фауна.

Находясь основным своим массивом в зоне лесостепи и южной своей частью находясь на границе черноземной полосы, Чувашская республика в достаточной степени богата растительностью, главным образом лесной; из лесных пород по ценности на первом месте стоит дуб, который до сего времени сохранился в виде многочисленных и обширных рощ; леса в настоящее время покрывают приблизительно четвертую часть пространства; значительная часть их состоит из сосновых и елово-пихтовых пород. В старых и мрачных борах Засурья и Приволжья до сего времени сохранились: лось, северный олень, медведь, куница, горностай, выдра. Таким образом, как в смысле флоры, так и фауны чувашский край является довольно интересным районом в Поволжье.

Водные пути.

Прилегая одной половиной к Волге и другой к Суре, Чувашский край в достаточной степени обеспечен естественными

водными путями сообщения: самые отдаленные от судоходных рек пункты обычно расположены не далее 30 — 35 верст от пристаней. Кроме того, в жизни края значительную роль играют сплавные реки: Б. Кокшага, Цивиль, Безднa и Анип; этим рекам в значительной мере обязана в своем развитии местная лесная промышленность, по некоторым же из них в старое время в сезон половодья вывозился из края и хлеб.

Из естественных богатств края, кроме леса, можно отметить расположенные в Заволжье у г. Чебоксар мощные залежи торфа и залежи фосфоритов и железного или серного колчедана, встречающиеся по водоразделу рек Суры и Цивили.

Занимаемая Чувашской республикой территория составляет более 19 тыс. кв. верст; таким образом Чувашия по своей величине равна примерно половине губернии центрального района. Чувашская автономная республика граничит на западе с Нижегородской губ., на юге с Ульяновской губ., на востоке с Татарской республикой и на севере с автономной Марийской областью. Характерной особенностью географического положения Чувашии является то, что она из всех восточных автономно-национальных образований наиболее выдвинулась на запад и непосредственно граничит с Центрально-Промышленным районом, находясь от Москвы по прямому пути на расстоянии не более 700 верст. Эта территориальная близость Чувашии к Московии имела огромное значение в исторических судьбах чувашского народа, это же обстоятельство будет играть большую роль и в будущих судьбах этого народа, что мы более подробно отметим в свое время в дальнейшем.

Административное деление.

Чувашская область была образована из Чебоксарского, Цивильского и Ядринского уездов бывшей Казанской губ. с присоединением части волостей Козьмодемьянского и Тетюшского уездов бывшей Казанской губ. и Курмышского, Алатырского и Буинского уездов Ульяновской губ. При современном административном делении республика включает в себя 5 уездов: Чебоксарский, Цивильский, Ядринский, Батыревский и Алатырский. В сравнении с соседними губерниями Чувашия характеризуется чрезвычайно большим количеством населенных пунктов: несмотря на незначительность территории количество их превышает 1.900. Это, с одной стороны, обусловлено незначительностью размеров поселений, в среднем не превышающих 400—500 чел. на селение, и, главным образом, весьма резко выраженной плотностью населения, доходящей в настоящее время до 50 чел. на одну квадратн. версту. Эта плотность, если принять во внимание наличие на территории республики огромных, неприступных для хозяйственного пользования лесных массивов, является очень высокой, почти приближающейся к плотности наиболее густо населенных губерний центрального района и юго-западных губерний, что, конечно, кладет особый отпечаток на весь культурно-хозяйственный быт чувашей.

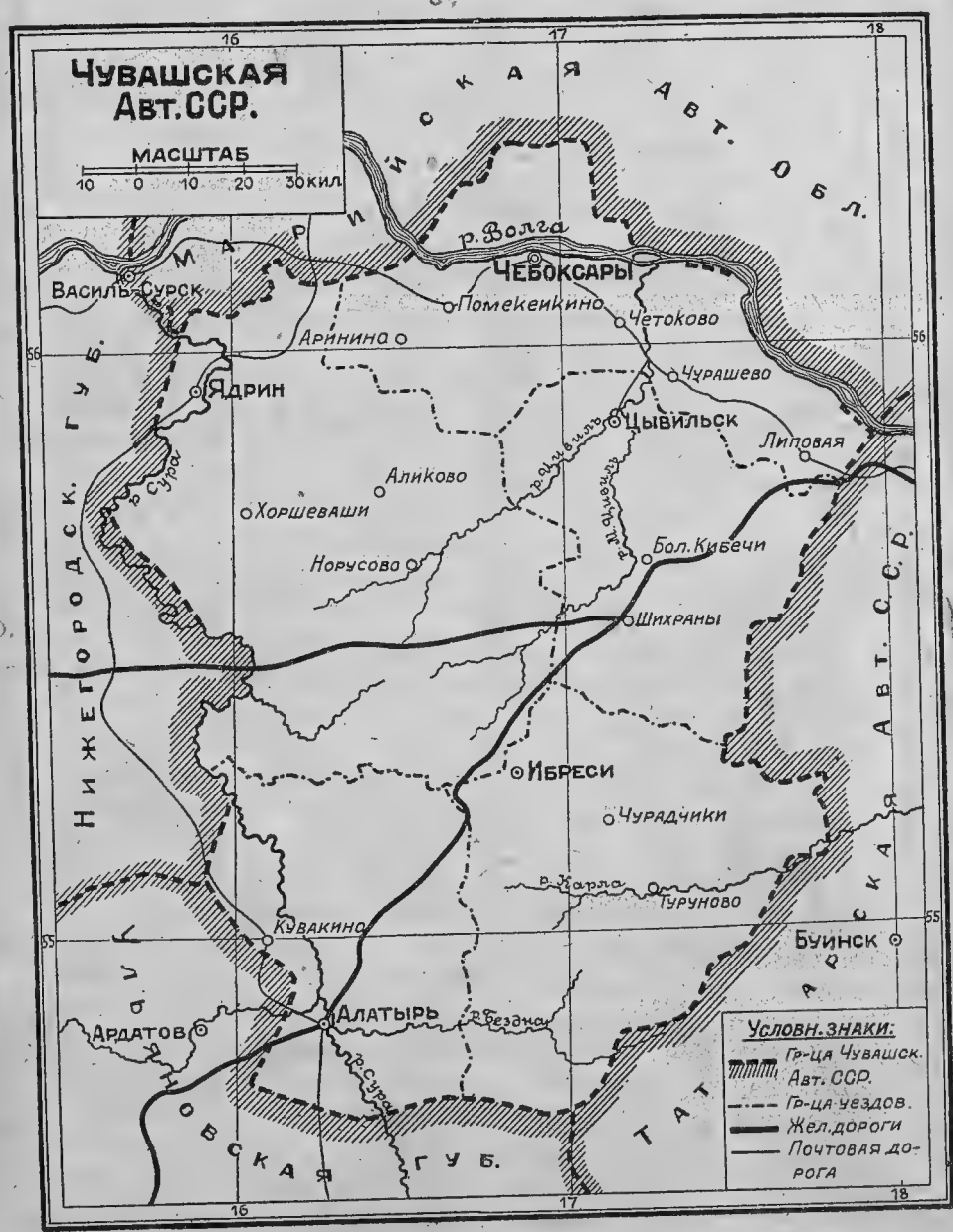
Население и его социальный состав.

Население области в среднем составляет около 1 милл. человек. В национальном отношении население распределяется так: чувашей около 80%, великороссов—18%, татар—8%, мордвы и черемисов (мари)—вместе 2%. Таким образом, в национальном отношении область является поистине чувашской: во всяком случае, в редком из автономно-национальных образований, за исключением республик Закавказья и Средней Азии, имеется такое высокое преобладание основной туземной национальности, какое наблюдается в Чувашской республике.

Всех чувашей в настоящее время по Союзу насчитывается 1 450 тыс. человек, по переписи 1897 года их насчитывалось около 950 тыс. человек. Чувашская автономная республика объединяет свыше половины чувашского населения. Остальная масса чувашского населения населяет республики Татарскую, Башкирскую, Киргизскую и губернии Ульяновскую, Самарскую, Саратовскую, Астраханскую, Нижегородскую и, отдельными селениями и волостями, почти все губернии Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, если речь идет о количестве, то чуваша ни в какой мере не являются «мелкой народностью», как это обычно трактовалось перед революцией и в официальных документах и в печати. По отношению к общему количеству народонаселения по СССР чуваша составляют ровно 1%.

Чуваши — нация по преимуществу и почти исключительно крестьянская; в особенности это относится к живущим вне республики чувашам: последние, занимая плодородные районы степей Поволжья, Приуралья и Сибири, почти исключительно занимаются сельским хозяйством и обладают более патриархальным культурно-хозяйственным обликом, чем чуваша автономной республики. По переписи 1897 г. непосредственно занятых в сельском хозяйстве чувашей было 97%. Но в последние десятилетия, в особенности на территории современной автономной республики, намечается в этом отношении некоторый сдвиг. В 1923 г. население Чувашской области в классово-профессиональном отношении распределялось следующим образом: постоянных рабочих на действующих предприятиях средней и мелкой промышленности — 1,5%, служащих государственных учреждений — 3%, ведущих самостоятельное хозяйство в городах — 2%, с.-х. населения — 93,5%; в составе последнего 10% занимаются кустарными промыслами и, кроме того, перед войной, по данным земской статистики, из состава с.-х. населения ежегодно временно выбывало на отхожие промыслы до 10%. Городское население по отношению к общему количеству населения по Чувашской республике составляет всего 2,5%, при чем 85% этого населения составляют великороссы. Таким образом, в Чувашии, благодаря чрезвычайно слабому развитию индустрии и городов, процесс классово-профессиональной дифференциации населения еще находится в зародыше. Тем не менее в последнее время намечаются признаки, указываю-

щие на совершающийся в гуще народной жизни некоторый сдвиг с сельскохозяйственной базы, которая в недалеком прошлом, благодаря особым исторически-бытовым условиям, служила единственной основой хозяйственной деятельности чувашского населения.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошлое чувашей.

Об этническом происхождении чувашей.

Как племенное происхождение чувашей, так и их историческое прошлое наукой мало выяснено. Вплоть до последнего времени чувашаи причислялись то к финской, то к тюркской ветви урало-алтайских народов. В настоящее время следует сказать, что чувашаи в языковом отношении безусловно принадлежат к тюркской ветви этих народов: чувашский язык как по своему словарному составу, так и по грамматическому построению очень близок к татарскому и турецкому языкам. Чувашский язык ориенталистами причисляется на-ряду с якутским языком к группе древнейших языков, до сих пор сохранивших свою первобытную пластичность. По теории известного академика Марра, древний чувашский язык принадлежал к так называемой иафетической семье языков. В антропологическом отношении чувашаи обнаруживают в своем составе значительное присутствие типов финно-угорской крови, почему они долгое время, до появления серьезных научных трудов о чувашском языке, и считались финским племенем. Начало научного подхода к чувашскому языку было положено с 60-х годов прошлого столетия; чувашский язык нашел некоторое научное освещение в лингвистических работах профессоров и академиков: Куника, Ильминского, Радлова, Торна, Миллера, Василевского, Золотницкого, Катанова и др. Но научное изучение чувашского языка в истинном значении этого слова было начато лишь в конце XIX века известным ориенталистом-тюркологом проф. Н. И. Ашмариным: им был собран и составлен богатейший словарь чувашского языка (изданы до сих пор лишь первые три тома; словарь составлен на чувашском, русском и латинском языках) и разработана грамматика языка. С появлением работ проф. Ашмарина вопрос о принадлежности чувашей к семье тюркских племен не возбуждает сомнений.

Отдаленное прошлое чувашей исторически не установлено. Самое имя чувашей не упоминается ни в одной из древних летописей. В этом отношении чувашаи в сравнении с соседними племенами—мордвой, черемисами, башкирами—составляют стран-

ное исключение: последние неоднократно упоминаются в древнейших русских летописях. Имя чувашей в русской письменности начинает попадаться лишь с начала XVI века, т.-е. с эпохи заселения чувашского края московскими колонизаторами. Загадочное умолчание русских летописных сказаний о чувашах, несомненно являющихся наиболее древнейшими и многочисленными насельниками Среднего Поволжья, вносит в вопрос об историческом прошлом чувашей большую путаницу, которую наука до сего времени не в состоянии разрешить.

Если чувашаи в значительной части тюрки, а не просто отюркившиеся финны, то следует думать, что они в Европе появились из Азии в составе одной из волн гуннского нашествия в первые века христианской эры. Первое появление тюркских племен на территории волжско-камского бассейна приурочивается к VII веку христианской эры. Учитывая совокупность разного рода косвенных исторических данных, можно полагать, что чувашаи вступили на территорию Поволжья в составе этих первых тюркских орд. Как известно, с IX века в волжско-камском районе возникло государственное образование, известное в истории под названием Волжской Болгарии. Многие лингвисты, русские и иностранные, на основании изучения языковых данных полагают, что предками чувашей как раз являлись эти исторические волжские болгары. Это основывается на том, что оставшиеся от Волжской Болгарии памятники в виде надгробных камней читаются, главным образом, с помощью чувашского языка. В последнее время особенно страстное отношение к вопросу о происхождении чувашей от волжских болгар проявляется со стороны татарской и чувашской интеллигенции: татары, в противовес чувашам, утверждают, что болгары являются предками современных казанских татар. Политическая и психологическая подоплека такого повышенного интереса чувашей и татар к этому вопросу понятна сама собой. Как не искать всем этим татарам, чувашам, башкирам и прочим народностям «без роду и племени» «славной» истории и «славных» предков, раз главным оправданием векового рабства и угнетения их служило то, что они-де не имеют прошлого, не имели и не имеют территории и не создали культуры и государственности? Ведь последний довод был главным и почти единственным козырем в руках тех «истинно-русских» людей, которые в недалеком прошлом из травли инородцев старались создать себе почетную профессию. Этот болезненный интерес угнетенных национальностей к своей истории, это стремление их во что бы то ни стало хотя бы с помощью исторических мифов выйти из состояния народов, «не помнящих родства», будет изживаться, по мере того как будет развиваться и укрепляться братство равноправных народов Советского Союза.

В вопросе о племенной принадлежности волжских болгар, кроме татарской и чувашской теории, существует толкование, по которому в лице болгар нужно видеть смесь городского населения по волжским городам и торгово-промышленным пунктам,

составленную из выходцев самых разнообразных племен и наречий: поволжских инородцев, славян, арабов, персов, армян, евреев и пр.

Но как бы то ни было, для нас одно несомненно: в состав Волжской Болгарии чувашки входили как одна из наиболее многочисленных и культурных этнических групп, которая еще в эту эпоху занималась земледелием. Из истории известно, что основное богатство Болгарии состояло из хлеба, скота, меда и прочих продуктов сельского хозяйства. Из наблюдений над современными поволжскими племенами можно сделать вывод, что Болгария значительным развитием своего сельского хозяйства в большой мере была обязана именно чувашам: ни один из поволжских народов так не любит и так не бережет землю, как чувашки; финские племена: мари, вотяки, пермяки и др. до сего времени предпочитают заниматься лесными промыслами, башкиры до сего времени не освободились от кочевых привычек, современные татары, если и допустить их присутствие в Поволжье еще в болгарскую эпоху, и ныне осели на землю не так крепко, как чувашки, и любят заниматься больше торговлей и отхожими промыслами. Это предположение находит подтверждение в языковых данных: из позаимствованных мадьярами 230 корневых чувашских слов большинство обозначает посевы, скот и прочие предметы с.-х. обихода. По мнению венгерских историко-лингвистов, это позаимствование могло быть совершено до VII века христианской эры, когда предки мадьяр кочевали в южных степях Европейской России в соседстве с тюркскими племенами. В языках современных финских племен Поволжья в настоящее время также встречается много слов, позаимствованных из чувашского языка и также обозначающих главным образом предметы с.-х. обихода. Следует еще отметить, что, по утверждению тюрколога Аппмарина, в мари́йском языке половина корневых слов принадлежит чувашскому языку. Эти языковые взаимоотношения указывают на то, что поволжские финские племена некогда находились под культурным воздействием чувашей. В чувашском языке обозначение ржи, сохи и граблей позаимствовано из русского языка, что указывает на культурное воздействие, оказанное на чувашей русскими в области земледелия; некоторые этнографы на основании этих позаимствований утверждают, что чувашки научились земледелию от славянских племен; это утверждение является необоснованным, так как обозначение всех прочих культур и орудий с.-х. производства вплоть до плуга у чувашей чисто тюрко-чувашского происхождения. Эти почерпнутые из одних языковых источников сведения сами по себе, конечно, не имеют характера абсолютной исторической достоверности, но они совпадают с тем, что сообщают нам наши летописные сказания и арабские писатели о болгарях: из этих сообщений видно, что болгары еще в X веке создали сильное государство, вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, жили в деревянных домах, были знакомы с каменными постройками, имели богатые по тому времени города, славя-

лись металлическими изделиями, вели обширную торговлю с востоком Европы и Средней Азией, чеканили монету и исповедывали ислам. Эта культура, конечно, могла создаться и развиваться прежде всего на труде массы сельскохозяйственного населения, которым могли быть только чуваши, черемисы и вотяки, и эта культура могла развиваться лишь на системе оседло-земледельческого хозяйства, но никак не пастушеско-кочевого.

Нужно полагать, в эту эпоху среди чувашского сельского населения царил патриархально-родовой быт. В эту же эпоху наметились зачатки феодализма: родился класс мурз, турунов и турханов¹⁾, который играл значительную роль в политической жизни Болгарии. Кроме того, в городах и торгово-промышленных пунктах по Волге и Каме проживало значительное количество ремесленников и торговцев из чувашей. Землевладельческое и торгово-промышленное сословия находились под сильным влиянием арабской культуры, усвоив от арабов письменность, религию и научные познания. В современном чувашском языке встречается много арабских слов, обозначающих религиозные понятия, характеризующих общественно-государственный быт и обозначающих разного рода отвлеченные понятия, как время и его измерение. Проводниками этих понятий и слов в среду массы сельского чувашского населения могли быть, очевидно, главным образом, сословия чувашских турханов и турунов и городских жителей, которые, ведя торговые сношения с арабами, постепенно усваивали от них культуру, быт и нравы. Нужно отметить, что, по мнению некоторых ученых, слова семитического происхождения, обозначающие в чувашском языке религиозные понятия, могли быть усвоены и от евреев в эпоху Хозарского царства: в этом случае лингвистические доводы находят подкрепление в религиозных языческих обрядах чувашей, которые во всех подробностях весьма напоминают библейские обряды жертвоприношения.

Чуваши под властью татарских ханов.

С XIII века в жизни чувашей начинается новый период, характеризующийся потерей ими племенной независимости. С приходом на Волгу из Азии татар-кочевников и с завоеванием ими Волжской Болгарии чувашаи наравне с прочими поволжскими племенами попадают под власть татарских ханов. В эпоху завоевания Болгарии и в эпоху Казанского царства чувашаи под давлением татарской колонизации значительными массами должны были сниматься с насиженных мест Заволжья в районе волжско-камского узла и искать убежища на западе и севере, главным образом на лесистом и менее плодородном плоскогорьи междуречья Суры и Волги, ныне целиком входящем в состав Чуваш-

¹⁾ Название старинных местных владетельных князьков. Оба последних названия происходят от слова «тюре», что на современном чувашском языке означает судья, начальник.

ской республики. Заселение этого края чувашами происходило за счет вытеснения черемисов, которые под давлением чувашей вынуждены были заселять вятско-ветлужские леса. От этой эпохи в чувашском языке и поныне сохранилась поговорка: «черемисин опомнился, когда перешел через Волгу». В период Казанского царства чувашаи лишились значительной части городков и торгово-промышленных пунктов по Волге и Каме, которые заселялись завоевателями. Сельское население кроме того лишилось большей части своих удобных для сельского хозяйства земель, которые также захватывались кочевниками-завоевателями. В Казанском царстве установился сначала военно-деспотический, позже аристократический строй. Власть в государстве принадлежала охраняемому уланами (татарская гвардия) царю и дворянству в лице мурз, беков и карачиев. Управление государством фактически находилось в руках беков и мурз; последние были наследственными владетелями земель, кроме того, они пользовались определенным доходом с государственных имуществ. От мурз и беков зависел выбор царя, они же решали вопросы войны и мира. Кроме дворянства, большую роль в государстве играло исламистское духовенство, влияние которого распространялось и на ход мирских дел. Таким образом, покоренные поволжские племена попали в полную зависимость, как политическую, так и экономическую, от татарской аристократии. В пользу этой аристократии они должны были платить ясак в казну, который фактически забирали мурзами и беками; многие чувашско-черемисские волости оказались отданными на началах «кормления» отдельным мурзам с правом взимания в свою пользу ясака в неограниченном размере. Таким образом, чувашаи в Казанском царстве были совершенно бесправны и в политическом и в экономическом отношении. Это бесправие отягчалось кроме того тяжелым культурно-национальным угнетением, какое испытывали мелкие племена со стороны магометанского духовенства и правящих классов татарского государства; результатом этого угнетения явилась массовая татаризация не только феодально-жреческих и торгово-промышленных сословий чувашей, но и значительной части сельского населения, которая принятием ислама и усвоением родственного татарского языка искала себе облегчение в своем безвыходном положении. Таким образом, еще в ту эпоху оказались отатаренными целые волости и районы с чувашским населением. В ответ на это угнетение и бесправие во всех отношениях в годы смут и междоусобных раздоров, которые имели хронический характер среди правящих групп Казани, мелкие племена неоднократно поднимали восстания, которые подавлялись с присущей тому времени жестокостью. В половине XVI века русский летописец, говоря о чувашах и вотяках, написал: «Живут в пустынных лесных местах, не сеют, не жнут, но ловом звериным и рыбным питаются и живут, аки дикие». Здесь, несомненно, речь идет лишь об отдельных родах и группах чувашских племен, и именно о тех родах и группах, которые прятались в лесах, находя в них спа-

сение от непосильных налогов и гнета со стороны ханов и их ставленников. Это бегство поволжских племен от беспокойных и воинственных восточных кочевников в леса на север и запад, навстречу приближающимся колонизационным волнам славян, в истории отмечено определенно: еще в эпоху нашествия Батыя многие болгарские роды перебежали в Суздальскую землю и просили у князя разрешения поселиться на ней навсегда. Что чувашаи в массе в эту пору не были дикими звероловами — видно из ряда самых достоверных исторических свидетельств: как известно, нагорные племена, чувашаи, мордва и черемисы отложились от Казанского царства за два года до взятия Казани русскими; в ту же пору заволжские арские чувашаи являлись в Казань с оружием и требовали у хана примирения с Москвой. Во время войны при взятии Казани чувашаи нагорной стороны воевали на стороне русских и, по свидетельству кн. Курбского в его известных «Записках», снабжали русскую армию хлебом, за что по покорении Казани получили от Ивана Грозного «золотую грамоту» на свободное пользование принадлежащими им с.-х. угодьями.

Господство Москвы.

Падение Казанского царства в 1552 г. знаменует собою в жизни чувашей начало периода усиленной великорусской колонизации края. История этой колонизации, как известно, уходит в глубь седых времен. Еще из первых летописных сказаний мы узнаем о неоднократных набегах славян на Волжскую Болгарию. Из этой эпохи войн в русских летописях упоминается и современная территория Чувашской республики. В 1183 г. владимирский князь Всеволод, по временном завоевании края, стоял с ратью на реке Цивиле — в центре Чувашской области. Великорусский колонизационный поток вступил на территорию чувашей в начале XVI в.; в 1523 г. русскими после битвы с черемисами и чувашами на устьи р. Суры был основан гор. Васильсурск. С захватом колонизаторами устья Суры, служившего узлом экономических и стратегических путей края, участь нагорных чувашей и черемисов была решена. Они должны были примириться с новым положением и покориться. За два года до падения Казани волны русской колонизации перекатились через современную территорию чувашей. В 1650 г. русскими было завоевано устье р. Свияги, и на месте прежнего болгаро-чувашского городка был основан гор. Свияжск. С покорением Казани в крае основывается ряд городов: до этого в районе кроме Васильсурска русскими был основан лишь один гор. Курмыш; последний был основан еще в 1372 г., — он был основан в целях защиты Нижегородской земли от набегов засурских инородцев, т.-е. чувашей и черемисов. После покорения Казани в XVI веке были основаны города: в 1578 г. — Чебоксары, в 1583 г. — Козьмодемьянск, в 1584 г. — Цивильск, в начале XVII века был основан гор. Ядрин. Все

эти города были основаны на месте чувашских поселений. Вся территория чувашского расселения очутилась под колонизационным потоком в конце XVI и в начале XVII века с основанием городов Самары и Симбирска и так называемых укрепленных черт через них с востока на запад. Основанные в военно-стратегических целях русские города среди чувашей сначала представляли из себя лишь военные крепости; из этих городов и близлежащих поселений аборигены края, чуваша, были выселены, и на место их поселены разного рода стрельцы и прочие, имеющие отношение к ратному делу, выходцы из Московии. Из этой эпохи заселения края военной силой остались любопытные документы, указывающие, что этот процесс происходил весьма болезненно. Так, издавались приказы, что чуваша и прочие инородцы не только не имеют права приезжать в города, но и приближаться к ним; при этом указывалась определенная верстами и известными урочищами запретная зона, за которой не мог появляться инородец. В городах-острогах и на ближайших, имеющих характер командующих высот, холмах стояли обращенные жерлами в сторону инородческих поселений пушки и стоял беспрерывно военный караул. Это же положение повторялось и позже, в моменты инородческих волнений в крае. Под прикрытием военной силы в течение весьма короткого времени лучшие земли с поемными лугами и рыбными ловлями по Волге, Суре, Цивилию и некоторым другим речным долинам оказались захваченными русскими переселенцами из Московии, преимущественно переселенцами с Верхнего Поволжья. Одним из самых тяжелых последствий великорусской колонизации края является именно то, что инородцы насильственно были оттеснены от всех судоходных рек и богатых пахотными и луговыми угодьями речных долин. В настоящее время, в результате такого хода и порядка колонизации края, чуваша не имеют ни одного населенного пункта не только по Волге и Каме, но и по таким рекам, как Сура и Свияга. Захват этот совершался помещиками, разного рода ратными и служилыми людьми и духовенством. Так как тягловому населению на землях служилых людей, монастырей и высшего духовенства в новопокоренном крае государством были предоставлены всевозможные льготы, охотно селились на отобранных от инородцев землях и русские нератные и неслужилые крестьяне, вольные выходцы из Московии. Положение чувашского населения стало окончательно тяжелым, когда немного позднее все более или менее крупные дубовые и сосновые, так называемые корабельные, рощи были закреплены за государством, и чувашам запрещалось не только рубить их, но не позволялось заниматься в них охотничьим промыслом и излюбленным бортничеством. Одним словом, из хода и характера колонизации края видно, что чуваша сумели удержаться на современной территории сплошной массой лишь потому, что территория эта была слишком бедна естественными богатствами, или же была покрыта недоступными для разработки населением лесами.

Экономическое закабаление чувашей.

Одновременно с этим, с эпохой колонизации края было связано экономическое угнетение другого рода: московское правительство, создавая в военных целях города-остроги, в то же время стремилось сделать их центрами экономического тяготения края, ибо без этого нельзя было подчинить инородцев в экономическом отношении; в этих целях правительство переводило путем предоставления всяких льгот торговцев из Московии. Последние, занимая особое положение казенных «переводенцев», получали в городах и селениях «белые дворы и безоброчные лавки» и становились хозяевами рынка с правом и возможностью неограниченной эксплуатации покоренных племен. Как свидетельствуют многочисленные исторические документы, правительство в видах поощрения этих казенных торговцев неоднократно запрещало инородцам торговать не только в городах, но и на сельских базарах и ярмарках, при чем крестьяне не имели права сбывать без помощи русских посредников даже предметы собственного крестьянского «рукоделия». Из других мер экономического «воздействия», мер, направленных к полному и безоговорочному подчинению покоренных племен государству и его движущей силе — торговому капиталу Московии, — следует отметить: запрещение занимать деньги у нерусских заимодавцев, отобранных от чувашских помещиков и богатых крестьян поместий, мещан и прочих доходных хозяйственных статей (эти статьи отбирались, если владельцы принимали православие и обручались), высокие налоги и подати (по указу Анны Ивановны, инородцы должны были платить вдвое больше податей, чем русские тягловые крестьяне), тяжелые трудовые повинности в пользу государства в виде лесоразработок и перевозки товаров с востока в Москву (при Петре I чуваша большими мобилизованными партиями работали по кораблестроению на Волге и на Дону и работали при основании Петергофа), стеснение свободы и возможности развития среди инородцев ремесел и кустарных промыслов. В отношении последней меры нужно отметить, что при том же Петре I из инородческих районов были угнаны на кораблестроительные работы кузнецы, и их кузницы позакрывались. Эта мера в некоторых официальных документах, между прочим, трактуется как мера, направленная к тому, чтобы не дать возможности инородцам ковать оружие для бунтов и восстаний; основная цель этой меры, конечно, заключалась в том, чтобы окончательно обеспечить за городами-острогами экономическое господство над покоренным иноплеменным сельским населением, передав все кустарно-ремесленное производство края в руки переселившихся из центра русских мастеров и ремесленников. Здесь нелишне оговориться, что среди чувашей вплоть до конца XIX века, несмотря на значительное развитие кустарных промыслов по обработке дерева, совершенно отсутствовали даже при знаки мелкой промышленности по обработке металла.

Чувашия

СПЕЦФОНД

664

9/11

Чувашская библиотека
Чувашской
Республики

K 29600

кузнецы и те повсеместно были русские; между тем из истории известно, что чуваши в прошлом умели обращаться с металлом: по свидетельству немецкого писателя, путешественника XV века Герберштейна, в армии казанского хана лучшими стрелками считались чуваша и черемисы, во время разиновского бунта чуваша ковали не только ружья, но делали и самодельные пушки.

В крепостное время чуваша пребывали на положении крестьян, прикрепленных к казне и уделу; кроме того, были отдельные случаи прикрепления их к уральским заводам и солеварням, к монастырям и помещикам; в частности, тысяча душ была прикреплена к поместью графа Орлова-Давыдова в Самарской губ. Казна и в особенности удельное ведомство эксплуатировали чувашей, как усердных и примерных земледельцев, заставляя их обрабатывать казенные запашки; о возможности и целесообразности использования чувашей в этом направлении писал в свое время известный крестьянин Посошков; о том же, в каких формах государство эксплуатировало бесправных чувашских крестьян, в свое время писал знаменитый Радищев.

Благодаря изложенной выше экономической политике правительства и правящих классов края к концу XVIII века намечается значительное накопление в русских городах торгового капитала. Этот процесс накопления совершался за счет обнищания и хозяйственной деградации туземного населения.

К концу XVIII века в районе получившего насмешливое прозвище «столицы чувашской» гор. Чебоксар уже были заметны зачатки значительного промышленного развития.

Нет нужды распространяться, что вплоть до освобождения крестьян чуваша наравне с прочими инородцами и русскими крепостными были абсолютно бесправны. В этом отношении мы отметим лишь один исторический факт, который, между прочим, характеризует и уровень социально-политического сознания самого чувашского крестьянства: в известной комиссии по составлению нового уложения при Екатерине II участвовало семь чувашских делегатов—5 крещеных и 2 некрещеных; в особой записке, поданной чувашскими делегатами, настаивается на возврате отобранных насильно земель, лугов и лесов, на допущении свободной торговли предметами «крестьянского рукоделия»; на уничтожении ростовщичества и организации народных банков, на устранении злоупотреблений царских чиновников, на допущении чувашей к делам местного мирского самоуправления, на организации суда на чувашском языке, на открытии школ и на открытии при волостях домов общественного призрения для сирот, калек и инвалидов.

Насаждение православия среди чувашей.

Наш обзор прошлого чувашей будет неполным, если мы не скажем несколько слов об угнетении чувашей в культурно-национальной области. Как известно, во главе воинственных колонизаторов всегда и неизменно шли православные миссионеры.

Первые русские города, основанные на границе чувашской территории, — Васильсурск и Козьмодемьянск — были названы именами православных святых (последний встарину назывался и теперь называется по-чувашски «Чикме хули», что означает «пограничный город»). Немедленно после покорения края повсеместно основывались монастыри-крепости и началось усиленное сооружение храмов. В этом особенно «повезло» чувашам: Чебоксары были избраны и долгое время играли роль некоего аванпоста в борьбе креста с языческим и исламским Востоком, следы этой эпохи сохранились до сих пор в виде 9 монастырей и 17 церквей в городе, не превышающем по размеру обыкновенного селения степных районов (до революции было менее 5 тыс. жителей). Немедленно после покорения края правительство всеми мерами старалось обратить инородцев в православие. В этих целях оно подкупало принимающих православие, так называемых «новокрещенцев», всевозможными льготами, как освобождение от налогов, воинской повинности и предоставление им лучших земель, насильственно отобранных от упорствующих в язычестве чувашей. В этих же целях правительство административными мерами расселяло вместе крещенных с некрещеными, перегоняя крестьян из селения в селение. Но все эти экономические и административные меры не имели успеха. Тогда миссионеры решили просто прибегнуть к силе оружия, и с этой целью в 40-х годах XVIII века в Казани при так называемой «новокрещенской конторе» была организована особая воинская команда, задачей которой являлась защита от притеснения крещенных чувашей некрещеными и принудительное крещение упорствующих в «старой вере» чувашских крестьян. В результате применения воинской силы чуваша в середине XVIII века оказались крещеными почти поголовно одним взмахом: их стадами загоняли в реки и озера и крестили массами. В промежуток 1740—1764 г.г. было окрещено 300 000 чувашей. От этой эпохи за всяким чувashiном до сего времени сохранилось употребляемое местными русскими насмешливое прозвище «Фасили Фаныч»; по преданию почти всех чувашей крестил русский дьякон по имени Иван, и всем крещеным мужчинам давали имя Василий, почему они должны были величаться «Василий Иванович». До сего времени язычников-чувашей осталось около 2%; эта наиболее упорная и сильная часть населения не поддавалась миссионерскому воздействию в течение столетий, вынесла на своих плечах огромную тяжесть борьбы за свои обряды и обычаи и по настоящее время сохранила в чистоте древний языческий быт; некрещенные чуваша зовут крещенных или русскими или обрусевшими чувашами, считая за истинных чувашей лишь себя.

Бунты и восстания чувашского крестьянства в XVI—XVIII в.в.

Из изложенного понятно, почему в Поволжье в течение веков не прекращались инородческие бунты и волнения. Волнения в крае

начались тотчас же по покорении Казани. Первые продолжительные волнения черемисов, чувашей и других племен происходили с 1552 г. по 1557 г. Эти волнения возникли потому, что «золотая грамота» Ивана Грозного о неприкосновенности инородческой территории и облегчении налогового бремени оказалась ложью; в промежуток этого времени в 1556 г. взбунтовались в Казани татары-магометане, которые по усмирении были выселены из города, и были уничтожены все их мечети. В промежуток с 1572 до 1584 г. непрерывные инородческие волнения простирались до Сибири.

Особенно энергичное участие чуваши приняли в разиновском восстании. Согласно указаний многочисленных исторических документов, чувашский край в эту эпоху находился в состоянии кипящего котла. Чуваши целыми волостями и уездами устраивали сходки и собрания, на которых давалась клятва сражаться с ратью московского царя до «гибели последнего человека», чувашки организовали многочисленные полки и отряды, во главе которых стояли «прапорщичики и есаулы» из остатков чувашской знати; отряды эти вооружались ружьями, самодельными пушками, пищалями, кистенями, топорами и вилами. В сражениях разиновских отрядов с московскими войсками у городов Козьмодемьянска, Чебоксар, Свияжска, Ядрина, Күрмыша, Цивильска и Симбирска чувашки принимали большое участие. В той же степени энергичное участие принимали чувашки в пугачевском бунте, что отмечается и в истории этого бунта А. С. Пушкиным и что наиболее полно освещается в разного рода архивных документах. Согласно этим документам, Пугачев с своим отрядом на пути из Казани в Алатырь прошел через чувашский край, при чем население его встречало с хлебом-солью. В момент прихода Пугачева чувашки вместе с взбунтовавшимися русскими крепостными крестьянами и казаками убивали царских чиновников, помещиков и духовенство; так, например, в Цивильске попы были сброшены с колокольни. Следует отметить, что чувашский край в эпоху всех известных крестьянских волнений в течение XVI—XVIII веков на севере являлся пределом, за которым эти волнения почти не имели места; поэтому передовые стычки и многие наиболее жестокие сражения повстанческих отрядов с московским войском происходили на чувашской территории.

Энергичное и самое активное участие чувашей в этих волнениях, при непосредственном соседстве с Москвией, и посещение края Разиным и Пугачевым указывают на то, что среди чувашей в ту эпоху накопилось слишком много горючего материала, который вспыхивал целым пожаром при малейшей искре. Кроме того, чувашки частичное участие принимали в продолжавшихся в течение всего XVIII века знаменитых башкирских бунтах. В эту эпоху чувашки, спасаясь от злоупотреблений чиновников и духовенства, бежали в Башкирию, как указывают документы, «записывались» в башкиры и принимали участие в волнениях. По усмирении этих волнений обвиненные в сокрытии своего племен-

Памятник Степану Разину в Чибоксархах. Сооружен в ознаменованье чувашской автономии в 1920 г.

ного звания чувашки в наказание высылались правительством в остзейские гарнизоны. В XIX веке, в 40-х годах среди чувашей Козьмодемьянского уезда произошел так называемый «картофельный» бунт. Этот бунт был направлен против принудительных работ по государственным запашкам и против злоупотреблений чиновников, но последние искусственно осветили его, как бунт против разведения картофеля, чтобы отвести возможность расследования их деяний.

С падением крепостного права в жизни чувашского народа начинается новая эпоха, но об этом мы попутно скажем, когда будем говорить о состоянии чувашей перед революцией.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Перед революцией 1905 года.

Революция застала чувашей как нацию по преимуществу крестьянскую. Благодаря особенностям своей истории, чувашки не прошли через горнило капиталистического развития, не создали национальной буржуазии, не создали компактной массы городского населения. Таким образом чувашки не могут считаться нацией в обычном значении этого слова; они являются племенем или народностью, до революции находившейся на переходной ступени от натурально-потребительского хозяйства к товарно-капиталистическому и соответственно этому переживавшей зарю национально-демократического развития, если только это приложимо к чувашам, принимая во внимание слабый темп и убожество форм этого развития. Однако не будет большой ошибки, если сказать, что в общем чувашки наравне с прочими поволжскими племенами, в отличие от прочих, значительно более отсталых народов Востока, находятся в общем и целом на одной ступени развития с русским крестьянством, с русской деревней, имея незначительное отклонение в сторону патриархальности в области хозяйства и отличаясь довольно резко выраженными национальными особенностями в области культуры и быта.

Сельское хозяйство.

Основой хозяйственного благополучия чувашей является сельское хозяйство. Как указывалось нами вначале, природные условия для земледелия у чувашей весьма неблагоприятные. В той же степени неблагоприятны условия для сельского хозяйства в экономическом отношении.

По угодьям занимаемое Чувашией пространство в 1924—1925 г. распределялось так: пашня—43,8%¹⁾, лес—35,1%, луг—3,2%, усадьба—3,3%, выгон—2,9%, неудобные земли—9,3%. Вся удобная земля находилась в пользовании: крестьянских общин—

¹⁾ В приводимые ниже цифровые сведения о хозяйственном состоянии республики не включены данные по 3 укрупненным волостям Алатырского у., присоединенным к ней лишь в текущем году, т. к. эти данные к моменту выхода книги статистики еще не были разработаны.

65,1%, государства — 34,2%, городов — 0,5% и с.-х. коллективов и совхозов — 0,2%.

Средняя обеспеченность пашней одного крестьянского двора в Чувашии не превышает 4 дес. Форма крестьянского землепользования исключительно общинная, при чем к началу революции из числа общин до 40% составляли так называемые сложные общины; на каждую такую общину в среднем приходится 5 населенных пунктов, но имеются отдельные сложные общины, объединяющие 30 и свыше населенных пунктов (имеется даже община из 64 селений). Таким образом, Чувашская область страдает прежде всего от резко выраженного малоземелья, при существующей трехпольной системе, обеспечивающей посевику фактическим посевом в среднем не более 2 дес. на семью и не более полдесятины на едока. Жалобы чувашей на недостаток земли начинают раздаваться еще в XVIII веке. Освобождение крестьян от крепостной зависимости не дало чувашам никакого земельного приращения; наоборот, после произведенного перемежевания часть земель и лугов была отрезана от чувашей в счет казенных оброчных статей. На чувашской территории к 60-м годам почти совершенно отсутствовали какие-либо значительные дворянские поместья. При освобождении крестьян в Козьмодемьянском уезде был только один помещик, а в Чебоксарском уезде — 6 помещиков с общим количеством крепостных в 400 — 450 душ; общая площадь помещичьих земель по всей чувашской территории перед революцией лишь немногим превышала тысячу десятин. Малоземелье — основной бич чувашского хозяйства: ему обязано население своим массовым обнищанием, дробностью и карликовостью крестьянского хозяйства, отсталостью форм и потребительским направлением с.-х. производства. В старое время единственным выходом из этого положения являлось переселение. С начала XIX века, и в особенности после 60-х годов, чувашаи массами начинают переселяться в Сибирь. Но все же это переселение не было столь интенсивным, чтобы хоть сколько-нибудь разредить население чувашского края. По данным Переселенческого управления о количестве выселенцев по отдельным губерниям, Казанская губ. занимала одно из последних мест в ряду губерний Европейской России; одной из причин этого явления надо считать то, что «инородцы», в силу своей экономической беспомощности и культурно-политической подавленности, слабо были вовлечены в продолжающийся и поныне исторический процесс колонизации окраин населением центрального района.

Другим бичом чувашского хозяйства являются сложные общины. Чересполосица, дальнopolье и другие вредные стороны общинного хозяйства здесь увеличиваются в несколько раз. Эти общины не дают возможности вносить в систему хозяйства какие-либо существенные усовершенствования, и они же служат источником бесконечных эсоров и судебных тяжб между селениями. Каким же образом эти общины остались у чувашей в то время, когда их нет почти повсеместно? После освобождения крестьян при разме-

жевании земель крестьяне, естественно, сильно волновались, подозревая, что землемеры их обманут; последние, чтобы скорее закончить работы, испросили от Казани разрешение на отрезку земель целым волостям и районам, истари имевшим общие земли; необходимость этого мотивировалась тем, что земельные отношения среди чувашей, очень сложные, при незнании населением русского языка плохо поддаются пониманию, и главное, названия селений и урочищ «для русского уха непривычны». Таким образом эти сложные общины являются прямым подарком царизма и его чиновников.

Плохие почвенные и климатические условия, малоземелье, отсталость и запутанность форм землепользования целиком определяют направление и характер чувашского хозяйства. Прежде всего в Чувашии безраздельно господствовала и господствует трехпольная система. Из общей посевной площади 50% занимает озимыми посевами; площадь яровых культур в процентах к общей посевной площади выражалась в последние годы в среднем следующим образом:

Яровые культуры	В % к общей посевной площади	Яровые культуры	В % к общей посевной площади
Овес	34,7	Горох	2,4
Пшеница	2,3	Чечевица	0,7
Ячмень	1,4	Лен	0,1
Полба	5,8	Конопля	0,4
Гречиха	1,3	Полевой картофель	0,1
Просо	0,3	Посевные травы	0,017

Таким образом мы видим, что в чувашском полеводстве господствуют исключительно зерновые и не-рыночные культуры, из коих рожь и овес занимают 85% посевного клина, и почти полностью отсутствуют интенсивно-трудоемкие и промышленно-технические культуры и посевные травы. Достаточно сопоставить эту пропорцию культур с соответствующим распределением культур любой губернии, чтобы получить ясное представление о том, в какой степени чувашское сельское хозяйство является отсталым в сравнении с общим уровнем крестьянского хозяйства Союза. Поразительно резко выраженный потребительский характер чувашского хозяйства, несомненно, в первую очередь был обусловлен тем, что чувашская территория не могла дать и не давала больше того, что нужно было для удовлетворения непосредственных нужд самого с.-х. населения. Средняя урожайность в пудах с десятины по чувашской территории перед войной составляла:

Культура	Средний урожай в пуд. с десят.
Рожь	49,6
Овес	43,4
Пшеница	40,2
Ячмень	47,8
Просо	38,2
Горох	33,8

После войны в последние годы эта урожайность сократилась весьма резко: так, средняя урожайность по всем культурам за 1924—25 г. составила всего 28,5 пуд. против 46,04 п. за период 1905—1914 гг. с десятины.

В отношении животноводства край характеризуется такими данными: в 1916 г. на 100 дес. посевной площади приходилось 35 рабочих лошадей и 30 коров, на одно хозяйство—5 овец и 1,4 свиньи. Из этих цифр видно, что животноводство края также имеет чисто потребительское направление. Чувашский скот в качественном отношении исключительно мелкий, слабый и малопродуктивный.

По произведенной в 1915 г. по Казанской губ. оценке, была определена средняя стоимость по губернии лошади в 87 руб., коровы—63 руб., овцы—6 руб. 50 коп., свиньи—14 руб.; для современной чувашской территории эти цифры давали: для лошади—46 руб., коровы—46 руб., овцы—5 руб., свиньи—8 руб. Следует оговорить, что чувашский скот плох не по особенному пристрастию чувашей к такому скоту: достаточно напомнить, что у чувашей, проживающих вне республики на черноземно-степной полосе, как скот, так и вся система полеводства совершенно другие и ничем не отличаются от русских. Вообще мы здесь характеризуем лишь хозяйство чувашей, проживающих на территории современной Чувашии. Основная беда чувашского скотоводства заключается в отсутствии кормов.

По данным исследователя чувашского хозяйства крестьянина Гаврилова, обеспеченность одной головы крупного скота кормами в сенном эквиваленте составляет по Чувашской области всего 14 пуд., тогда как эта обеспеченность составляет для Татарской республики 20 пуд., Нижегородской губ.—25 пуд., Московской губ.—45 пуд., Ленинградского района—62 пуда. Вот почему чувашская корова в среднем весит всего 12 пуд. и дает в год лишь 37 ведер молока, тогда как корова Татарской республики в среднем весит 20 пуд. и дает 66 ведер молока. Любопытно, как в чувашских уездах постепенно сокращалось количество скота при одновременном росте населения: в 1858 г. приходилось на 100 хозяйств 190 лошадей и 130 коров, в 1882 г.—140 лошадей, в 1890 г.—120 лошадей и 90 коров, в 1916 г.—110 лошадей и 80 коров.

Несмотря на дефицитность среднего продовольственного бюджета края, из края ежегодно в среднем вывозилось до 5 милл. пуд. зерна и значительное количество убойного скота. По данным статистики, в хлебном вывозе весьма значительный процент занимал овес, который направлялся, главным образом, водным путем в Ленинград и железнодорожным путем в Московский район. Неприхотливый к почве и обработке, дешевый и невыгодный овес служил главным товаром, за счет продажи которого чуваш покрывал свои расходы.

Специальные отрасли сельского хозяйства: птицеводство, пчеловодство, огородничество и садоводство—также не получили

у чувашей надлежащего развития. Промышленный характер имело лишь массовое куроводство, излюбленное чувашами хмелеводство при усадьбах и частью садоводство.

Обработка полей в республике чисто примитивная, хотя чувашаи проявляют большую заботливость по отношению к земле, обрабатывая ее очень тщательно и удобряя навозом. В обработке полей безраздельно господствует традиционная соха, железных плугов насчитывается на 10—15 дворов всего один, жнейки, молотилки и прочие орудия совершенно отсутствуют.

Таким образом в общих чертах с.-х. промысел Чувашии характеризуется крайней отсталостью и экстенсивностью форм производства, резко выраженным натурально-потребительским направлением и отсутствием наличных природных и экономических условий для рационализации и интенсификации его более или менее ускоренным порядком.

В заключение скажем несколько слов о том, как представляется в последнее время расслоение деревни на зажиточных, середняков и бедноту. Если в основу этого подразделения положить площадь землевладения, то мы имеем следующие любопытные цифры:

Категории хозяйств по посеву за 1924—25 г.	В % к общему ко- личеству хозяйств:
Без посева	0,1
От 0 до 1 дес. посева	9,8
„ 1 „ 2 „ „	34,3
„ 2 „ 3 „ „	30,8
„ 3 „ 4 „ „	14,4
„ 4 „ 6 „ „	9,0
„ 6 „ 8 „ „	1,3
„ 8 „ 10 „ „	0,3
	100%

Согласно обследования, произведенного в 1907 г., крестьянские хозяйства трех основных национальностей, населявших территорию б. Казанской губ., распределялись следующим образом (в % к количественному итогу хозяйств по каждой национальности):

Размер землевладения	Русские	Татары	Чуваши
Безземельные	10	4	$\frac{1}{2}$
Около 2 десятины	20	21	$6\frac{1}{2}$
От 2 до 4 десятины	53	72	90
Более 4 десятины	17	3	3
	100	100	100

Если рассмотреть обеспеченность хозяйств рабочим скотом, то чувашская деревня выявляет ту же картину: хозяйства с двумя и более лошадьми в ней до войны составляли 3%, с одной лошадью—75%, без рабочего скота—22%, в настоящее время двухлошадные хозяйства составляют 2%, однолошадные 60% и безлошадные 38%. В отношении обеспеченности крестьянских хозяйств коровами мы наблюдаем примерно такую же картину: двухкоровные составляют 3%, однокоровные 65% и бескоровные 32%.

Итак, чувашская деревня отличалась крайней однородностью и однотипностью массового крестьянского хозяйства. Середняцкие однолошадные хозяйства среди чувашей составляют 60%, зажиточные хозяйства—20%, остальная часть хозяйств принадлежала безлошадной и малоземельной бедноте, при чем среди последней совершенно безземельные семьи являются лишь редким исключением. Нужно заметить, что и верхи чувашского крестьянства, располагая на хозяйство парой лошадей и засевая 5—6 дес., в сравнении с крестьянами степных районов являются зажиточными лишь в условном смысле.

Промышленность.

В промышленном отношении республика обнаруживает ту же исключительную отсталость. Более или менее значительное развитие на ее территории получила лишь лесная и деревообделочная промышленность. До войны, например, работало по Волге и в районе сурских лесов до 20 лесопильных заводов; кроме того, по Московско-Казанской ж. д. при ст. Урмары была сооружена и работала одна мебельная фабрика. Все остальные промышленные предприятия занимались переработкой продуктов сельского хозяйства; из них более или менее значительными являлись лишь Ядринский маслобойный завод первоудмца Таланцева и два винокуренных завода; кроме того, в краю было несколько кожевенных и мыловаренных заводов полукустарного типа и 6 паровых мельниц. Металлического производства на территории края совершенно не было. Действовавший в Звенигском затоне на Волге судостроительный завод, обслуживая волжский транспорт, с территорией и ее местным населением ничем органически не был связан. Общая стоимость продукции довоенной фабрично-заводской промышленности на чувашской территории не превышала 3½ м. р.

В 1925 г. ценовых, находящихся на статистическом учете, промышленных заведений, с количеством наемных рабочих не менее 16 чел. на каждое, состояло всего 31. На самом крупном из этих предприятий Ядринском маслобойном заводе работало 160 рабочих и служащих, общее же количество постоянных рабочих на всех ценовых предприятиях не превосходило 1 000 чел. (до войны—до 2 000 чел.). Мощность механического оборудования этих предприятий определяется всего в 1 000 лошадиных сил при 69 двигателях. Эксплуатируемая механическая сила по производствам распределяется так: обработка дерева—62%, пищевое производство—35%, химическая промышленность—1,2%, остальные—1,8%. Таким образом, вся наличная промышленность области относится к промышленности легкой и обрабатывающей, а по размерам—к категории мелкой и средней. Валовая годовая продукция ценовой промышленности в последние годы составляет всего 1,5 м. р. и предприятия работали с нагрузкой лишь в 35%.

Соответственно плотности населения, территория республики

характеризуется большим количеством мелкопромышленных предприятий в виде мельниц, разного рода кустарных мастерских и т. п. Общее количество этих предприятий превышает 2800; из этих предприятий, согласно данным переписи 1920 г., действовало с наемным трудом 11%, без наемного труда — 89%; на одном предприятии с наемным трудом в среднем работало 11 рабочих; общее количество наемных рабочих на них составляло 3400 чел. Предприятия с механическими двигателями составляли 80%, из них предприятия с совершенными двигателями: паровыми, внутреннего сгорания, электрическими, водяными турбинами и водяными колесами не менее 3—составляли всего 2%.

Кустарная промышленность, как особый вид мелкой сельской индустрии, получила в Чувашии заметное распространение. По данным довоенной земской статистики, насчитывалось среди с.-х. населения Казанской губ. в среднем 10% кустарей, что, примерно, можно приложить и к чувашам. Той же статистикой размер годового заработка кустаря в среднем определялся в 50—60 руб. в год; ввиду распространения среди чувашей лишь дешевых видов производства эту цифру среднего заработка по отношению к кустарю-чувашу следует немного уменьшить. Для характеристики направления чувашского кустарного производства можем привести следующие цифры, выведенные нами на основании распределения продукции 1921 г. В этой продукции предметы, связанные с обработкой дерева, занимают 94% и остальные — металлические, пеньковые, валяльные и пр., все вместе — 6%.

В обработке и использовании дерева следует отметить производства: кулеткацкое — 30%, выделка экспортной дубовой клепки — 8%, корзиночное и обозное — по 4%, лопатное — 2% и столлярное, бондарное, смолокурное — по 1%.

Исстари в крае развивалась в значительных размерах лесоразработочная промышленность. В сезон 1920/21 г. на чувашской территории было заготовлено и вывезено свыше 100 000 пудов корья, 200 000 пудов мочала, 200 000 шт. бревен и 500 000 шпал и шпальных тюлек. Лесоразработки дают местному населению весьма значительный заработок и пополняют тощий доходный бюджет чуваша.

Вообще кустарное производство, извоз и лесоразработки, отхожие промыслы и прочие внесельскохозяйственные работы истари в жизни верховых чувашей играли и играют весьма существенную роль; бурлачество на Волге в старину, работы по сплаву, на баржах, плотам, пароходах в настоящее время — являлись и являются излюбленным занятием многих чувашей.

Трудовые резервы, которые образуются из избыточного с.-х. населения, по Чувашии специалистами определяются примерно в 100 000 взрослого трудоспособного населения, что составляет 35% общего количества этого населения, — следовательно, добрая половина наших крестьян изнывает в деревне от безработицы и безделья, не зная, куда приложить силы, и убивая время зимой на лаптеплетение и тому подобные бездоходные занятия.

Торговля.

Соответственно общему потребительскому направлению чувашского хозяйства торговый оборот в крае совершался очень слабо и медленно, хотя для этого имелись довольно благоприятные транспортно-технические условия. Об общем значении естественных путей сообщения мы уже говорили выше; к сказанному можно добавить: республика располагает водным путем по Волге на протяжении около 130 верст и по Суре—на 35 верст и сплавными путями по Кокшаге с общим протяжением в 80 верст и Суре—100 верст. Известные пристани в республике: Ильинская, Чебоксарская, Марпосадская, Козловская, Ядринская; второстепенные хлебные и лесные пристани: Шашкарская, Сюктерская, Милютинская, Пушкарская, Седельниковская, Кокшайская, Кришская, Руткинская (на р. Цивиль) и Алатырь и Выла (на Суре). Но в последние годы в средствах передвижения и грузообороте главная роль принадлежит ж.-д. транспорту в лице Московско-Казанской ж. д. Последняя пересекает чувашский край двумя ответвлениями: Казань—Канаш—Арзамас и Казань—Канаш—Алатырь. Особенно важное значение имеет первое ж.-д. ответвление, соединяющее республику кратчайшим путем с Москвой; затем весьма важное значение для края имеет направление дороги Канаш—Казань—Свердловск, которое связывает республику прямым путем с Уралом и Сибирью. Важнейшим узловым ж.-д. пунктом в области является станция Канаш (быв. Шихраны), которая по справедливости претендует стать центром экономического тяготения всего края; затем важную роль в хозяйственной жизни края играют также станции: Алатырь, Шумерля, Вурнары, Урмары, Тюрлема и Ибреси.

Определить объем и характер торгового оборота чувашского края в довоенное время точными цифрами не представляется возможным. Вывоз хлеба из территории, как уже указывалось выше, в среднем не превышал 5 м. п. в год. Вывозилось из края кроме того ежегодно весьма значительное количество яиц, убойного скота и мяса, шерсти, кожевенного сырья, битой птицы, яблок, хмеля, меда, кустарных изделий и тряпья, но никакими точными цифрами о размерах этого вывоза мы не располагаем.

Естественно, что ввоз товаров в Чувашию, ввиду абсолютно низкой покупательной способности населения и культурной отсталости его, имел совершенно ничтожные размеры. Первое место во ввозе принадлежало самым нужным в крестьянском обиходе предметам первой необходимости: соли, керосину, железобоянным товарам; мануфактура и галантерея пользовались самым ограниченным спросом. Несмотря на отсутствие покупательной способности, чуваша, как и прочие восточные народы, очень любят базары и ярмарки: базарных пунктов по области — 65, ярмарок с ежегодным оборотом в среднем в 40—50 тыс. руб. устраивалось четыре: в Чебоксарах, Ядрине, Цивильске и Батыреве.

Экономическое состояние чувашского крестьянства.

Общий экономический уровень чувашского хозяйства к концу XIX века снизился так, что население стало перед угрозой физического вырождения. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание лишь на хлебный баланс, поглощающий почти весь баланс народного хозяйства в крае: чистый сбор зерна в чувашском хозяйстве в среднем на человека со скотом составляет 17 пуд.; принимая во внимание средний вывоз зерна из области, на потребление остается около 12 пуд. на душу, между тем как ЦСУ среднюю норму потребления души со скотом определяет для потребляющей полосы в 17 пуд. и для всех прочих районов союза в 20 пуд. Если принять в соображение, что масса чувашского крестьянства, в целях поддержания равновесия бюджета, вынуждена была весь могущий быть обращенным в товар убойный скот, молочные продукты и яйца сбывать на рынок, то можно себе представить, в какой степени питание чувашского населения было плохое и ненормальное, что вызвало значительное замедление роста народонаселения края и деградацию физического типа чувашей. По указанию профессора из чувашей, этнографа Никольского, доходный бюджет зажиточной части крестьянства, которую мы определили в 30% по отношению к общему числу семей, не превышал до войны 250 руб. в год на один двор. Бюджет же середняцких однолошадных хозяйств на наделе в 2—4 дес. подзола, и тем более бедняцких хозяйств, был абсолютно низкий (60—80 руб. в год). Этим обстоятельством и объясняется известная скупость чувашей, которая в островах окружающего русского населения определяется поговоркой: «Чувашин за копейку наверняка удавится»¹⁾.

Эта всеобщая бедность населения создала для чувашского хозяйства такой замкнутый круг, из которого нет выхода вне оказания ему широкой и организованной помощи для скорейшего перехода от натурально-потребительских форм с.-х. производства к товарно-интенсивным.

Социальная структура чувашского народа.

Соответственно примитивному хозяйственному укладу, чувашский народ имел крайне упрощенную социальную структуру. Состоя почти исключительно из крестьян, он находился на положении некоего «податного сословия»; при этом в чисто правовом отношении чуваша, как и прочие поволжские племена, в сравнении с русским крестьянством ни в чем не были ограничены.

¹⁾ Сравнительно весьма резко выраженная экономическая маломощность чувашского хозяйства подтверждается и результатами бюджетного обследования крестьянских хозяйств в 1922—1923 г., по которым общая сумма капиталов, коими располагает чувашское крестьянское хозяйство, определяется всего в 541 ржаных единиц, и доходность этого хозяйства от с.-х. промысла составляет всего 109,5 ржаных единиц.

Но это формально-юридическое равенство поволжских инородцев с основной массой господствующей великорусской национальности ни в какой мере не говорило о том, что инородцы фактически в жизни не занимали особого положения, положения чужих и зависимых племен. Это уравнивание поволжских инородцев с крестьянами было произведено после реформ 60-х годов, оно было произведено с тем, чтобы возложить на них податное бремя и государственные тяготы в общеустановленных размерах. Кроме того, это уравнивание инородцев в правах для царизма не представляло никакой политической угрозы. Лишенные даже определенно оформившихся прослоек буржуазии, пролетариата и вообще городского населения и обессиленные и обескровленные жестокой борьбой в прошлом, инородцы во второй половине XIX века политически были мало активны; исключение в этом отношении составляли инородцы, принявшие ислам. Среди них известную силу представляло движение панисламизма и пантуркизма, которое возглавлялось остатками дворянства, многочисленным, сильным и авторитетным мусульманским духовенством и народившейся и окрепшей национальной буржуазией, главным образом татарской; поэтому для мусульман, в отличие от крещенных инородцев, царизмом были установлены некоторые, правда незначительные, правовые ограничения.

К концу XIX века, в связи с общим ходом капиталистического развития страны, из чувашского крестьянства выделился тонкий слой мелкой буржуазии, состоявшей, главным образом, из мелких торговцев селений и городов; наметились признаки зарождения и настоящей буржуазии. Появились ворочавшие весьма солидными капиталами лесопромышленники, яичные торговцы-экспортеры, хмелезаводчики и пр. Но эта нарождающаяся чувашская буржуазия лишь по крови могла считаться национальной: по духу и по культурному уклону она была антинациональной. Ее экономические интересы требовали от нее скорейшего обрусения, что неизменно наблюдалось на втором и третьем поколении выскочившего в буржуа чувашина. После окончательного уничтожения в эпоху татарской и русской колонизации чувашского дворянства национальная культура и национальное сознание среди чувашей не только не развивались, но постепенно угасали, выродившись в ограниченную кругом местных интересов яла (аул, деревня) и труда на земле, культуру и идеологию крестьян-землеробов.

Одновременно с процессом выделения буржуазии к началу XX века из состава чувашского крестьянства выделился заметный слой национальной интеллигенции, состоявшей преимущественно из духовенства, учительства и служилого люда земских и правительственных учреждений. Этот слой был немногочислен, но он рос и развивался энергично, завоевывая себе место в руководстве культурной жизнью чувашского народа. Перед революцией в чувашских селениях примерно 80% составляли учителя-чуваша и лишь 20% — учителя русского происхождения; при-

мерно такое же положение было среди духовенства. Эта тонкая чувашская интеллигентская прослойка, не в пример ассимилирующейся с русскими буржуазии, была сильно одухотворена национальными идеями и имела очень большое влияние на чувашское крестьянство, которое в устроении своих хозяйственных и культурных судеб было предоставлено лишь самому себе и которое из года в год теряло лучшую и наиболее предприимчивую часть своих сынов, отдавая их общему культурно-хозяйственному строительству страны.

Бытовые особенности чувашских крестьян.

При изложенных выше условиях ясно, что культурно-бытовое воздействие на чувашей со стороны города и индустриальных центров не могло быть особенно значительным. Этим объясняется то обстоятельство, что чувашское крестьянство до сего времени сохранило свой древний быт и нравы. В русской литературе по этому вопросу существовали две точки зрения. По одной из них, чувашки уже совершенно обрусели и, кроме языка, не имеют никаких национальных особенностей, по другой — чувашки пребывают во тьме невежества и в первобытном одичании. Обе эти точки зрения вытекают из интересов руссификаторской политики, причем последняя из них считалась официально признанной. Во всех учебниках географии, словарях, специальных работах по этнографии чувашей трактовалось, что чувашские селения не имеют улиц и представляют кучу разбросанных по оврагам домиков, что чувашки чудовищно нечистоплотны и предательски хитры и лживы; в подтверждение последнего указания в учебниках говорилось, что если спросить у чувашина дорогу, то он обязательно укажет не туда, куда надо, и обманет относительно расстояния.

Все эти этнографические присказки были почерпнуты из книг, написанных в первой половине XIX века, главным образом — из вышедшей в 1853 году книги Сбоева о чувашах, и повторялись вплоть до революции. Между прочим, эти присказки в начале XX века были повторены без указания источников известным публицистом Немировичем-Данченко в его книге «По Волге», что вызвало возмущенный протест в печати со стороны группы чувашских интеллигентов с обвинением писателя в плагиате и клевете на чувашей того времени. Нет основания думать, что описание Сбоева не соответствовало действительности в свое время, в крепостную эпоху, когда спасение чувашей от назойливых визитов русских чиновников и попов и непосильных налогов и сборов заключалось в бегстве в леса, в жизни в избах по-черному и в хижинах с одним окном, в неприглядности и беспорядочности построек и в грязи, говорящей о беспросветной темноте и бедности.

Говоря о культурно-бытовом облике современных чувашей, прежде всего следует отметить наличие оставшихся среди них до сего времени признаков родового и кочевого быта.

Постройки чувашей в настоящее время мало отличаются от русских построек. Они лишь обычно меньше размером, менее казисты, но более аккуратно приспособлены к хозяйственным нуждам и отличаются признаками большей домовитости. Характерными для чувашей постройками являются сооружаемые из досок лачужки посредине двора и двухэтажные амбары особенного стиля, которые, по мнению этнографов, являются остатками кочевой эпохи. На постройках чувашаи любят выводить свои особенные узоры; в недалеком прошлом на них выводились родовые знаки.

Во внутреннем оборудовании жилья в сравнении с русскими разница заключается лишь в нарах, которые обязательно имеются в каждой чувашской избе.

В отношении одежды резко выраженный национальный характер имеет лишь женское одеяние. Последнее у верховых чувашей—вириал (живут на территории республики)—напоминает одежду финских племен, а у низовых чувашей—анатри,—живущих вне республики,—одежду татарок. В настоящее время чувашских женщин, носящих русскую одежду, насчитывается 2%. Такие женщины встречаются среди живущих вместе с русскими чувашей и среди интеллигенции. Чувашаи, по преимуществу, одеваются в самотканную одежду. Из славянских племен одежда верховых чувашей напоминает одежду белоруссов.

Пищу чувашаи, как и прочие восточные народы, обязательно готовят в котлах. Любимым напитком чувашей является обычный на Востоке айран (по-чувашски: уйран), представляющий из себя разведенное кислое молоко; кроме того, чувашаи очень любят и искусно готовят домашнее пиво; изготовлению последнего они, вероятно, научились от русских («солод» и «хмель» в чувашском языке русского происхождения). Чувашка — плохая кулинарка, и приготовляемая ею пища скудна и непривлекательна; скудость пищи обуславливается, помимо отсутствия жиров, также и отсутствием овощей. В недалеком прошлом конина была любимым блюдом чувашей. Употребление чая в привычку чувашей вошло в конце прошлого столетия.

В семейных отношениях чувашей до сего времени сохранились определенные следы патриархально-родового быта, что выражается в почитании старших и в подавлении женщины. Браки совершаются и в настоящее время путем умыкания, за невесту платится калым, свадьба совершается с обрядами, резко выражающими порабощение женщины; женщина в семье перед старшими мужчинами не может показывать волос и ног. В недалеком прошлом мужчины женились 15—16 лет, а девушки выходили замуж 25 лет; в настоящее время это изжито.

Чувашаи до сего времени празднуют связанные с сельскохозяйственными работами и с солнцеворотом языческие праздники, которые и в смысле времени и по характеру напоминают древние славянские праздники. Из этих праздников наиболее достопримечательны весенние уйавы, сопровождающиеся торже-

ственными хороводами в течение 5 — 6 недель, а к а т у и (свадьбы плуга), устраиваемые перед весенней папней и заключающиеся в играх, борьбе и в устройстве бегов людей и лошадей, и девичьи осенние и зимние праздники, которые сопровождаются сложными обрядами из песен, танцев и игр и на которых девицы на положении хозяев угощают парней пивом и яствами.

Чувашская семья.

Чувашские праздники связаны с языческими верованиями, от которых чувашки не освободились и поныне. Еще в начале этого века чувашки во многих местах праздновали пятницу вместо воскресенья: последнее на чувашском языке называется «день русской недели». Многие важнейшие христианские праздники, как пасха, рождество, благовещение, вознесение и др., до сего времени носят языческие названия.

Многие святые, как Николай угодник и Илья пророк, в представлении чувашина являются богами. Лет 40 — 50 назад чувашки совершенно не ходили в церковь, иконы держали по обязанности, в случае неполучения просимого блага в жизни их пороли и выкалывали глаза изображений. Лишь в последнее полустолетие, под влиянием миссионерской деятельности чувашского духовенства, христианство несколько укоренилось среди чувашей и вызвало сооружение чувашских монастырей. Но масса населения до сего времени остается полухристианской — полужыческой. Еще теперь, после революции, ежегодно, в особенности в засушливые годы, почти во всех селениях совершаются старинные общественные моления с принесением в жертву домашних животных, известные под названием учуков. В обрядах при рождении человека, при болезнях, похоронах умерших и при поминовении усопших безраздельно господствуют языческие верования. Следует отметить, что масса чувашского населения вообще мало религиозна и идет за религией, главным образом, из любви к внешним обрядам, напоминающим ей о ее национальном быте. Религиозная система чувашского язычества заключается в почитании многих богов, с высшим богом Тора во главе, и злых и добрых духов. Названия некоторых обгов, духов и религиозных терминов обозначаются еврейско-арабскими словами. Сохранились среди чувашей и остатки шаманизма, роль шаманов играют так называемые иомзи и асамзи, но в последние годы они уже исчезают и остались лишь в наиболее темных районах. Христианство наиболее привилось верховым чувашам и наименее — низовым, несмотря на то, что последние живут рассеянно среди великорусского населения; это объясняется тем, что миссионерская деятельность русского духовенства среди верховых чувашей началась раньше и проводилась более энергично.

К настоящему времени среди чувашей мало осталось признаков, характеризующих местное право, хотя совсем еще недавно вся внутренне-бытовая жизнь чувашей регулировалась им. В общем чувашки не имели никакого доверия к суду и законам, считая, что они существуют лишь для обмана крестьян и для доходов русскому чиновничеству. Среди чувашей до сего времени очень распространены самосуды, которыми они расправляются с серьезными преступниками, как с конокрадами и взломщиками амбаров. Все разделы и наследования среди чувашей большей частью недавно еще совершались без письменных актов и закреплялись лишь словесными обещаниями и клятвами старших в роде. Чувашки любят разделы, что ведет к крайней дробности их индивидуально-массового хозяйства и к экономической маломощности этого хозяйства. Понятия о «незаконнорожденных» среди чувашей не было: они в правах наследования и в других отношениях приравнивались к законным детям. Развод брака у чувашей допускался совершенно свободно и сопровождался интересным обрядом: разводимые муж и жена ставились друг к другу, связанные кушаком, один из старших в роде

перерезывал ножницами этот кушак, и развод считался совершившимся, при чем разведенные после этого должны были искупаться в реке, приговаривая: «Как берега реки никогда не сходятся, так бы и мы не сходились». Молодая бездетная вдова могла выйти замуж за брата умершего мужа. Среди чувашей-язычников допускается многоженство, но последнее и в старину и теперь встречается среди чувашей лишь в исключительных случаях.

Чуваши довольно ревниво сохраняют свои национально-бытовые особенности. Эта ревность к старине коренится не столько в твердых и определенных, освященных верой и вековыми традициями, убеждениях и верованиях, сколько в стремлении сохранить свою национальную замкнутость. Это же стремление, несомненно, является естественным последствием исторического прошлого, которое приучило чувашей смотреть на весь окружающий мир враждебными и недоверчивыми глазами. В прошлом чувашки особенно подозрительно и с затаенным недоброжелательством относились к русским, что запечатлели древней, и поныне, хотя лишь в шутку, употребляемой поговоркой: «русский ушел — место освободилось» (поговорка употребляется после ухода из дома какого-нибудь очень нежелательного посетителя).

Просвещение.

Но в последние десятилетия эта национальная замкнутость и отчужденность чувашей все более и более разрежалась, рассеивалась и заменялась стремлением выйти на общий путь культурного развития народов. Достоинно отметить, что чувашское крестьянство к концу XIX века во всей своей массе проявляло очень большой интерес к школе и просвещению. По количеству школ и учащихся, проценту грамотных, размерам и темпу развития национальной литературы и количественному и качественному составу национальной интеллигенции чувашки заметно перегнали прочие восточные финно-тюркские племена, исключая татар, которые в этом отношении стояли даже выше окружающего русского населения (если взять в расчет лишь грамотность сельского населения).

На основании того, что в чувашском языке сохранились древние обозначения некоторых письменных знаков, этнографы полагают, что чувашки были знакомы с письменностью еще в древнее время. Но это лишь предположение, ибо чувашская древность не оставила нам никаких письменных памятников; памятники же болгарской эпохи с чувашскими письменами, как уже указывалось выше, по настоящее время не получили общепризнанного в науке освещения. В чувашском языке до сего времени сохранилась вызывающая недоумение старинная поговорка: «Чувашскую книгу корова съела». По толкованию чувашских историков,

в образе коровы, пожравшей чувашскую книгу, нужно видеть олицетворение злосчастной исторической судьбы чувашей, которая лишила их на многие столетия возможности иметь свою письменность.

Вплоть до освобождения крестьян чувашаи исключительно пользовались русской литературой и русским письмом; moreover, имеются отдельные и случайные указания о грамотных по-арабски чувашах в селениях, расположенных поблизости к г. Казани и прочим культурным центрам татарского народа.

Школьное образование среди чувашей началось с начала XVIII века. Это образование насаждалось исключительно миссионерами в целях приобщения чувашей к православию. Существует предание, что еще при Грозном, вскоре после покорения татарского царства, в Казани при монастыре была открыта школа для подготовки из инородцев миссионеров. Но вследствие продолжавшихся в течение XV—XVII веков инородческих волнений это дело заглохло и возобновилось вновь лишь при Петре I, когда в Казани при архиерейском доме была открыта особая школа для инородческих детей вообще и чувашских — в частности.

Учащиеся этой школы вследствие плохого питания, дурного обращения и неправильной системы обучения почти поголовно заболевали и умирали, и в конце концов губернатор после всевозможных препирательств с церковной знатью просто приказал закрыть школу. Вместо этой школы была открыта духовная семинария, в которую принимались и инородческие дети. Позже, в 1730—1740 годах, подобные же школы были открыты, главным образом для обучения чувашских детей, в г.г. Свияжске и Цивильске. В Цивильской миссионерской школе обучалось чувашских детей в промежуток времени 1740—1764 г.г. 320 чел., и в промежуток времени 1765—1793 г.г. — 400 чел. Кроме того, имеются указания о вывозе в ту пору для духовно-миссионерского обучения чувашских детей в Нижний-Новгород и другие центры Великороссии. Из этих насильно обученных чувашских детей выходили типичные миссионеры-руссификаторы, применявшие по отношению к родному народу все те приемы «воздействия», какие практиковались воинственными миссионерами из Москвы; поэтому это поколение первых чувашских грамотеев не оставило в культурной истории чувашей никаких положительных последствий, оно лишь положило начало образованию среди чувашей целого ряда родовитых духовных фамилий, которые из поколения в поколение вели и поныне ведут среди чувашей черносотенно-руссификаторскую политику, считая последнюю своим историческим призванием. Эта эпоха чувашского просвещения совершенно не коснулась массы крестьянского населения.

С начала XIX столетия начался новый период в истории чувашского просвещения. С 1807 г. в наиболее крупных чувашских селениях начинают открываться светские школы; к 1846 г. таких школ было открыто 27, в них в 1846 г. обучалось 1 198 чу-

вашских детей, а окончило 992 чел. Эти школы открывались уделом и казной. Назначением этих школ являлась подготовка писарей и прочего мелкого служилого персонала для нужд казны и удела.

Из этих школ также в большинстве случаев выходили наиболее усердные и ретивые исполнители воли начальства в деле эксплуатации беспомощного и изнывающего под крепостным бременем чувашского крестьянства. Обучение в этих школах велось исключительно на русском языке, воспитание давалось в резком античувашском духе, обучаемые в школах дети с малых лет развращались всевозможными поблажками начальства, направленными к тому, чтобы внедрить в них презрение к своему поработанному народу. Естественно, что население на эти школы смотрело с ненавистью, отказывалось добровольно отдавать своих детей в эти школы и при возможности откупалось от этого, как от тяжелой повинности, взятками и подарками. В современном чувашском языке слово «школьник» (искаженное «школьник») является синонимом озорника и шарлатана. Несомненно, что это понятие в народном сознании сложилось именно в эту эпоху, которая, вообще говоря, не оставила каких-либо заметных следов в истории культурного накопления чувашей.

Начало чувашской школе, в более или менее истинном значении этого слова, было положено в 60-х годах прошлого столетия. В правительстве и обществе к этому времени начало складываться сознание, что меры насильственной христианизации и руссификации инородцев не дают положительных результатов и, наоборот, вызывают вредные для русской государственности последствия, отвращая мелкие племена от всего русского и вызывая массовый переход в ислам и татаризацию. Наиболее ярким и искренним выразителем этого сознания явился ученый ориенталист Ильминский, который основал особую, названную его именем, систему просвещения инородцев. В основу этой системы, считавшейся официально признанной системой инородческого просвещения вплоть до революции, была положена мысль, что главным орудием религиозно-культурного воздействия на инородцев должен служить родной язык последних. Из этого положения вытекала необходимость обучения инородческих детей в первые годы учобы на родном языке и необходимость пользования материнским языком учащихся, в качестве одного из средств преподавания, в последующие годы; из этого же положения вытекала необходимость ведения среди инородцев массовой религиозной пропаганды на их родном языке. Основная идея этой системы ее автором была формулирована так: «Дайте инородцу русскую душу, и все остальное приложится».

Так как из принципов Ильминского логически вытекала необходимость создания кадра учителей и духовенства из инородцев и необходимость создания письменности и литературы на инородческих языках, то система эта встретила и встречала до последнего времени самое ожесточенное сопротивление со стороны

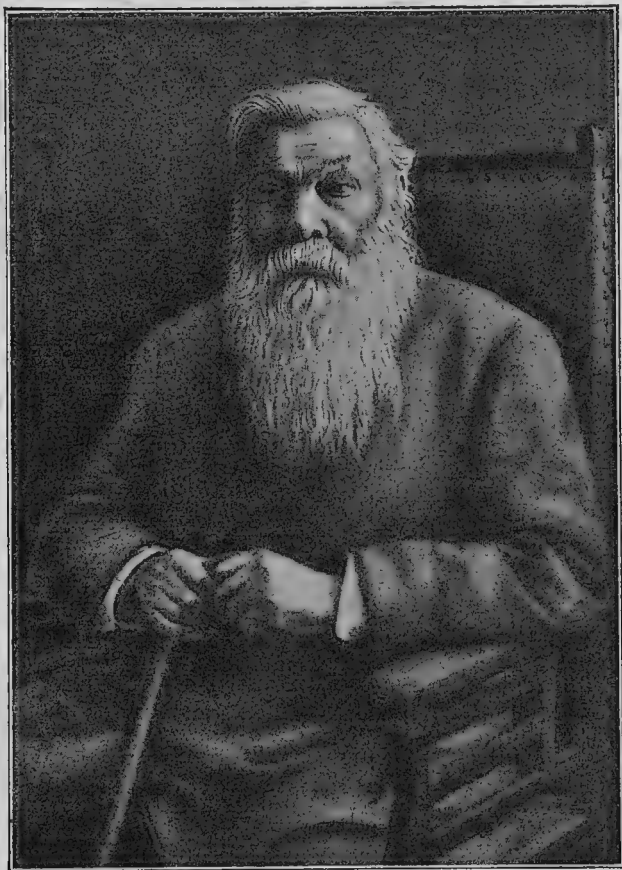
русской краевой интеллигенции, главным образом духовенства, которая почувствовала угрозу появления, благодаря этой просветительной системе, конкурента в лице национальной инородческой интеллигенции. Но, по странной иронии судьбы, эта, по своему времени несколько прогрессивная система встретила благосклонное покровительство со стороны таких столпов реакции, как Победоносцев, Саблер и другие мракобесы, и получила на целые полвека официальное утверждение. Политическим коньком ильминцев, на котором они выезжали в борьбе с противниками и врагами какого бы то ни было просвещения инородцев, кроме как на русском языке и через русских учителей и русское духовенство, — служила борьба с нарочно преувеличиваемой ими опасностью панисламизма и пантюркизма. Таким образом эта система, выявляя благосклонное и доброжелательное отношение к внешне охристианизированным инородцам, крайне враждебно и воинственно была настроена по отношению к мусульманам и принесла этим племенам очень много вреда. Но в истории инородцев-немусульман эта система, при всей реакционности основной своей идеи, оставила огромные положительные последствия и создала в жизни этих народов целую историческую эпоху.

С признанием системы Ильминского, как государственной программы просвещения инородцев, во главе чувашского школьного дела встал чувашин-крестьянин И. Я. Яковлев. Достойна удивления жизнь и деятельность этого человека, среди чувашской интеллигенции получившего титул «патриарха» чувашской культуры. «Незаконнорожденный», круглый сирота в детстве и приемный в чужой и бедной семье, пастух в отрочестве — И. Я. Яковлев в крепостное время был взят на обучение в сельскую удельную школу.

✓ По окончании этой школы он был принят в землемерно-таксаторскую школу того же удела в г. Симбирске. По окончании этой школы он, при покровительстве некоторых либеральных дворянских семей, взрослым человеком поступил и окончил гимназию и, затем Казанский университет. Еще будучи гимназистом, он в своей каморке открыл школу для чувашских детей, которых он привозил из деревень, содержал и обучал их своими силами. Деятельность И. Я. Яковлева началась в 1868 г. и прервалась в 1918 г., т.е. продолжалась ровно 50 лет. Все чувашское школьное дело за этот полувековой период связано с именем этого человека. Он создал, развил и возглавлял в течение 50 лет чувашскую учительскую школу, служившую колыбелью всего чувашского просвещения, он изобрел и ввел в употребление с 1874 г. чувашский алфавит и чувашский букварь, в течение 30 лет был руководителем всех чувашских школ, состоя инспектором школ Казанского округа, он же руководил всей работой по созданию чувашской литературы.

К наступлению революции среди чувашей функционировало до 1200 начальных школ и 20 двухклассных школ, и в них преподавало до 1800 чувашских учителей. Постановка народ-

ного образования среди чувашей была заметно ниже, чем среди окружающего русского сельского населения, но все же она поднялась на ту высоту, при которой чувашское крестьянство в массе своей начало приобщаться к грамоте. Грамотность среди мужского пола достигла 60%, а среди женского пола — 10 — 15%. Конечно, эти цифры говорят о еще очень низком уровне чувашского про-

И. Я. Яковлев. Родился в 1848 г.

свещения, тем не менее они означают целую революцию, происшедшую в жизни недавно первобытных чувашей. В чувашских школах до революции дети лишь один год обучались на чисто чувашском языке и по чувашским учебникам, в дальнейшем же они обучались по русским учебникам, но обучение производилось учителями-чувашами, и родной язык во все время обучения служил вспомогательным средством для усвоения русского языка. Несмотря на такое весьма ограниченное употребление род-

ного языка, «яковлевская» школа совершила полнейший перелом в умах и настроениях народа, который эту школу признал своей и искренно потянулся к ней. С этого времени началось обучение чувашских детей и в школах повышенного типа: в учительских семинариях, духовных учебных заведениях, городских школах и частично, в отдельных случаях, в гимназиях и реальных училищах. С 90-х годов прошлого столетия чувашки начали, правда в весьма ограниченных размерах, проникать и в высшую школу. Перед революцией лиц с высшим образованием среди чувашей насчитывалось всего 5—6 десятков ¹⁾.

При открытии первой чувашской школы в с. Буртасах в 1807 г. местный русский исправник был против этого открытия; он указал на то, что чувашки, получив школьное образование, бросят заниматься земледелием. Опасения этого в свое время чувашского «царя и бога и отца-благодетеля» частично оправдались: благодаря школе чувашин начал вылезать из своей первобытно-племенной скорлупы и стремиться к городу, к общей культуре, к промышленному труду.

Литература и искусство.

Таким образом в области школьного образования чувашами были сделаны определенные, хотя и очень скромные, успехи. Но вплоть до падения царизма абсолютно плохо обстояло дело с развитием чувашской литературы и искусства. Иначе и не могло быть в условиях того времени, когда инородческая школа преследовала прежде всего цели скорейшего обрусения.

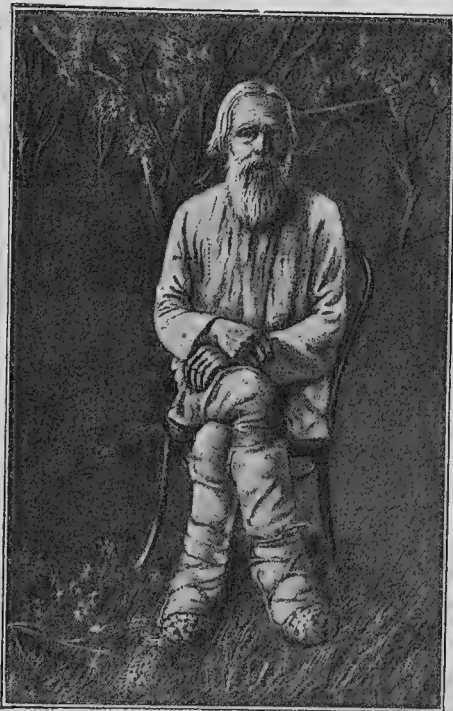
Первые книги на чувашском языке начали появляться в XVIII веке. Это были катехизисы, молитвенники и прочие религиозные книги. Составителями их были русские миссионеры и обучавшиеся в духовных школах чувашские дети. Книжки эти были составлены или переведены с русского на чувашский язык очень небрежно с употреблением массы неправильных оборотов из русской речи; кроме того, книжки печатались русским алфавитом, совершенно не соответствующим фонетической природе чувашского языка. После 60-х годов этим же алфавитом были напечатаны и некоторые светские книжки, как календари, словари и пр. Эта «литература» народу не привилась: чтение ее вызвало в крестьянах в лучшем случае недоумение, в худшем случае — насмешливый хохот своими вычурными и неправильными стилистическими оборотами. Чувашская письменность встала на надлежащие рельсы лишь с 70-х годов, когда за нее взялись чувашские учителя с И. Я. Яковлевым во главе. Первые же опыты перевода книг на чувашский язык, сделанные природными чу-

¹⁾ Считаем безынтересным отметить следующее: первым чувашком, пробившим себе дорогу в высшую школу в самом начале 90-х годов, был крестьянин Н. М. Охотников; он был подготовлен на аттестат зрелости В. И. Лениным, который в бытность свою гимназистом старших классов совершенно безвозмездно и очень усердно репетировал Охотникова в течение 2 лет,

вашами, показали, что этот язык пригоден для передачи каких угодно мыслей и понятий. Книги, написанные чувашским алфавитом и чистым чувашским народным языком, сразу расположили к себе крестьянское население. Но, к несчастью, вся дореволюционная литература чувашей почти полностью была религиозного и духовно-нравственного содержания. Из изданных до революции почти 1000 названий самый незначительный процент падал на книги и брошюры по сельскому хозяйству, медицине, истории и т. п.; переведена была вся библия, издана масса житий святых и разного рода сборников проповедей, но почти ничего не было издано из научной литературы.

Особенно плохо обстояло с собиранием и изданием материалов народного словесного творчества. Несмотря на свое исключительно тяжелое прошлое, чувашский народ сохранил достаточно богатый запас сказаний в виде сказок, легенд, песен, поговорок, пословиц и прибауток. В чувашском языке сохранились смутные, но все же определенные сказания о Разине, Пугачеве и Грозном. По указанию знатока чувашского языка Ашмарина, в народных сказаниях чувашей упоминается Тимур и Александр Македонский (последний, как и на языках современных народов Средней Азии именуется Искендером). Всякая попытка издания этих продуктов народного творчества рассматривалась царизмом как затея, на-

правленная против интересов русской государственности. Тем не менее в течение истекшего полувека чувашами, главным образом учителями, было записано и обработано весьма много материала из народной словесности, по весь этот материал до сего времени не издан за неимением средств. Следует отметить, что целый ряд лиц с фанатичным упорством посвятил этому делу целые десятилетия, и почти никто из них при жизни не мог видеть появления в печати результатов своего труда. Эта невозможность печататься на чувашском языке заставляла многих из них ограничиваться изданием этнографических очерков на русском языке для русской общественности, но не для массы чуваш-

Тип хранителя народных преданий.

ского крестьянства. Первые очерки такого рода, написанные чувашиним Михайловым, появились еще в 1853 г. С 70-х годов появился целый десяток чувашских бытописателей, которые в периодических изданиях и специальных работах осветили на русском языке национально-бытовые особенности чувашей. Но на чувашском языке этими писателями не было издано ничего. Таким образом чувашский народ совершенно лишен был возможности знакомиться и пользоваться накопленными им самим словесными сокровищами.

Еще хуже было положение художников слова. Их оригинальные произведения совершенно не печатались и продолжали лежать в сундуках авторов. Еще в конце 80-х годов поэтом Федоровым был набросан пролог поэмы «Арсюри» («Леший»). Эта поэма автором была задумана очень широко. В ней автор стремился дать, по типу финской «Калевалы», связанное изложение всего народного эпоса в основных его чертах. Этот пролог производил очень большое впечатление на читателей и распространился в рукописи среди чувашей всего Поволжья; однако автор, прожив до пожилого возраста, в течение своей жизни не мог видеть появления в печати своего поэтического произведения (поэма напечатана лишь в 1919 г.).

Нечего упоминать о невозможности печатания при царизме общественно-политической литературы на чувашском языке. По примеру татар, получивших возможность выпускать одну газету для всего мусульманского Востока (газета Гаспринского в Крыму: «Тарджиман»), чувашаи в конце 80-х годов также возбудили ходатайство о разрешении им издавать газету на чувашском языке, но правительство не дало им на это разрешения.

Говорить о возможности развития искусства среди чувашей в старое время также совершенно не приходится. Конечно, миллионный трудовой народ не мог жить без него, но оно было у чувашей первобытно-элементарным и проявлялось или в религиозно-бытовых празднествах, или при выполнении с.-х. работ. На первом месте в этом отношении стояла музыка и народная песня. Согласно отзывам этнографов, чувашаи являются наиболее музыкальным народом на Волге. В древности любимым музыкальным инструментом был сырнай (обычный на Востоке пузырь), в последнее время его заменили гусли и скрипка. Особенное предпочтение чувашаи оказывают гуслиам. Они делают их сами как для собственного употребления, так и для продажи. Среди чувашей встречаются весьма искусные гуслиары, которых не редкость было встретить на Волге в качестве промышляющих игрой бродячих музыкантов. Одному из чувашских гуслиаров, между прочим, принадлежит составление изданного известной фирмой Циммерман руководства игры на гуслиях. Мотивы чувашских песен отличаются заурядностью и значительным однообразием, но все же в музыкальном отношении представляют достаточный интерес. Конечно, как чувашская музыка, так и чувашская народная песня были в прошлом в абсолютном пренебрежении.

Кроме музыки и песни, из видов народного искусства среди чувашей следует отметить женские вышивки, которые по графическому построению и цветистости своих узоров являются весьма оригинальными. Но это женское искусство совершенно не пользовалось вниманием и продолжало вместе с умирающим патриархальным бытом хиреть и вырождаться.

Безнадежное положение чувашского искусства в прошлом видно хотя бы из того, что чувашская интеллигенция в течение полувекового своего существования не могла и помышлять о возможности создания чувашского театра. Она пробавлялась любительскими спектаклями на русском языке и ставила их перед не знающей русского языка чувашской крестьянской аудиторией, попытки же ставить спектакли на чувашском языке неизменно кончались вмешательством пристава.

В абсолютно печальном положении находилась чувашская наука (разумея под этим термином научные дисциплины, изучающие язык, историю, экономику, культуру и быт чувашей). До конца XIX века не было примера, чтобы чувашин в каком-либо отношении были объектом специального научного исследования. Все, что говорилось в науке о чувашах, говорилось вскользь и мимоходом и в большинстве случаев в духе диллетантском.

Начало чувашеведению на научной основе положил Н. И. Ашмарин, ориенталист-тюрколог по образованию и русский по происхождению, посвятивший всю свою жизнь чувашскому делу. Этому скромному, но глубокому ученому очень много пришлось претерпеть в жизни от старой просвещенской администрации. Она его, русского человека, обвиняла в насаждении «чувашского сепаратизма и национализма», чинила препятствия в печатании его научных трудов, держала его, ныне профессора Азербейджанского университета, в течение 25 лет на положении учителя географии учительской семинарии. Под влиянием работ Ашмарина начали воспитываться молодые чувашские ученые, из которых один к концу XIX века начал выступать с научными работами о чувашах: этим ученым из чувашей был этнограф и историк Н. В. Никольский. Характерно для истории чувашской культуры, что этот профессор-чувашин, будучи воспитан в эпоху нажима и преследования всего чувашского, не владеет чувашским литературным языком и пишет свои работы только по-русски.

Участие чувашей в органах местного самоуправления.

Нет нужды распространяться о том, что чувашин и после освобождения крестьян совершенно были устранены от участия в местных органах управления. Все административно-хозяйственное строительство края находилось в руках пришлых дворян и чиновничества. Даже в выборных органах земского и городского самоуправления, от участия в которых население формально не было устранено, фактически вершили дела назначенцы со сто-

роны. За полувековое существование земств даже в чисто чувашских уездах не было случая, чтобы во главе земства стояла чувашская управа. Обычно земства возглавлялись назначенными со стороны дворянами, и лишь для внешнего декорума в управу избирался один чувашин из крестьян, долженствовавший играть роль пятой спицы в колеснице. Прочая уездная администрация, в том числе пристава, земские начальники, военно-судебные и разные административные чины вплоть до урядников и волостных писарей были поголовно русские. Ясно, что при этих условиях не могло быть и речи об активном участии чувашского населения в устроении своих культурно-хозяйственных судеб.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1905 год.

Экономические и политические предпосылки развития революционных идей.

В революционном движении 1905 года чуваши, в сравнении с прочими инородческими племенами Поволжья, приняли наиболее активное участие. Эта сравнительная политическая и революционная активность чувашей, конечно, в первую очередь была обусловлена безмерно плохим экономическим положением края. В самом деле, к началу XX века хозяйственное состояние чувашского крестьянства было таково, что последнее не только не могло думать о дальнейшем улучшении материальных условий своего существования, но оно стояло перед прямой угрозой массового вырождения. Обнищание чувашской деревни особенно ускоренным темпом пошло с того момента, как и этот отсталый край хотя медленно и постепенно, но все же определенно начал втягиваться в процесс капиталистического развития. Ясно, что в этом отношении чувашская деревня переживала общую судьбу российской деревни.

Огромное значение в жизни края имело проведение с начала 90-х годов Московско-Казанской ж. д. Эта дорога пересекла территорию современной республики как раз посредине и включила в сферу своего влияния весь Чувашский край. Благодаря этой дороге вскоре после ее проведения в крае возникает ряд небольших, но все же индустриального типа промышленных предприятий, в виде заводов лесопильных, кожевенных, мыловаренных. По этой же дороге сооружается мебельная фабрика и несколько паровых мельниц. С проведением же этой дороги возникает по территории целый ряд хмелепрессовальных заводов и увеличивается сеть мастерских по выработке кулей и рогож. Этой же дороге своим развитием в значительной мере обязаны маслобойный и спиртогонные заводы в крае. Таким образом зачатки промышленности, зародившиеся по берегам Волги и Суры еще очень давно, благодаря ж.-д. линии получили возможность дальнейшего развития. Конечно, эта промышленность по своим размерам была слишком ничтожна и по характеру предприятий слишком была мелка и близка к кустарничеству, чтобы можно

было думать о возможности вовлечения непосредственно в процесс промышленного производства отсталого чувашского населения. На старых и вновь возникающих предприятиях рабочий состав неизменно комплектовался из русских рабочих. Но тем не менее на некоторых из них, как на мебельной фабрике, начали возникать и оформляться маленькие ядра из квалифицированных чувашских рабочих. Важность этого процесса для судеб чувашского крестьянства не нуждается в пояснении; мы лишь укажем, что благодаря этой фабрике и появлению на ней чувашских рабочих в последние десятилетия получило заметное распространение в чувашских уездах столярное ремесло. С проведением же железной дороги значительно расширилась мелкая и кустарная промышленность вообще.

К концу XIX века в крае начинается довольно сильное экономическое оживление. В связи с усилившимся спросом и вывозом сырья и полуфабрикатов весьма заметно расширяются лесоразработки, заводская и кустарная обработка дерева и промышленная обработка пищевых продуктов. Чувашское население волей-неволей постепенно втягивается в массовом масштабе во внеземледельческие промыслы.

На территории края нарождается и укрепляется торговый капитал, который хищнически вывозит из края все, что можно. С этого времени растет массовый вывоз из края кулей и рогож, дубовой клепки, тряпья, яиц, битой птицы, хмеля и зерна. В убогом и недавно еще первобытном крае намечается веяние и иностранного капитала. Высокого качества дубовая клепка, равная по достоинству дубовым породам Волыни, становится предметом экспорта во Францию (она служит полуфабрикатом для винных бочек); яйца и битая птица экспортируются в Германию и Англию; вывозится за границу чувашское тряпье (последнее ценится потому, что оно исключительно самотканного происхождения).

В результате накопления торгового капитала появляются чувашские купцы, еще не порвавшие связи с деревней и не успевшие «окультуриться» и обрусеть, но уже имеющие экспортные конторы и представительства в Берлине и Лондоне. Чувашские же купцы с чувашскими рабочими и приказчиками по Волге и Каме открывают склады и конторы по сбыту леса и закупке и заготовке яиц. Одновременно с этим капиталистическую окраску принимает и кустарная промышленность. Старинные артели кустарей захватываются отдельными предпринимателями, которые становятся хозяевами кустарного рынка, захватив в свои руки снабжение сырьем и сбыт продукции кустарей.

Усилившийся спрос на вывозимые из края продукты сельского хозяйства вносит значительные изменения в жизнь деревни. Возникают зачатки промышленного садоводства и огородничества, усиленно развивается традиционное хмелеводство, бытовые культуры — полба и ячмень — в полеводстве уступают место рыночному овсу. В районе Ядринского маслобойного завода заметно увеличивается площадь льна и конопли. Таким образом медленно

и еле заметно, но непрерывно и неотвратно, и в архаически-отсталом чувашском хозяйстве обнаруживаются признаки товарного производства, производства для рынка, а не только для собственного потребления, как было незадолго перед этим.

Одновременно с таким заметным торговым и промышленным оживлением края и наметившейся частичной ломкой хозяйственного быта деревни усилился процесс расслоения чувашского крестьянства. Более отчетливо и резко выделились слой зажиточных верхов из торговцев, промышленных предпринимателей и посевщиков и слой бедноты с нищенскими наделами и без скота, которая могла существовать лишь работой по найму. Это же время характеризуется значительным ухудшением и без того тяжелого положения середняцких слоев крестьянства. Знаменитый голод 1891 года и ряд плохих урожаев в последующие годы подорвали основные хозяйственные устои деревни, вызвав резкое сокращение скота и посевов. Увеличивающиеся из года в год налоги, сборы и подати поглощали львиную долю доходного бюджета чувашина-середняка; в то же время у последнего все более и более расширялись потребности. К этому моменту вошло в привычку населения массовое употребление чая, табака; чувашки начали привыкать к употреблению тканей фабричного производства; у них начал проявляться интерес к галантерейным и бакалейно-колоннальным товарам; в хозяйственном обиходе их должное место начали занимать металлические изделия. Деревянные зубья борон начали заменяться железными, а старинные искусные запоры из дерева — металлическими замками; наиболее передовые крестьяне начали приобретать плуги и прочие с.-х. орудия. В течение 20 — 30 лет хозяйственный и культурный облик чувашской деревни изменился до неузнаваемости, потребности этой деревни удвоились, между тем ее экономическое благополучие все более и более снижалось.

С этого времени начинаются массовые поиски крестьян вне-земледельческих заработков и промыслов и ежегодный уход значительной части населения на отхожие промыслы.

Таким образом общим ходом экономического развития страны преобразается и чувашская деревня, недавно еще совершенно первобытная и замкнутая от всего внешнего мира своей национальной отчужденностью.

Соответственно глубоким социально-экономическим сдвигам, происшедшим в жизни чувашской деревни, и соответственно классовому расслоению ее населения начинает наблюдаться заметный рост политического сознания крестьянства. Росту этого сознания значительно содействует чувашская мелкобуржуазная и интеллигентская прослойка. Последняя по мере своего развития все более и более начинает одухотворяться идеями борьбы за национальное освобождение. Национальная чувашская интеллигенция начинает претендовать на то, чтобы ей дали место в хозяйственном и культурном строительстве среди чувашей. Среди нее начинают распространяться идеи о культурно-национальной

автономии чувашей и об общечувашском земском союзе. Сдвигу в сознании и настроении интеллигенции способствует правительственная политика, которая с каждым годом делается все более развязной в отношении угнетенных национальностей. Узко миссионерский характер государственной программы просвещения чувашей не расширяется соответственно новым веяниям времени, а еще более суживается; просвещенская администрация начинает проявлять стремление пересмотреть систему Ильминского и изгнать чувашский язык из чувашских школ; стремление к созданию светской литературы на чувашском языке встречает противодействие со стороны правительства и не встречает сочувствия со стороны земств. Наконец, в 1903 г., в предупреждение развития чувашского «национального сепаратизма», снимается с должности инспектор всех чувашских школ Казанского учебного округа И. Я. Яковлев. Последнее обстоятельство производит на всю чувашскую интеллигенцию колоссальное впечатление. В нем интеллигенция и все крестьянство олицетворяли идею общенационального объединения и идею свободного культурно-национального строительства чувашского народа. С устранением Яковлева чувашское образование в уездах целиком попадает во власть инспекторов-руссификаторов, которые общим фронтом начинают борьбу против официально установленной программы просвещения с употреблением чувашского языка в школе. К этому времени появляется среди чувашей ряд лиц из крестьян, получивших высшее образование. Они, естественно, горят желанием поработать среди своего народа, но ни один из них не имеет возможности получить работу в чувашских уездах на своей родной территории. В это время нарастает заметное недовольство существующим порядком вещей даже среди чувашского духовенства. Будучи целиком крестьянского происхождения и не успев впитать в себя все кастовые предрассудки своего сословия, духовенство вообще отличалось некоторой демократичностью своих стремлений. Росту этой демократичности и оппозиционных настроений содействовало местное руссификаторское духовенство из русских, которое смотрело на чувашское духовенство из «мужиков» с пренебрежением и ненавистью. В борьбе с русским духовенством чувашское духовенство стремилось обеспечить себе победу созданием чувашской епархии с чувашским архиереем во главе, что шло в разрез со всей политикой синода и, естественно, не могло встречать с его стороны благосклонного отношения.

Эти оппозиционные настроения среди интеллигенции и духовенства весьма отзывчиво схватывались чувашским крестьянством; в этом отношении, не в пример русскому крестьянству, чувашские крестьяне питали большое доверие к нарождающейся национальной интеллигенции. В подтверждение этого укажем на следующий характерный факт из жизни чувашской интеллигенции. По окончании Дерптского университета возвращался домой первый и единственный доктор из чувашей; на станции, где он должен был слезть с поезда, его неожиданно встретила огромная толпа из

крестьян нескольких селений и с криком «ура», подняв на руки, буквально донесла до дома, расположенного в 2—3 верстах от станции. Общественный смысл этого маленького события заключается в том, что этим чуваша-крестьяне выявили не столько уважение к одной ценимой ими личности, сколько торжество по поводу приобщения через этого интеллигента их самих, доселе невежественных и презираемых цивилизованным миром, рабов к общечеловеческой культуре.

Вот в общих чертах те социально-политические и культурно-национальные предпосылки, на основе которых возникло и развивалось в 1905 году революционное движение среди чувашей.

Формы и размеры революционной борьбы чувашей, если подходить к ней с общей меркой, были довольно бледны и элементарны. Но если рассматривать эту борьбу в исторической перспективе, то приходится признать, что она составила целую, совершенно новую эпоху в истории угнетенных чувашей. Знаменательность этой борьбы не в ее силе и напоре. Восстания и бунты XVI—XVIII в.в. были в этом отношении во много раз шире, глубже и кровавее; знаменательность и характерность этой борьбы заключается в большей определенности ее социально-политической программы и, главное, в ясно и отчетливо выраженной идее общенационального объединения чувашей в целях свержения национального гнета и завоевания свободы для беспрепятственного культурно-хозяйственного строительства соответственно zaloженным в народе силам и возможностям.

1905 год знаменует тот большой исторический скачок, какой сделали чуваша с 70-х годов прошлого столетия благодаря изложенным выше условиям социально-экономического развития. Чтобы охарактеризовать размеры этого скачка, считаем нелишним в двух словах изложить те штрихи, какими изображала чувашей предшествующей эпохи русская художественная литература. Конечно, в последней о чувашах имеются лишь случайные указания, но эти указания ценны своей правдивостью.

Л. Н. Толстой, имевший возможность ознакомиться с чувашами во время пребывания в Казанском университете, в своем известном романе «Воскресенье» в качестве конвоиров Катюши после суда неожиданно выводит солдата-чувашина и русского нижегородца; чувашин изображается в виде наивного, но честного дикаря, которому, конечно, было чуждо не только сочувствие, но и понимание той сложной драмы, какую переживало в ту эпоху «кающихся дворян» русское культурное общество; в этом как бы случайно выведенном образе Толстой своим художественным чутьем запечатлел ту эпоху в жизни чувашского племени, когда последнее бежало и пряталось от культуры и всего русского в лесах и оврагах и могло появляться в городах лишь в виде солдат и конвоиров, насильственно вырванных из яла и слепо и бездушно выполнявших волю начальства. Другой русский художник, известный Н. Г. Гарин-Михайловский, в особой драме из чувашской жизни «Зора» более ясно и отчетливо изобраа-

зил эпоху, непосредственно предшествовавшую эпохе чувашского возрождения. В этой драме писатель изображает проведение через чувашский край железной дороги. Работу эту ведут «культуртрегеры», английские инженеры; чувашаи и англичане здесь изображаются двумя породами людей, по уровню культуры отстоящими так же далеко друг от друга, как человек от обезьяны. Чувашаи здесь — земледельцы и язычники-шаманисты; они обещаемых английскими инженерами культурных благ в виде железных дорог, фабрик и дворцов не желают иметь и только просят, чтобы оставили их в покое. «Культурность» же строителей выражается, кроме устройства маскарадов, в насильственном отобрании земель для ж.-д. линии, в штрафах и обманах при расчете за производимые чувашами работы и в умыкании и растлении чувашских девиц; драма заканчивается бунтом чувашей и убийством английского инженера. Драма эта, очевидно, изображает чувашей 80-х годов. Автор ее познакомился с чувашами при проведении Самаро-Златоустовской ж. д., где он работал в качестве одного из руководителей; между прочим, один из разъездов на Урале им был назван «Чувашаи» (разъезд расположен рядом с чувашским селом); разъезд этот под этим же названием существует и поныне. Если взять чувашина Толстого и чувашей Гарина, с одной стороны, и чувашей 1905 года — с другой, то мы видим, что те и другие находятся на двух совершенно различных, отделенных друг от друга глубокой пропастью, этапах развития.

1905 год обнаружил, что чувашаи уже вышли из стадии первобытного племени и начали оформляться как народность с признаками и претензиями на свободное существование. Чувашское революционное движение являлось лишь капелькой среди бушующего народного моря нашей необъятной страны, оно являлось лишь маленьким ручейком среди беспредельных потоков революционного гнева, борьбы и страданий, какие пережили в 1905 году рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция и угнетенные народы России. Если это общероссийское движение в общем и целом носило буржуазно-демократический характер, то таковым же, хотя и несколько в условном смысле, было чувашское революционное движение. Естественно, что в этом движении, кроме того, достаточно резко и отчетливо выпячивались мотивы чисто национальные, мотивы освобождения от гнета и насилия, которые переживали чувашаи в силу своего племенного происхождения. Здесь нет места для подробного изложения всего хода революционной борьбы чувашей в 1905 г., мы здесь лишь отметим главнейшие события и основные требования, которые были выдвинуты чувашским крестьянством и интеллигенцией в процессе этой борьбы.

1905—1907 г.г. в чувашском крае.

Характерной особенностью движения чувашского крестьянства являлось то, что оно происходило при почти абсолютном отсутствии среди них помещичьих имений. Отсутствие этой основной

причины аграрных волнений значительно суживало формы и рамки движения и придавало последнему несколько необычный оттенок. Случай нападения чувашей с целью разгрома на помещичьи имения отмечались лишь среди чувашей Симбирской, Самарской и Уфимской губерний; на территории же нынешней автономной республики такой случай наблюдался лишь один раз: в русской деревне Козловка (пристань на Волге) русскими крестьянами и чувашами окрестных селений было разгромлено имение местного помещика, единственного более или менее крупного помещика во всем Чебоксарском уезде. Разгром этот происходил на глазах выехавшего с целью увещания казанского губернатора Хомутова, которому удалось спастись от самосуда крестьян бегством на пароход.

При отсутствии помещичьих имений и казенных земель в крае революционная энергия крестьянства единственно могла направляться в сторону овладения государственными лесными дачами с целью порубок. Но это ни в какой мере не было выходом из положения для чувашского крестьянства, стремившегося к земельному приращению. Преподносимая народниками идея социализации земли схватывалась при этих условиях всей массой чувашского крестьянства в первое время весьма восторженно: уравнительное распределение земель в ее понимании значило, что чувашки получают после революции свою долю от конфискуемых помещичьих, удельных и казенных угодий в других помещичьих уездах Казанской губ. и в прочих средне-волжских губерниях. Но ведь это была «теория», практическое разрешение которой, с точки зрения крестьянина, вызывало всяческие сомнения.

Осуществление этого, такого красивого с виду, принципа распределения земель для чувашского крестьянства было связано неизбежно с выселением части населения из родного края. И вот, вопреки всем программам социалистических партий и крестьянского союза, которые распространялись и популяризировались среди чувашей, чувашское крестьянство стихийно и повсеместно на своих сходах, собраниях и съездах начинает выдвигать требование о возврате захваченных от них колонизаторами в прошлом земель. Но ведь это означало, что из чувашского края необходимо выселить также бедное и малоземельное русское крестьянство, уже живущее в крае в течение трех столетий. Несмотря на это, чувашки-крестьяне во многих местах начинают настаивать на внесении в аграрную программу пункта, по которому угнетенным национальностям, при осуществлении уравниния землепользования по всей стране, в первую очередь возвращаются потерянные ими при колонизации угодья. Это настроение чувашского крестьянства нашло следующую оценку проф. Штернберга в его известной книге «Формы национального движения в современных государствах»: «У чувашей, при всей их солидарности с соседним русским населением, был в некоторых местах свой больной вопрос: это — спорные луговые земли, которые чуть ли не при Грозном были отняты у них силой и переданы русским переселенцам».

ленцам; и вот, несмотря на популярность в их среде идеи социализации земли, ими был выдвинут в общерусскую аграрную платформу пункт о *restitutio statu quo ante* с луговыми землями; эту оценку следует поправить в том смысле, что чувашами, как мы указали выше, этот аграрный лозунг понимался не только в отношении луговых земель, но во всем объеме всех земель вообще.

Не имея пред собой объекта в лице помещика, чувашское крестьянское движение направлялось, главным образом, по линии борьбы с местной полицейщиной, русским монархическим и русификаторским чиновничеством и духовенством. Эта борьба в промежутки 1905 — 1907 г.г. была достаточно выразительна и достаточно энергична и моментами совершенно терроризировала и парализовывала краевую власть. Наиболее сильные волнения происходили по Волге в Чебоксарском уезде, отличающемся из всех чувашских уездов наибольшим развитием промыслов и наибольшим процентом ухода крестьян на отхожие промыслы. Здесь в течение двух лет повсеместно открыто работали ячейки крестьянского союза, устраивались волостные и районные съезды, собрания и грандиозные митинги из 50 — 60 селений; последние устраивались на лугах по Волге или в базарных селениях во время базаров. Попытки применения репрессий в виде вооруженного разгона этих необычных всенародных сельских митингов не имели успеха, хотя в некоторых случаях при этом дело доходило до кровавых расстрелов безоружной толпы крестьян. Естественно, что в этот момент вся местная власть, начиная с земских начальников и вплоть до урядников, сбегала с своих постов и попряталась в уездных городах.

Настроение и степень организованности крестьянства того времени весьма выпукло характеризуется из следующего небольшого эпизода. В одну из декабрьских ночей 1905 г. был достигнут и арестован в одной чувашской деревне, в центре Чебоксарского уезда, видный и чрезвычайно популярный чувашский эсер Николаев. Арест был произведен выехавшими ночью же на место пребывания Николаева исправником, местными земским начальником и приставом с помощью команды стражников. Несмотря на позднее время и на предупредительные меры, принятые против огласки совершенного, население всей волости оказалось немедленно оповещенным об аресте любимого революционного вождя, и оно съехалось и сбегалось немедленно со всех сторон, обезоружило стражу, арестовало и посадило в «кутузку» исправника, пристава и земского начальника и держало последних под арестом до тех пор, пока не был возвращен из чебоксарской тюрьмы отправленный туда перед этим Николаев. Результатом этого эпизода явилась карательная экспедиция казанского вице-губернатора Кобеко с батальоном казаков и черкесов; эта экспедиция сопровождалась массовыми арестами, поркой и избиениями крестьян. В результате этой же экспедиции несколько десятков крестьян попало в тюрьму и в ссылку. Впоследствии, в отместку за про-

изведенные над чувашами насилия, в Кобеко в Казани при выезде из кремля была брошена бомба, которая взорвалась с необычайной силой, но с запозданием, что дало возможность Кобеко спастись от гибели.

По мере усиления в 1906 — 1907 г.г. правительственных репрессий усиливалась и террористическая деятельность крестьянства: начались убийства урядников и прочих полицейских чинов, разгромы и поджоги винных лавок и нападения на учреждения и правительственных агентов с целью экспроприации казенных сумм. Следует отметить, что террористические организации в уездах возникали произвольно, состояли из крестьянской молодежи и действовали на свой риск и страх. Значительная часть этой молодежи в дальнейшем поплатилась ссылкой в Сибирь и каторгой.

Социально-политические требования чувашского крестьянства, изложенные в подававшихся им петициях и требованиях в земские и правительственные учреждения, в приговорах и резолюциях, в чувашских прокламациях и наказах в государственную думу (в последнюю чувашам удалось послать лишь одного трудовика), в общем повторяли то, что требовало русское революционное крестьянство, за исключением указанного выше требования о судьбе захваченных в эпоху колонизации земель. Кроме того, чувашское крестьянство требовало полного устранения всего русского чиновничества и замены его выборными от населения властями; это требование в одной из чувашских прокламаций было сформулировано следующим образом: «На искони принадлежавшей чувашам земле никто не может быть хозяином, как только чувашский трудовой крестьянский народ». В осуществление этого требования чувашаи добивались свободного и беспрепятственного введения чувашского языка в школы, суды, органы самоуправления и местные правительственные установления.

Интеллигенция в национальном и революционном движении.

Естественно, что революционные требования поработенного чувашского народа нашли более полное и отчетливое выражение в революционной деятельности чувашской интеллигенции. В среде этой национальной интеллигенции, несмотря на узко миссионерский характер ее воспитания, радикально-революционные идеи начали проникать с 80-х годов. Эти идеи проникали через русскую интеллигенцию. Еще в те годы несколько чувашских учителей было устранено от педагогической работы из-за «атеистического образа мыслей». Но революционное настроение в более или менее заметном размере среди чувашской интеллигенции начинает оформляться в конце 90-х годов, в связи с общим подъемом революционных настроений в стране. В 1903 г. в Симбирске возникает первая чувашская организация с революционными заданиями. Сначала это был «чувашский кружок по политическому самообразованию чувашей»; состоял он из учащихся семинаристов

и некоторых народных учителей; в 1904 г. этот кружок принял на себя функцию пропаганды и распространения революционных идей среди всего чувашского народа. Кружком этим руководили социалисты-революционеры чуваша; он состоял всего из 10—12 человек, и большинство участников его не принадлежало ни к каким партиям. Кроме того, в это же время в Казани и в некоторых чувашских уездах работали отдельные революционеры, уже принадлежавшие к социалистическим партиям; некоторые из них находились на общереволюционной работе и среди чувашей не могли работать, как, например, известный член с.-д. фракции 2-й государственной думы чувашин Анисимов.

В первые месяцы движения 1905 г., в соответствии с царившими среди верхушек общественной жизни «земскими» настроениями в стране, во главе общественно-революционного движения попыталась встать чисто буржуазная часть чувашской интеллигенции, которая начала издавать первую в истории чувашей политическую газету «Хыпар» («Известия»). Руководители этой интеллигенции принадлежали к партии кадетов, они были малочисленны, но достаточно популярны среди народа предшествующей своей культурно-просветительной работой. С разгоном первой думы и с усилением активности крестьянской массы эта интеллигенция должна была сойти с политической арены: ее место заняла радикально-социалистическая интеллигенция, которая захватила в свои руки и издание единственной политической газеты. В общенациональных требованиях чисто буржуазная часть интеллигенции была солидарна с революционной частью, за исключением вопроса о преподавании религии в чувашской школе.

Наиболее радикально настроенным среди интеллигенции было сельское учительство. Последнее сорганизовалось еще летом 1905 г. В Буинском и Ядринском уездах возникли союзы чувашских учителей, входившие в качестве национальных филиалов во всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию. Учителя же принимали активное участие в крестьянских выступлениях, являлись организаторами митингов крестьянского союза, распространяли среди крестьянства революционную литературу, на гектографах печатали и распространяли чувашские прокламации; часть из них принадлежала к социалистическим партиям. Учительство сделало первую в истории чувашей попытку общенационального объединения на почве борьбы за свободную школу и национальную культуру. В конце июля 1906 г. на Волге, в 12 верстах от г. Симбирска, состоялся первый нелегальный общечувашский съезд учителей и деятелей по народному образованию. Этот съезд был многочислен и представлен делегатами Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерний. Он закончился образованием общечувашского союза работников просвещения, который вошел во всероссийский союз учителей в качестве национального филиала. Основным пунктом программы этого союза являлось требование передачи всего дела народного образования среди чувашей в руки самого

чувацкого народа. На этом съезде чувашскими эсерами была сделана попытка навязать съезду программу партии эсеров с тем, чтобы съезд в целом вошел в партию и санкционировал создание чувашской организации партии эсеров. Благодаря протесту чувашей социал-демократов беспартийное большинство съезда отклонило это требование. Делегат союза участвовал на всероссийском съезде представителей учительских союзов, созванном летом 1906 года в Финляндии.

Чувашские революционеры 1905 года плохо были подготовлены к тому, чтобы организовать какие-либо самостоятельные политические партии. Для этого среди чувашей не было классовой основы: при отсутствии буржуазии и пролетариата в истинном значении этого слова революционная масса чувашей в партийном смысле была аморфной. Как могли появиться и работать среди чувашей социал-демократы, когда во всем крае была единственная чувашская рабочая ячейка в 10—12 человек на мебельной фабрике? Естественно, что социал-демократы были только одиночками и уходили на общую работу, или же терялись среди крестьянской и народнически настроенной интеллигентской массы. Но чувашские эсеры были довольно многочисленны, и среди них имелись работники, известные стажем предыдущей революционной работы; поэтому понятно, что в политической жизни чувашей того времени они играли большую роль. В их руках находилась единственная газета, в их руках сосредоточено было все издательство политических книг и брошюр, они же возглавляли большинство чувашских революционных организаций среди крестьянства и учителя. Чувашские эсеры сначала имели своих, особо делегированных представителей в губернских исполнительных органах с чувашским населением, но в апреле 1907 г. они на нелегальном съезде в Казани постановили создать особую «чувашскую организацию партии эсеров» с областным исполнительным бюро во главе; организация эта действовала в 1907—1908 г.г. и прекратила фактически свою деятельность после ряда арестов наиболее видных членов организации.

Аресты и провал организации произошли благодаря вошедшему в доверие бюро провокатору Михайлову, подосланному в организацию казанской жандармерией. В Казани же в 1908 г. были захвачены принадлежности чувашской нелегальной типографии, которую создавала эсеровская организация; технический руководитель этой работы — рабочий-чуваши, наборщик Таир-Семенов — был сослан в Якутскую область, ответственный же хранитель ее эсер Трофимов в 1909 г. был захвачен в Баку и в Казани осужден и заключен в крепость. С 1908—1909 г.г. всякая революционная деятельность среди чувашей заглохла. Сотни крестьян и учителей ушли в ссылку, многие сидели по тюрьмам или находились под следствием и гласным надзором, ряд партийных революционеров ушел на каторгу; ушел на каторгу также ряд террористов-крестьян. Процесс над главарем чувашской организации эсером Николаевым состоялся в Ка-

зани в 1908 г.; он был осужден и сослан на каторгу; защищал его член государственной думы Керенский. Из других видных членов организации Алюнов и Игнатьев были высланы за границу, а офицер из чувашей Прохоров эмигрировал сам во Францию еще в самом начале 1905 года.

Гнездом революционного движения среди учащихся служила симбирская чувашская учительская школа и частью казанская инородческая учительская семинария. Старшие классы первой прекратили занятия с октября 1905 г., и большинство учащихся больше не возвратились на учебу, уйдя целиком в революционную работу; младший класс этой школы был разогнан весной 1907 г. в связи с объявленным им бойкотом русских реакционных преподавателей, а также в связи с поднятием над школой красного флага в день открытия 2-й государственной думы. Нелишне отметить в двух словах подоплеку национального уклона в революционном движении казанских семинаристов: большая часть учащихся этой семинарии состояла из детей всех немусульманских восточных народов, включая якутов, бурятов и даже корейцев. Преподавательский персонал состоял наполовину из инородцев и наполовину из русских, сплошь почти подобранных из ярых руссификаторов и ненавистников инородцев. Между этими двумя группами преподавателей исстари шла острая борьба за главенство в жизни семинарии. С возникновением революционных настроений естественно вмешались в этот спор учащиеся-инородцы, которые в конце концов потребовали удаления из семинарии всех русских учащихся и учащихся, с чем, между прочим, была солидарна и наиболее искренняя и революционная часть русских семинаристов. Борьба, однако, закончилась полным разгромом инородцев после обнаруженного у них под школьным храмом склада оружия и революционной литературы; в группе этих инородческих революционеров видную роль играли чуваша, которые, несмотря на свое несовершеннолетие, поплатились тюрьмой и ссылкой.

Цели революционного движения.

Если взять революционное движение среди чувашей в полном его объеме и в общих и основных его чертах, то в нем бросаются в глаза два обстоятельства: резкое преобладание народнически-эсеровских настроений и слабость и половинчатость требований в области разрешения национального вопроса. Причина первого ясна из всего хода нашего изложения; мы лишь отметим, что организованные революционные группы эсеров и деятелей крестьянского и учительского союзов не разделяли необходимости возврата чувашам захваченных колонизаторами земель, если эти земли занимались переселенцами из русских трудовых крестьян. В отношении разрешения национального вопроса чувашская революционная мысль не шла дальше требования культурно-национальной автономии Отто Бауэра, который пользовался среди революционной интеллигенции большой популярностью. Правда,

был туманный проект подвести под эту автономию организационную базу в виде общечувашского союза земств чисто чувашских уездов с привлечением в этот союз мелких волостных и районных земских единиц с чувашским населением из уездов и губерний, где чуваша были в меньшинстве. Этот проект очень сильно занимал умы революционных кругов, и были предприняты подготовительные работы к его составлению. Но проект этот в условиях буржуазно-демократического строя, к которому стремились чувашские революционеры, был столь фантастичен и практически неразрешим, что авторы его сами путались меж трех сосен и ничего конкретного выработать не могли. Идея же о территориально-областной автономии совершенно была чужда революционному поколению этого времени; эта идея была жива лишь в кругах крайних чувашских националистов, которые стояли вне революции и в общеполитических вопросах ориентировались на «просвещенный абсолютизм» русских царей, от которых они ожидали всяких благ для мелких и угнетаемых национальностей.

Последствия революционного движения 1905 года.

1905 год оставил в жизни чувашей огромный след. Все революционно-национальные организации прекратили свое существование, оставив в подпольи лишь отдельных и случайных работников; газета опять закрылась, издательство общественно-политической литературы прекратило свое существование. В крае свирепствовала черная реакция. Масса учительства была снята с должностей, из чувашских школ начал изгоняться даже чувашский букварь, хозяевами помещений в деревне опять стали урядник и поп. Чувашская деревня оказалась охваченной целиком борьбой с столыпинской земельной политикой; эта борьба повсеместно сопровождалась кровавыми столкновениями и драками. В Ядринском уезде в 1913 г. произошел целый бой между крестьянами и командой стражников, в котором было убито 8 человек, ранено 100 с лишним человек, из коих от ран умерло 15 человек. В результате массового сопротивления чувашского крестьянства процент укрепивших наделы и выделившихся на отруб и хутора в чувашских уездах не превысил одного. Русская администрация мстила населению за все пережитое ею в революционные годы и стала еще более недоступной и жестокой. Этому же способствовало общее направление правительственной политики в национальном вопросе, которое все более и более становилось реакционным.

«Чувашскому» вопросу уделил свое благосклонное внимание даже один из предвоенных съездов всероссийского объединенного дворянства. На этом съезде, как на пример потворства со стороны правительства, указывалось на то, что «на государственные средства содержится особая чувашская национальная академия, которая выпускает сепаратистов и революционеров»; здесь под этой национальной академией разумелась симбирская чуваш-

ская школа, обслуживавшая все миллионное чувашское население и получавшая от казны нищенское ассигнование в 12 тыс. руб. в год; этот съезд постановил избрать и направить к Николаю II особую делегацию во главе с казанским черносотенцем кн. Крапоткиным, которая должна была указать царю на недостаточность твердой политики в отношении инородцев.

Откликом на это выступление казанских зубров явилось то, что известный Кассо ¹⁾ потребовал увольнения с должности руководителя чувашского народного образования Яковлева и приказал подготовить проект преобразования чувашской учительской школы в учительскую семинарию обычного типа. Эти реакционные настроения правящих верхов немедленно передавались на места и находили удвоенный отклик среди местной русской администрации, которая вследствие этого делалась все более и более наглой.

Но тем не менее все говорило за то, что возврата к прошлому не может быть. Культурно-политический уровень чувашского крестьянства после пережитых революционных гроз поднялся весьма значительно. Среди него усилился уход на отхожие промыслы, все более и более начала расширяться и увеличиваться промысловость, появился интерес к школе и газетам, хотя последние крестьянин мог читать лишь на малоопытном для него русском языке. Революционные годы приучили этого крестьянина к большому уважению своих человеческих прав и к большей требовательности по отношению к тем, под чьей опекой он находился.

Последствием же 1905 года явилось усиление национального сознания чувашской интеллигенции. Под злобное шипенье черносотенцев она открыто начала говорить о чувашской культуре, среди нее появился ряд молодых исследователей вопросов культурного строительства, среди нее же усилился интерес к народному творчеству. Началось более усиленное собирание народных сказок и песен, начался перевод и издание на чувашском языке Пушкина, Толстого и других классиков. Из среды молодежи 1905 года вышел ряд национальных поэтов и драматургов, из которых преждевременно погибший от туберкулеза поэт К. Иванов оставил классическую, по чувашской оценке, поэму из крестьянской жизни: «Нарспи».

Среди чувашской крестьянской молодежи появилась тяга в города и фабрично-заводские центры. Из среды этих-то побывавших на отхожих промыслах молодых крестьян и состоит почти в целом кадр современных партийных и советских работников Чувашии. Среди этой же крестьянской молодежи крайне усилилась тяга к образованию, при чем значительно увеличилось количество чувашей, обучающихся в средних и высших школах. По революционные годы ознакомились также выездом некоторых, наиболее упорных и энергичных из них, за границу для получения там высшего образования, что, конечно, было совсем необычно для такой отсталой крестьянской нации, как чуваша.

¹⁾ Кассо — царский министр народного просвещения,

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Февраль — Октябрь.

Имея за собой опыт борьбы 1905 г., деревня после Февральской революции не растерялась и немедленно приступила к организации народной власти в волостях и в уездах. Это тем более необходимо было делать потому, что на другой же день по получении известия об отречении царя местное чиновничество поголовно сбежало в города. Этот первый период строительства революционной власти на местах для чувашского края был характерен тем, что во главе волостных и уездных исполнительных комитетов общественных организаций того времени повсеместно становились чувашки, преимущественно революционеры 1905 г. Таким образом впервые после многовекового порабощения в крае появилась избранная народом чувашская власть.

В уездах со смешанным населением и губернских центрах власть между национальностями делилась пропорционально количеству населения каждой из них, при чем обычно каждая национальность составляла в исполнительных комитетах свою особую фракцию по национальному признаку; такие чувашские фракции имелись в то время в губернских центрах: Казани, Симбирске, Уфе и Самаре. В аппарате высшей губернской власти по Казанской губ. чувашки имели своего избранника в лице председателя обновленной губернской земской управы и товарища губернского комиссара (должность последнего замещалась русским, другим его заместителем был избранник от татар). Следует отметить, что при построении власти и распределении ее между национальностями никакой определенно выраженной межнациональной борьбы не наблюдалось: крестьянские съезды решали эти вопросы почти без трений и очень дружно; несколько ворчала на засилье иногородцев лишь русская интеллигенция и городское мещанство.

* * *

С получением первых же известий о свержении царя повсеместно было восстановлено большинство тех национально-революционных организаций, которые действовали среди чувашей в 1905 году: чувашская организация партии эсеров, ячейки кре-

стьянского союза, вскоре слившиеся с вновь созданными советами крестьянских депутатов, и учительские революционно-профессиональные организации. Но, кроме того, в первой половине же марта возникли совершенно новые национальные организации с особыми политическими задачами, коих революция 1905 года не знала: в Казани был создан так называемый «союз мелких народностей Поволжья» и в Казани, Симбирске и Уфе—так называемые «чувашские национальные общества». Союз мелких народностей Поволжья ставил себе целью организованную защиту объединенными силами интересов немусульманских племен Поволжья. Этот союз ограничивал свои задачи защитой лишь интересов этих племен в области культуры, совершенно отмежевываясь от решения социально-политических вопросов; поэтому он оказался мертворожденным и ничем активно себя не проявил, хотя существовал вплоть до чехо-словацкого выступления; возглавлялся этот союз чувашинном, профессором Никольским.

Жизнеспособнее и активнее оказались чувашские национальные общества, которые к лету 1917 г. слились в единое Чувашское национальное общество с центром в Казани. Это общество, возникшее сначала на почве объединения чувашских культурных работников для узкой чисто культурно-просветительной работы, вскоре начало смотреть на себя, как на олицетворение общенациональной воли в решении всех вопросов, в том числе и политических. Считая себя представителем всех слоев чувашского народа, общество, при благосклонном участии чувашской организации эсеров, захватило в свои руки издание единственной, возобновленной чувашской газеты «Хыпар» и таким образом стало монопольным организатором общественного мнения чувашской деревни. Считаясь формально беспартийным, общество руководилось фактически эсерами авксентьевского толка. Общество поддерживалось большинством чувашской интеллигенции и чувашского духовенства. В целях упрочения своего положения, общество создавало путем сбора пожертвований так называемый «национальный фонд», при чем в значительной части этот фонд был образован пожертвованиями чувашских торгово-промышленников.

Этот период сопровождался повсеместными многочисленными поездными, погубернскими и общечувашскими съездами (последние устраивались в Симбирске и Казани), которые были представлены крестьянами, учителями, учащейся молодежью и духовенством. Все эти съезды проходили под флагом безоговорочного признания Временного правительства. В отношении национального вопроса все эти съезды ограничивались требованием для нацменьшинств культурно-национальной автономии. В этом отношении лишь один из симбирских съездов, по настоянию местной украинской организации, высказался за федеративное устройство России, при чем предоставление территориальной автономии, по мнению съезда, было возможно и допустимо лишь окраинным народам, отличающимся резкими бытовыми особенностями. В отношении чисто чувашского вопроса съезды ограничивались тре-

бованием передачи дела культурного строительства среди чувашей в руки чувашского народа и создания общенациональных хозяйственных объединений—земских, кооперативных и пр.

Чуваши в советах.

Параллельно с этим с мартовских же дней началось участие чувашей в организации советов на местах. Начало местным советам положили возникшие в поволжских гарнизонах чувашские военные организации. Наиболее многочисленными и активными из них были симбирская и казанская. Эти организации имели своих представителей в соответствующих полковых комитетах и советах солдатских депутатов; как симбирская, так и казанская организации возглавлялись левыми эсерами и, естественно, держались во всех вопросах другой политической ориентации, чем гражданские общенациональные организации. В этих военных организациях среди прибывших с фронта солдат встречались и отдельные солдаты-большевики. В целях упрочения своего положения эти организации начали выделять чувашей-солдат в отдельные роты; это им было разрешено, но не было разрешено образование чувашских полков, на чем казанская организация также начала настаивать. Работу свою чувашские военные организации координировали с работой соответствующих украинских, татарских, башкирских и других национальных организаций. Агенты правительства Керенского, при всей неприязни их к национальным организациям, в затруднительных случаях, как волнения и межнациональные распри в деревнях на земельной почве, всегда обращались к содействию этих организаций, к которым доверия со стороны массы крестьянства было больше, чем к представителям общественных исполнительных комитетов.

Советы крестьянских депутатов.

Одновременно с этими солдатскими организациями с весны же 1917 г. в политической жизни чувашей начали большую роль играть советы крестьянских депутатов; последние в уездах фактически свели власть общественных исполнительных комитетов к нулю. Это в чувашских уездах совершилось не без борьбы: в исполнительных комитетах общественных организаций большинство составляли представители русского городского населения, которые упорно не хотели сдавать своих позиций. В противовес этому чувашаи выдвинули требование, чтобы местные советы строились по принципу национально-пропорционального представительства. Следует отметить, что, кроме того, в Чебоксарах с самого начала революции весьма активную роль играл большевистски настроенный совет рабочих депутатов (работал К. Грасис); под влиянием этих рабочих секций в эпоху всей керенщины чебоксарский совет стоял, как выражались тогда, на советской платформе, т.-е. требовал передачи всей полноты власти советам.

Выборы в учредительное собрание.

Во время выборов в учредительное собрание почти все чувашское население автономной республики голосовало за кандидатов «особого национального чувашского списка». По этому списку от Казанской губ. прошли депутаты: Алюнов, Васильев и Николаев. Этот список был составлен упомянутым выше Чувашским национальным обществом по соглашению с правыми и левыми социалистами-революционерами и военными организациями. Присоединение к этому списку и лево-эсеровских и военных организаций вызвало поголовное голосование чувашского населения за кандидатов, убеждения и настроения которых не разделялись частью населения. Кроме того, из чувашей прошли в учредительное собрание два депутата от Симбирской губернии, но эти депутаты прошли по общегубернскому крестьянскому списку; выставленный по Симбирской, Самарской и Уфимской губерниям «национальный список» с теми же кандидатами, что и по Казанской губернии, собрал везде недостаточное для делегирования депутата количество голосов.

Возникновение идеи национальной автономии.

Таким образом Февральская революция вызвала среди чувашей резкий подъем национального самосознания и углубление и расширение чисто национальных настроений, которые на время почти совершенно затемнили и поглотили наличные социально-классовые противоречия среди массы уже достаточно к тому времени разнородного по социальной структуре населения. Этот рост и углубление национального сознания и национальных настроений привели к зарождению идеи о политическом самоопределении чувашей. Эта идея в 1905 г. почти не была выявлена, тогда общественно-национальная мысль чувашей в большей мере занималась культурно-национальными заданиями, чем политическими. Но эта достаточно ясно выраженная идея о политическом самоопределении чувашей не получила логического завершения в виде требования создания национально-территориальной автономии. Эту задачу разрешила лишь Октябрьская революция, которая освободила поработанный чувашский трудовой народ от национального угнетения, вызвала к жизни дремлющую до сего времени социально-политическую активность его трудящихся масс и открыла перед последними невиданные горизонты, которые, казалось, уходят далеко за пределы тех вех, какие наметила чувашская история для нашего века.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Октябрьская революция

Октябрь пришел к чувашам с запада: из наших красных столиц, фабрично-заводских центров и с фронта. Носителями и пропагандистами лозунга «вся власть советам» являлись возвращавшиеся из городов и с фронта солдаты. Чувашское крестьянство не могло понимать отчетливо и ясно основные цели и задачи Октябрьской революции. Но идея «вся власть на местах советам» была близка и совершенно понятна этому крестьянству. Как известно, в крестьянском Поволжье в некоторых уездах власть фактически принадлежала советам еще с лета 1917 г. (Царицын, Сызрань, Кореунь, Ардатов — Симб. губ.), при чем в последних трех уездах власть советов держалась исключительно на солдатах и крестьянах. Эта идея не была чужда и чувашскому крестьянству; она не могла быть чуждой ему и потому, что все чувашские военные организации держались с самого начала возникновения советской ориентации.

Советская власть в Казани установилась за 3—4 дня ранее восстания ленинградского пролетариата, обеспечившего победу пролетарской революции. В продолжавшемся в течение 2—3 дней бою советских артиллеристов с прочими правительственными войсковыми частями казанская военная организация чувашей в целом была на стороне артиллеристов, при чем некоторые главари организации работали в штабе повстанцев. После победного восстания войск в Казани и происшедшей в Ленинграде революции — в Чебоксарском и Ядринском уездах немедленно началась борьба за установление власти советов. В этой борьбе главная роль принадлежала в Чебоксарах рабочим-деревообделочникам, а в Ядрине — маслобойцам. Установлению Советской власти в этих городах сначала мешали причины национального характера: рабочие почти все были русские, поэтому крестьяне и солдаты относились к ним с некоторым недоверием и недоброжелательством. Но вскоре, еще в ноябре или декабре, во главе борьбы за Советскую власть в чувашских уездах встал вернувшийся с каторги крестьянин-большевик из чувашей — Кадыков (террорист 1905 г.), который вскоре около себя организовал группу единомышленников из чувашских крестьянских и солдатских работников и с помощью

этой группы и русских рабочих переломил сопротивление чувашских соглашательских советов и вновь организованных чувашских земств.

Возглавляемый самим Кадыковым чебоксарский совет стоял на чисто большевистской точке зрения; ядринский совет состоял большей частью из левых эсеров и беспартийных и лишь частью из большевиков. Наиболее поздно, лишь весной 1918 года, установилась Советская власть в чисто чувашском и крестьянском Цивильском уезде, при чем в последнем большевиков почти совершенно не было, и власть безраздельно принадлежала эсерам и беспартийным крестьянам.

Господство эсеров.

Немедленно после Октябрьской революции резко и чрезвычайно сильно поднялась активность чувашских военных организаций. Среди последних назрела возникшая еще с весны 1917 года мысль о необходимости объединения всех чувашских организаций и создания единого чувашского общественно-военного аппарата. По предположениям инициаторов этого проекта, этот аппарат должен был быть создан частью для регулирования чисто военных вопросов, как вопросов о создании чувашских национально-революционных войсковых частей, и главным образом для регулирования и решения общеполитических вопросов чувашского народа. По убеждению вождей национально-военных организаций того времени, эти организации являлись органами наиболее сплоченной и наиболее революционной чувашской общности; поэтому, за отсутствием других общенациональных и более демократических объединений, они могут взять на себя решение всего чувашского национального вопроса в целом. Сначала с этими функциями временно возник при Казанском военном округе чувашский военно-окружной комитет, который немедленно после своего сконструирования принял меры к созыву всероссийского чувашского военного съезда. По его представлению высшим военным командованием был отдан приказ по всем местным гарнизонам и по всему фронту о делегировании чувашскими солдатами и офицерами своих избранников на созываемый в Казани 10 января 1918 г. всечувашский военный съезд. Съезд состоялся в назначенный срок. В целях придания своим решениям авторитета решений общенародной воли, съезд включил в свой состав троих делегированных эсерами чувашских учредителей и представителей чувашской фракции казанского губернского совета крестьянских депутатов, чувашской организации правых с.-р., чувашского национального общества и казанской организации учащихся чувашей. С самого открытия съезд разбился на две половины: сторонников советов и сторонников учредительного собрания. Обе стороны оказались непримиримыми, поэтому, в конце концов, съезд постановил общеполитический вопрос о власти в стране снять с повестки дня и заняться практическим разре-

пением неотложных вопросов из жизни чувашского народа. Но, уклонившись от решения основного вопроса о власти, в который упирались все другие вопросы, съезд не мог дать никаких положительных результатов. Съезд закрылся выделением из своего состава исполнительного органа в лице чувашского центрального военного совета, которому и поручил руководить на свой риск и страх общественно-политической жизнью чувашей, сообразно меняющимся условиям общеполитической ситуации в стране. Военный совет, состоя также наполовину из сторонников советов и наполовину из их противников, попытался сесть на двух стульях: он признавал советы лишь при условии их построения на основе пропорционально-национального представительства, причем и построенные по этому принципу советы не были обязательны для населения, если в районе последнего избранное всеобщим голосованием земство получило повторное признание со стороны крестьянского съезда района. Эта неопределенность и путанность программы в самом жизненном и самом по тому времени остром вопросе о власти лишила военный совет какой бы то ни было возможности играть активную политическую роль в чувашских уездах. Сделанная им первая попытка показать свою силу и влияние потерпела полное крушение. Этой попыткой явился разгон большевистского чебоксарского совета. Это событие произошло при следующих обстоятельствах: под влиянием слухов о чинимых этим советом бесчинствах и беспорядках, военный совет постановил разогнать его вооруженной силой и на место него создать другой совет на основе указанного выше принципа пропорционально-национального представительства. Так как в казанском ревкоме также имелись некоторые неблагоприятные сведения об этом совете, ревком, с своей стороны, также выразил согласие на реорганизацию этого совета. Военный совет направил из Казани чувашскую роту с пулеметами, которая окружила и арестовала президиум совета с Кадыковым¹⁾ во главе; но в тот же день эта рота сама оказалась разоруженной и арестованной чебоксарскими русскими рабочими. В результате рота вернулась в Казань без оружия, при чем командир ее, чувашский офицер Меркурьев, застрелился при аресте его рабочими. После этого и сам военный совет убедился, что за ним нет никакой реальной силы. В его распоряжении находился созданный им чувашский полк; последний помещался в кремле, в здании бывшего юнкерского училища, полк отличался отсутствием какой бы то ни было дисциплины, в отличие от мусульманских воинских частей, где по тому времени дисциплина была вполне удовлетворительна. Не имея за собой физической силы, а также вследствие половинчатости и неопределенности своего отношения к вопросу о власти военный совет лишился среди населения всякого морального и политического авторитета. В конце концов военный

¹⁾ Тов. Кадыков погиб в период гражданской войны; он был растерзан в Чебоксарах во время противосоветского выступления городских мещан.

совет должен был распуститься, передав свои полномочия и функции вновь организованному комиссариату по чувашским делам и чувашской фракции казанского губернского совета крестьянских депутатов. Из более или менее значительных политических вопросов, с которыми приходилось иметь дело совету, можно отметить два: первый вопрос — о вооруженной поддержке учредительного собрания, второй — о вхождении чувашей в Татари-Башкирскую республику. Первый вопрос был поставлен партией эсеров как перед чувашами, так и татарами и башкирами (у последних в то время в Казани заседал созванный организацией «Шуро» военный съезд). Вопрос был поставлен прибывшими из Ленинграда видными учредилловцами-эсерами, которые зондировали почву для открытия распущенного учредительного собрания где-нибудь на Волге. Президиум чувашского военного совета и Шуро после совместного обсуждения вопроса дали отрицательный ответ, при чем решили совершенно воздержаться от внесения этого вопроса на обсуждение соответствующих пленумов, чтобы этим не нарушить спокойного хода работы их по разрешению чисто национальных вопросов. Вторым вопросом был внесен президиумом Шуро и татаро-башкирского съезда, который был озабочен созданием Татаро-Башкирской республики со включением в ее состав современных территорий Чувашской и Марийской областей. Чувашский военный совет, детально ознакомившись с вопросом, проект Татаро-Башкирской республики отклонил и предложил взамен него проект соединенных штатов народов Поволжья; проект этот с своей стороны был отвергнут татаро-башкирским съездом, при чем значительная часть башкир была против обоих проектов и настаивала на создании в Поволжье и Приуральи самостоятельных для каждой отдельной народности автономных единиц.

Перед гражданской войной.

По мере того как военный совет терял свой авторитет и все более и более обнаруживал безрезультатность своей деятельности, левая часть совета все более и более уходила от участия в его работе и затем в марте месяце выделилась совсем из него, создав чувашский объединенный левый социалистический комитет. Комитет этот состоял из фракций большевиков, левых социалистов-революционеров, анархистов и чувашских социалистов-националистов; под последними следует понимать членов чувашской национально-социалистической партии, которая возникла незадолго перед этим. По положению в комитет могли входить и чувашские правые эсеры и меньшевики, но последние отказались в него войти. С возникновением этого комитета все функции военного совета фактически перешли к нему. В это время как умеренный военный совет, так и больше всего социалистический комитет подвергались ожесточенным нападкам со стороны правых эсеров, в руках которых находился национальный фонд Чувашского национального общества и единственная газета «Хыпар». Чтобы

обезвредить работу правых эсеров, из состава левого социалистического комитета без ведома последнего сформировалась «инициативная группа» из двоих матросов и шести левых эсеров, которая на свой риск и страх совершила налет на редакцию газеты «Хыпар», вывезла все ее имущество и начала взамен этой закрытой газеты издавать другую под названием «Канаш» («Совет»). Позже, когда с помощью казанского ревкома от правых эсеров был изъят и национальный фонд, последние совершенно сошли с политической арены. Чувашская фракция созванного в конце марта губернского крестьянского съезда почти в целом встала на платформу социалистического комитета. Между прочим, на этом съезде при обсуждении вопроса о распределении изъятых от помещиков, казны и уделов земельного фонда крестьяне чувашских уездов настаивали на равномерном распределении этого фонда между уездами, не считаясь с тем, на территории какого уезда находится этот фонд; съезд после бурных дебатов это требование чувашей отклонил, постановив, что земельный фонд каждого уезда принадлежит лишь населению этого уезда. Организованный социалистическим комитетом комиссариат по чувашским делам был создан с широкими общенациональными задачами. В его задание входило не только регулирование хозяйственно-политических вопросов чувашей Казанской губернии, но и чувашей, живущих в других губерниях, хотя он формально числился при казанском губсовдепе. Задачи комиссариата по установленной для него конституции были всеобъемлющи: они охватывали весь круг вопросов хозяйственных и политических, которыми ведали местные советы. Таким образом комиссариат претендовал на то, чтобы обратиться некоторым образом в экстерриториальное правительство чувашей. Ясно, что при такой системе построения национальных комиссариатов у нас образовалась бы масса национальных «государств в государстве». Абсурдность этого руководителям была очевидна, но в то же время революционная обстановка того момента требовала, чтобы такие органы были. Выход из этого положения подсказал центр, предложив организовывать эти комиссариаты при Наркомнаде или подчинив ему существующие комиссариаты. При Наркомнаде 18 мая 1918 г. был открыт чувашский отдел, при чем основной аппарат отдела был в виде подотдела оставлен в Казани, этим аппаратом фактически явился аппарат прежнего комиссариата по чувашским делам. Создание такого всечувашского национально-революционного органа было одобрено созданным в мае 1918 г. первым общечувашским рабоче-крестьянским съездом. Следует отметить, что чувашские работники этого времени, несмотря на огромную работу, сделанную ими в области национального строительства, и несмотря на создание определенного политического центра для управления чувашами, все еще не решались поднимать вопрос о создании чувашской автономной единицы. Для исторической справки о том, как рождалась и развивалась идея об автономном строительстве чувашей, любопытны следующие

факты: когда весной 1918 года при Наркомнапе обсуждались на особых совещаниях вопросы о создании Татарской и Башкирской республик, чувашские делегаты неизменно заявляли протест не только против включения в них чувашей, но и вообще высказывались против образования национальных республик в Среднем Поволжье.

Неизвестно, как скоро чувашки в условиях спокойной творческой работы пришли бы к сознанию необходимости для них автономии, ибо скоро разразилась гражданская война, которая нарушила нормальный ход советского строительства вообще и национального — в частности.

Подготовка к войне.

В Казани уже пахло порохом.

Буржуазия и офицерство организовывались к борьбе, обывательская масса весьма нетерпеливо и нервно ожидала начала этой борьбы в надежде, что эта борьба закончится свержением ненавистных советов. Чрезвычайной комиссией была раскрыта и расстреляна голова связанной с Москвой офицерской организации, подготовлявшей восстание в Казани. Готовились определенно к борьбе и правые эсеры и меньшевики, в особенности после повсеместного изгнания их из советов. Готовилась к выступлению против советов и чувашская организация партии эсеров. Специально для установления связи с местами и ознакомления с настроением крестьянства объезжал чувашские уезды главарь организации — учредиловец Алюнов; последний по прибытии в Казань сделал доклад, в котором заявил: «По-моему, в данный момент среди чувашского крестьянства нет человека, который бы не ненавидел большевиков». Это, конечно, было большим преувеличением, но все же следует отметить, что среди массы чувашского крестьянства к этому времени действительно накапливалось недовольство и оппозиционное настроение. Основой этого недовольства крестьян служило то, что чувашки и от Октябрьской революции совершенно не получили земли; таким образом исстари взлелеянная народом мечта о земле оказалась пустой и обманчивой и после установления рабоче-крестьянской власти; эта тема со служила благодарную службу в руках сознательных врагов советов, которые в это время вели широкую агитацию среди населения.

В Сибири и в районе Самары началась война. В Казани для руководства обороной был образован полевой штаб так называемого «укрепленного района», в состав этого штаба был введен представитель чувашской фракции губсовдепа и чувашского социалистического комитета. Но последние и сами не представляли в это время активной силы: чувашский полк был расформирован и распущен, сам социалистический комитет переживал кризис из-за внутренних трений между фракциями; эти трения закончились уходом из состава комитета группы чувашских социа-

листов-националистов, которые в особом своем заявлении указали, что они не берут на себя ответственность за начинающуюся гражданскую войну и не желают принимать в ней участия».

Чехо-словаки и „Комуч“.

После быстрого и неожиданного занятия чехо-словаками Симбирска и Казани все чувашские революционные организации и видные деятели их очутились на территории «Комуча». Организации были разгромлены, не успевшие перебежать через фронт или не сумевшие укрыться в подпольи работники были посажены по тюрьмам Казани, Симбирска, Самары и Уфы. Поэтому в этот момент вплоть до обратного завоевания Казани фактически никаких чувашских революционных организаций не существовало. К Комучу примкнули все чуваша-учредилловцы, в числе 5 человек, при чем один из них, Алюнов, работал в Казани в качестве заместителя управляющего губернией, другой, Николаев, был секретарем Комуча и одно время управляющим ведомством юстиции. На территории Комуча были восстановлены все чувашские национальные организации 1917 г., и возобновлено правыми эсерами издание газеты «Хыпар». В деятельности Комуча чувашский национальный вопрос сделался предметом обсуждения один раз, когда татарские и киргизские депутаты внесли на утверждение Комуча особую, подробно разработанную конституцию об автономном управлении тюрко-татар (под этим собирательным именем значились все исламистские восточные народы). Чувашские депутаты выступили с возражением, указывая, что эта конституция насквозь пропитана идеями панисламизма и пантюркизма; чуваша потребовали переработки этой конституции в смысле применения ее ко всем национальным меньшинствам, против чего татары и киргизы категорически возражали. Комуч должен был утвердить эту конституцию, ибо за мусульманами была большая физическая сила в виде национальных татаро-башкирских частей, сражавшихся на фронте. В отношении же прочих поволжских племен Комуч постановил издать декларативное обращение к ним об их правах на культурное самоопределение. В этом обращении, составленном чувашинном-учредилловцем, чувашам, черемисам, мордве, вотякам, пермякам и кряшенам была обещана передача им в их собственные руки всего дела народного образования и культуры, обещаны создание по этим вопросам национальных ведомственных институтов с государственными полномочиями и отчисление в их распоряжение пропорциональной доли государственного бюджета.

Чуваша-учредилловцы проектировали создание национальных войсковых частей, но осуществить им этого не удалось. Все учредилловцы-чуваша участвовали на уфимском государственном совещании и, за исключением одного, покинувшего совещание после ухода меньшевиков и эсеров из группы Коган-Бернштейна, голосовали за создание сибирской директории во главе с Авксентьевым.

Четверо чувашей-учредилонцев входило в состав эсеровской фракции, один, исключенный из партии эсеров за «национально-советский» уклон, находился вне фракции. В Екатеринбурге незадолго до ареста Комуча колчаковцами все чуваше-учредилонцы, в целях получения большей свободы для работы по национальному вопросу, образовали самостоятельную чувашскую фракцию. С образованием этой фракции эсеры-чуваше должны были выйти из состава эсеровской фракции. Создание чувашской фракции учредилонцев было предположено осуществить еще в Ленинграде, но это не было сделано ввиду кратковременного существования там учредительного собрания. Из этих учредилонцев в настоящее время двое работают в Советской России, двое погибли, один эмигрировал за границу.

На территории Комуча и Колчака очутились лишь заволжские чуваше, современная же территория республики чехо-словаками не занималась — она лишь находилась на границе боевых действий между ними и советскими войсками. На этой территории происходили лишь два более или менее значительных боя: первый бой произошел у ст. Тюрлема в связи с кавалерийским налетом, совершенным под командой эсеров Лебедева и Фортунатова (первый — бывший министр в правительстве Керенского, а второй — учредилонец); второй бой произошел в центре Батыревского уезда, у с. Батырева. Здесь были перебиты окруженные народоармейцами Комуча две роты красноармейцев под командой большевика-офицера из чувашей — Крепкова. Состав этих народоармейцев также состоял большей частью из чувашей — офицеров и солдат — Буинского уезда. В связи с приближением фронта и этими налетами в некоторых местах начали происходить волнения крестьян против советов; в Курмыше эти волнения закончились временным разгоном уездного совдепа. Эти же налеты послужили сигналом к поголовному бегству из чувашского края на территорию Комуча чувашского офицерства (последнего насчитывалось более тысячи человек; оно состояло из бывших народных учителей и учащихся, произведенных в офицеры в военное время); вместе с офицерами сбежала из селений часть чувашской интеллигенции и часть зажиточного крестьянства, в особенности охотно бежали чувашские торговцы и мелкие промышленники. Большая часть бежавших за фронт офицеров-чувашей и крестьянской молодежи пополнила ряды наиболее стойких частей ген. Каппеля и обратно не вернулась: она частью погибла, частью эмигрировала в Манчжурию.

Гражданская война на территории чувашей.

Одновременно с этим по эту сторону накапливались и нарастали среди чувашей боевые силы для борьбы за советы. С самого начала возникновения фронта у Казани и Симбирска ряд бежавших с территории Комуча чувашских советских работников поступил в армию в качестве добровольцев. Местные чу-

вашские советы начали усиленно мобилизовать и набирать добровольцев для Красной армии. Существенную помощь оказывали последней чуваша и снабжением продуктами питания, лошадьми и предметами упряжи. Эта помощь со стороны чувашей Красной армии в наиболее ответственный момент ее жизни была отмечена в свое время в одной из своих речей и т. Троцким. Из особенных событий, происшедших в чувашском крае за это время, следует отметить занятие г. Чебоксар отрядом бандита Трофимовского. Последний, числясь в Красной армии и набрав около себя команду конных головорезов, вместо того, чтобы сражаться на фронте, свои боевые способности решил применить к мирному безоружному населению; заняв Чебоксары, он поарестовал и расстрелял без разбора всех более или менее видных интеллигентов, терроризовал не только мещанское население, но и совет и рабочих, начал чинить безудержно грабежи и бесчинства; от власти банды Трофимовского чувашский край освободился, когда бандит Трофимовский был арестован и расстрелян прибывшим с свияжского фронта Грасисом.

С освобождением Казани, Симбирска, Самары и Уфы от чехословаков вновь восстановились все действовавшие весной 1918 года чувашские национально-революционные организации. Вскоре, через несколько недель после очищения Казани от белых, большинство членов организации чувашских левых эсеров заявило о своем разрыве с партией с.-р. и выявило желание о вступлении в партию большевиков. Между прочим, эта организация в свое время протестовала против известного вооруженного восстания левых эсеров против большевиков летом 1918 года. С этого времени чувашские национально-революционные организации начали работать под прямым руководством РКП(б). Соответственно требованиям момента, чувашские организации начали работать на военную ногу. Чувашское национальное общество было закрыто, имущество его конфисковано, право-эсеровская газета «Хыпар» закрыта, ряд видных работников противосоветского движения арестован, бежавшие за Урал учредилловцы с их наиболее активными сообщниками объявлены вне закона. До продвижения фронта на Урал большинство активных работников было на фронте, многие из них несли ответственную работу при штабах и политотделах армий. При некоторых из них были образованы особые чувашские секции и отделы, которые занимались вербовкой добровольцев, оказывали содействие властям при мобилизациях, вели революционно-политическую пропаганду среди красноармейцев и населения и издавали чувашские газеты в Казани, Симбирске и Уфе; во многих войсковых частях были образованы отдельные чувашские роты.

С углублением и расширением рамок национально-революционной работы и с ознакомлением с теорией и практикой разрешения национального вопроса большевиками, молодые чувашские коммунисты начали приходить к сознанию необходимости создания территориальной автономии чувашей. Составленный ими после

детальной разработки проект «чувашской трудовой коммуны» своими границами охватывал большую часть чувашского народа, жившего преимущественно в Казанской, Симбирской и Самарской губерниях. Но так как в этом случае чуваша в пределах автономной территории составили бы не более половины населения — чувашские коммунисты вынуждены были отказаться от своего первоначального проекта и приняли проект с современными границами республики. Проект о чувашской автономии был принят и утвержден на всероссийском съезде коммунистов-чувашей в 1920 году.

Чувашская область была образована одновременно с Татарской республикой в июне 1920 г. Обе они были первыми по времени территориально-национальными образованиями этого рода. 21 апреля 1925 года Чувашская автономная область была преобразована в автономную советскую социалистическую республику. Момент создания автономной республики является величайшей исторической гранью в жизни отсталого чувашского народа, за которой начинается совершенно новая национально-историческая эпоха.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Автономное строительство.

Образование автономной Чувашской области началось при крайне тяжелой экономической обстановке. Крестьянство в результате послевоенной разрухи и тех жертв, которых потребовал от него придвинувшийся к самой границе края фронт гражданской войны, было разорено в корне. Между тем общегосударственные условия того времени были таковы, что не могло быть речи об облегчении тягот, возлагаемых государством, во имя спасения революции, на крестьянство. Наоборот, территориальная близость Чувашии к Москве, ее непосредственное соседство с Центрально-Промышленным районом силой вещей заставляли налагать на чувашское крестьянство больше бремени, чем на крестьянство отдаленных и окраинных районов. Все продразверстки чувашскими уездами выполнялись ежегодно не только полностью, но с превышением 50—100%; также с интенсивностью до отказа выполнялись все виды трудовинности; из последних особенно тяжелы были невероятно расширенные лесоразработки, которые снабжали дровами транспорт и замерзающую Москву того времени; в порядке же трудовинности население почти поголовно было привлечено к тканью кулей и рогож и к плетению лаптей для частей военной и трудовой армий. Когда автономное правительство взяло в свои руки руль правления, только еще разгоралась польская война, общероссийская разруха углублялась и расширялась еще более, поэтому в это время нельзя было думать о каком-либо положительном творчестве в области хозяйства. Наоборот, чувашскому партийному и советскому аппарату пришлось все силы напрягать к тому, чтобы получившее автономию население с удвоенной энергией выполняло требуемые в общегосударственных интересах повинности. Крестьянское население, разоренное и обнищавшее в своей основной массе, накопившее много горечи и недовольства против продотрядов и произвола властей за предшествовавшее время, наконец не выдержало и в известные крошадтские дни ответило массовым восстанием, повлекшим большие жертвы с обеих сторон. В этом восстании значительную роль играли чувашское кулачество и духовенство и оказавшиеся не у дела старые волостные работники из русских; восстание было

направлено против коммунистов и против беспартийной чувашской интеллигенции, почти поголовно принимавшей активное участие в автономно-советском строительстве. Деятельность противосоветских чувашских организаций в восстании была выражена очень слабо; в связи с этим восстанием был расстрелян эмигрант 1904 г., чувашский офицер и эсер Прохоров. Таким образом случилось так, что первые же месяцы жизни и строительства чувашей на автономных началах омрачились бессмысленно пролитой народной кровью. Нет нужды распространяться, что это событие надолго нарушило ход нормального советского строительства во всех областях. Рожденный в муках и страданиях народных масс чувашской автономии пришлось вскоре пережить еще более страшное испытание. Недород 1920/21 года и полный неурожай 1921/22 года не только разрушили до основания все устои хозяйственного благополучия деревни, но поставили почти миллионное население перед прямой угрозой массового вымирания. Население пережило это время в кошмарных условиях: оно питалось мякиной, соломой, жолудями, глиной, падалью и в отдельных случаях доходило до людоедства и употребления в пищу трупов. Но благодаря энергичной помощи пролетарской Москвы, взявшей чувашскую территорию на свое исключительное обеспечение, и частью благодаря помощи английских тред-юнионов, которой руководил известный О'Трэди, непосредственно наезжая и проживая среди чувашей, — население вышло из этой беды в корне потрясенным, но все же более или менее целым, сохранившим способность к возрождению и восстановлению своего хозяйства.

Более или менее нормальная жизнь в Чувашии началась лишь по снятии урожая 1922 г. Таким образом наше автономное объединение в обычных условиях живет всего три года, ибо два предыдущих года ничего, кроме разрухи, не дали во всех областях жизни. Общее экономическое, культурно-бытовое и общественно-политическое состояние чувашей непосредственно перед автономным строительством нами было достаточно освещено в предыдущих главах. В дальнейшем мы вкратце укажем, какие практические достижения дало это кратковременное автономное существование, какие перспективы ожидают автономный край и его население в будущем, и какие практические задачи стоят в настоящее время перед партийно-советским аппаратом при разрешении наиболее крупных и актуальных проблем национально-советского строительства среди чувашей.

Общие задачи советского строительства в условиях автономии.

Основное несчастье чувашского края в прошлом состояло в том, что его паличные производительные силы не только не развивались, но искусственно подавлялись. Устарелая система земледелия, слабое развитие промыслов, зачаточное состояние промышленности. — разве все это не являлось прямым следствием бедности края капиталом, темноты и невежества основной массы

населения и отсутствия у этой массы достаточно крепких навыков к экономической самостоятельности? Бедность же, темнота и подавленность чувашского населения явились результатом всей предшествовавшей политики царизма и хищнической русской буржуазии, в интересах которых нужно было по возможности больше и дольше задерживать естественное развитие поработанных и эксплуатируемых народов. Основной массив чувашской территории входил в старое время в состав Казанской губ.; чувашские уезды и по естественно-историческим и по экономическим условиям необычайно резко отличались от заволжских уездов этой губернии. Но в старое время разве кто-нибудь мог думать о применении по отношению к этому району особой хозяйственной политики, сообразуясь с экономической природой его? Конечно, нет.

Чувашский край был презренным краем невежественных инородцев, интересным постольку, поскольку из него можно было с прибылью вывозить разного рода сырье и поскольку в этом крае можно было, пользуясь темнотой населения, совершать разного рода торгово-посреднические операции. В чувашском крае орудовал лишь пришлый торговый капитал, весьма мало заинтересованный в развитии его производительных сил. Для этого капитала чувашский край играл роль небольшой, почти миниатюрной, но все же колонии. Местное земское хозяйство находилось целиком в руках пришлого или же местного, но совершенно чуждого массе коренного населения элемента.

Кто же мог заботиться в старое время о хозяйственном благоустройении деревни? Последняя была предоставлена сама себе и, естественно, не могла выйти на надлежащий путь хозяйственного развития. Созданные искусственно дикие земельные отношения (сложные общины), явившаяся следствием векового угнетения земельная нищета, явившаяся следствием того же угнетения общая экономическая нищета—этих причин было достаточно для того, чтобы «подморозить» чувашскую деревню и держать ее десятилетиями неподвижно на уровне первобытно-отсталых общественно-хозяйственных отношений. Предшествующая эпоха не оставила не только следов каких-либо исканий новых путей для чувашского хозяйства со стороны его тогдашних руководителей, но не оставила вообще сколько-нибудь доброкачественного материала для суждения и изучения прошлого этого хозяйства.

«Лоскутная» Казанская губерния, не в пример большинству великорусских губерний, в области хозяйства обычно руководимая реакционерами и яркими ненавистниками инородцев, для инородцев не была своей родной губернией, в которой верхи прислушивались бы к нуждам и требованиям их. Абсолютное невнимание к хозяйственно-бытовым особенностям нерусских племен и даже отрицание наличности этих особенностей—было принципом старых казанских хозяйственников; внимание со стороны последних к инородцам выражалось постольку, поскольку с них нужно было собирать налоги и сборы, при чем в этом случае инородцев обычно стригли с особым нажимом.

Глубокий смысл современного автономно-хозяйственного строительства заключается в том, что своеобразно обособленный в экономическом отношении от всего окружающего чувашский край ныне выделен в самостоятельную единицу, что дает возможность ближе и цельнее знать, изучать и регулировать чувашское хозяйство, направляя его по пути развития его производительных сил и культурного подъема. Другой, не менее важный смысл этого строительства заключается в том, что чувашское крестьянство отныне перестало быть лишь объектом воздействия на него сверху и со стороны; оно стало само строителем своего хозяйства. Значение этого обстоятельства, обусловившего полное раскрепощение веками подавленной самостоятельности массы населения, в настоящее время не поддается учету, но оно скажется в ближайшее время и будет играть в экономических судьбах края неизмеримо большую роль.

Современное сельское хозяйство.

Для такого оптимистического утверждения мы имеем уже достаточно оснований, хотя бы из практики автономного строительства в течение всего 2—3 лет. Сельское хозяйство Чувашии в 1921/22 г. потерпело полное крушение; казалось, что если оно окончательно и не погибнет, то отбросится назад на десятилетия. Но это хозяйство в настоящее время восстанавливается и скоро приблизится к довоенному уровню и перегонит его. Процесс этот совершается в значительной мере стихийно, но огромную роль здесь играла и играет оказываемая государством помощь. Этой помощи чувашские уезды не получили бы в том размере, в каком они получили, если бы не было автономного управления. Плохо ли, хорошо ли — в крае работает свое земельное управление из крестьян-землеробов, которые лучше знают свои нужды, чем кто-либо другой; в крае существуют свои специальные землеустроительные, лесокультурные, животноводственные, ветеринарные и прочие государственные институты, заботящиеся прежде всего о чувашском хозяйстве; в крае подготовляются из чувашской крестьянской молодежи кадры агрономов, лесных работников, ветеринаров, инструкторов разных специальных отраслей сельского хозяйства. В крае хотя и медленно, но настойчиво разворачивается работа по снабжению крестьянства с.-х. машинами, удобрительными туками и семенами искусственных трав. В крае за эти два года возник один крахмало-паточный и один плодо-сушильный завод. На местах наметилось напряженное стремление к землеустройству и к ломке традиционного трехполья. В самых глухих углах нарождаются с.-х. кооперативы, и молодая областная с.-х. кооперация расширяется и крепнет с каждым месяцем. В чувашской деревне крестьянин начинает читать с.-х. литературу на чувашском языке. Одно существование в ранее беспросветно глухом чувашском крае таких областных учреждений, как чувашский с.-х. банк, чувашский склад с.-х. орудий, чувашское опытно-показательное поле и областной союз чувашской с.-х. ко-

операции и т. п., — уже говорит о том, что наконец-то впервые в истории чувашей их хозяйство становится на собственные ноги; оно впервые стало предметом забот правящих верхов и объектом непосредственного на него воздействия со стороны науки и техники. Ничего подобного в чувашском крае ранее не было и быть не могло. Все это плоды работы в течение 2—3 лет существования в условиях советской автономии.

Промышленность.

Промышленность в Чувашии хилая и зачаточная. Но эта промышленность все же существует и работает, почти не имея ни одного бездействующего предприятия. Чувашский госплан ясно отдаст себе отчет в том, что вне развития индустрии не может быть хорошего будущего у чувашского края. «Форсированное развитие индустрии» в отсталом чувашском крае является основным лозунгом в экономической политике Чувашии. Кто мог бы проявить такое любовное и заботливое отношение к промышленности в чувашских уездах, если бы не было чувашского автономного управления? Кратковременное существование области ознаменовалось сооружением в г. Чебоксарах электрической станции, двух более или менее прилично оборудованных типографий и упомянутых выше крахмало-паточного и плодосушильного заводов. Сделано мало, но это было сделано в 2 года. Первый ревком свое вступление в управление краем ознаменовал торжественной закладкой первого кирпича под предполагаемый вокзал предполагаемой ж.-д. станции ветки Канаш — Чебоксары. Он же немедленно по своем появлении в крае приказал начать в форсированном порядке изыскания и разработку залежей заволжского торфа в целях ускорения подготовки условий для сооружения на этом торфе предусмотренной планом электрификации Поволжья электрической станции. С появлением же чувашских работников в крае начались изыскания на предмет сооружения соответствующих заводов ядринского фосфорита и серного колчедана, в старое время вывозимого на ярославские химические заводы.

Это, конечно, были мечты, но мечты, вполне приличествующие настроениям своего времени. Мы их привели лишь для того, чтобы показать, в какой степени искренно и близко принимает к сердцу автономная советская власть интересы своего индустриального развития. Чувашские работники ясно отдают себе отчет, что тут дело не в одних их искренних и сильных желаниях. Они знают, что их успехи в этом направлении целиком зависят от успехов по индустриализации деревни в общесоюзном масштабе, они знают, что окончательное торжество индустрии связано непосредственно с осуществлением общего грандиозного плана электрификации страны.

Этот перспективный план реконструкции всего народного хозяйства в целом не обходит и национальную территорию чувашей: через нее пройдут мощные линии электрической сети вдоль Московско-Казанской ж. д. и по Волге (Казань — Нижний);

в районе Чебоксар будет сооружена крупная передаточная станция для линии Казань—Нижегород. Рядом с чувашской территорией в будущем пройдет знаменитая сверх-магистраль Москва—Нижегород—Козьмодемьянск—Сарапул—Екатеринбург—Сибирь. Согласно плану электрификации, на чувашской территории в районах волжского и присурского лесных массивов возможно в дальнейшем развитие тех видов промышленности, которые связаны с эксплуатацией лесных материалов; так, в плане указывается на возможность развития промышленности химической, бумажной, деревообделочной и с.-х. машиностроения. Таким образом при всей скудости края в естественно-историческом отношении, он не лишен окончательно перспективных возможностей на промышленное развитие. Это обстоятельство побуждает чувашских работников еще более заострять их внимание на вопросах промышленного строительства, которое в деле борьбы с последствиями национального угнетения, конечно, играет самую первостепенную роль. Достигнутые практические успехи в развитии чувашской промышленности за годы автономии — небольшие, может быть, ничтожные, но все же конкретные и осязательные. В чем состояла беда чувашского населения в промышленном отношении в прошлом? В том, что краевая промышленность целиком находилась в руках враждебной ему в классовом отношении буржуазии, с одной стороны, и в руках того же, одновременно враждебного ему в чисто национально-племенном отношении господствующего класса — с другой стороны. Ведь последняя была душой колонизаторской политики в крае: она непосредственно была заинтересована в том, чтобы иметь в лице диких и обнищавших чувашей дешевую рабочую силу, она была заинтересована в том, чтобы бедное чувашское крестьянство сбывало ей под гнетом острой нужды почти за бесценок всякого рода сырье. Радости и утешения не было в том, что некоторая часть этой буржуазии принадлежала к чувашской национальности: она считала себя русской, она проживала в Казани или в других более или менее крупных городских центрах, она являлась чувашскому крестьянству в той же степени чуждой, как русская или татарская буржуазия. Накапливающийся капитал этой буржуазии в самой незначительной доле шел на развитие производительных сил края, в значительной же мере он уходил на сторону. Вся промышленность исключительно обслуживалась квалифицированными рабочими и техническими силами из русских. Естественно, при этих условиях создавалось всеобщее мнение, что промышленное производство недоступно массе чувашского населения вследствие его отсталости и неприспособленности к квалифицированному труду. Вот этому-то взгляду на чувашей, как на людей низшей расы, вот этому-то осаживанию и оттиранию их от всего, что имеет признаки и носит следы индустрии и техники, Советская власть положила конец. В этом ее основная заслуга по отношению к национальной промышленности. Отныне промышленность чувашского края в руках чувашских рабоче-крестьянских масс. И это

оказалось и для промышленности совсем не плохо: она находится под покровительством всего краевого бюджета, она не свертывается и не консервируется, а, наоборот, понемногу растет и ширится. Хорошим предзнаменованием ее будущности служит то, что первые же месяцы автономного существования озарили хоть один уголок края электрическим светом, которого раньше в крае не было и в помине. Если мы скажем, что в чувашском крае ныне благодаря Советской власти существует трест «Чувашлес», объединяющий в себе до десятка лесопромышленных предприятий, существует Чувашский промкомбинат, объединяющий столько же предприятий по другим отраслям промышленности, существует областная кустарно-промысловая кооперация, объединяющая свыше десяти тысяч кустарей-чувашей,—может быть, этого будет достаточно, чтобы оправдать автономно-промышленное строительство Чувашии. Эти организованные объединения существуют не на бумаге, а действительно руководят и управляют производством, они шаг за шагом накапливают капитал, знания и навыки к дальнейшему развертыванию промышленности, они медленно, но настойчиво и непрерывно все более и более втягивают в процесс промышленного производства рабочих из чувашей, чем кладут основание великому историческому делу, делу создания в крае туземного пролетариата. Великое значение советской национальной политики для угнетенных народов в том и заключается, что она не только раскрепощает и освобождает их от гнета и насилия, не только укрепляет и окрыляет их волю к хозяйственной самостоятельности, не только пробуждает и оживляет дремлющие силы их к творчеству новых форм хозяйственного быта, но она, кроме того, дает им в руки единственно надежное и испытанное средство к скорейшему возрождению — она обеспечивает им возможность государственно-планового регулирования возрождающегося хозяйства и тем ускоряет процесс социалистического накопления, на основе которого только и возможно развитие индустрии в отсталой стране.

Нет нужды распространяться, что осуществление основных задач промышленного развития чувашского края (восстановление основного и оборотного капиталов действующих предприятий, сооружение новых фабрик и заводов, расширение и усовершенствование кустарного производства и т. п.) будет совершаться при самой активной помощи со стороны советского государства. Эта помощь уже начинается: в 1925/26 году эта помощь уже намечена в размере 2 миллионов рублей, что в чувашских условиях означает небывалое во всем прошлом края вложение капитала со стороны в промышленное строительство.

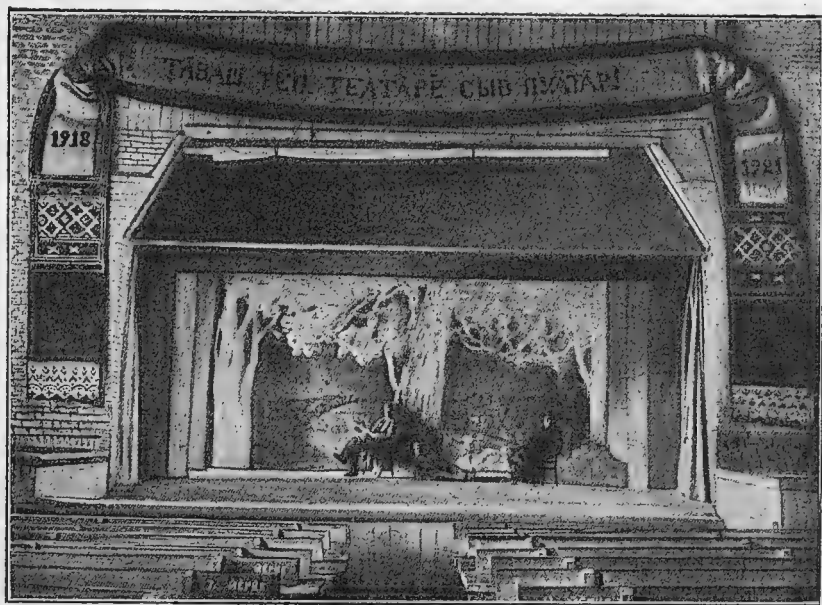
Просвещение.

В 1918 г., когда еще продолжали выходить некоторые буржуазные газеты, в «Раннем Утре» один из бульварных писак как-то упомянул в своем фельетоне, что благодаря «варварам-большеви-

викам», уничтожающим русскую культуру, с Тверской улицы г. Москвы убежит и исчезнет изящный французский язык, вместо которого русское ухо вынуждено будет слушать «гнусливое сопение чувашей и прочих дикарей». Можно сказать, что этот писака попал прямо в точку: советская Москва действительно впервые в истории русского государства открыла широкий приют всем этим «прочим дикарям», которых раньше можно было видеть лишь в виде манекенов в Румянцевском музее. Теперь можем уверить этого автора, что он, в огорчение себе, действительно оказался прорицателем: страшно сказать — почти рядом с Тверской улицей существует целый университет этих «прочих дикарей», эти же «прочие дикари» сотнями и тысячами сидят в вузах и на рабфаках и «грызут гранит науки», хотя нужно отметить, что насчет променадов по Тверской они действительно дикари: не понимают толку и не имеют вкуса.

Этим веселым вступлением мы начинаем обзор достижений чувашей в области просвещения и культуры. Эти достижения за немногие годы революции столь разительны и столь выпуклы, что действительно располагают к веселым разговорам. В самом деле, что представляли чуваша в культурном отношении ранее и что представляют они теперь? В смысле низшего образования они имели школу, из которой изгонялся чувашский букварь и чувашский учитель, в смысле среднего образования они на более чем миллионное население, имели единственную учительскую школу и не имели ни одного не только своего, но и вообще-то доступного общеобразовательного или профессионально-технического учебного заведения; в отношении высшего образования перед революцией ежегодно во всей России случайно кончало высшую школу 2—3 чуваша; чуваша не имели газет, журналов, вообще светской литературы, не имели никаких научных институтов, национальных театров, музеев и т. п. В настоящее же время чуваша имеют: школьную сеть довоенного времени, обеспеченную чувашскими учебниками и пособиями народную школу, 6 педтехникумов обычного типа (3 из них вне республики), 1 педтехникум повышенного типа, 2 с.-х. техникума, 1 инструкторскую школу по обработке дерева, 1 лесной техникум, 1 музыкальную школу, 1 рабочий факультет и ряд партийно-советских школ и школ второй ступени; в 1925/26 г. во всех вузах СССР обучалось 400 чувашей. В настоящее время на чувашском языке выходит одна ежедневная газета и 2 периодических журнала, существует особый Чувашгосиздат, занятый исключительно изданием книг на чувашском языке; в Чебоксарах действует союз работников печати, объединяющий десятки старых и начинающих писателей и свыше 400 селькоров; кроме того, в данное время функционируют в Чувашии: научно-экономическая комиссия при Чувашплане, общество изучения чувашского края, научно-методический совет при Чувашиздате, национальный театр, национальный хор и национальный музей. Не перечисляя остальных многочисленных достижений в области чувашской культуры, мы лишь

укажем, что это строительство совершается при активном содействии самых глубинных низов чувашского народа. В самых глухих деревнях и селениях все более и более размножаются культурно-просветительные кружки, любительские хоры и общества, общества любителей и ревнителей чувашского театра и т. п. Этих примеров достаточно, чтобы сказать, что мы присутствуем при весьма порывистом и энергичном возрождении чувашского народа в культурном отношении. Конечно, ясно, что чувашам еще предстоит бесконечно много работы, чтобы хоть несколько приблизиться к общему культурному уровню Советского Союза: одна газета и 400 вузовцев на 1 300 тыс. населения говорят о необычайной отсталости чувашей от общего хода культурного развития СССР.

Чувашский театр в г. Чебоксарах.

Успехи в области советского строительства.

Успехи в области советского строительства, в деле вовлечения в это строительство самих трудящихся масс чувашей не нуждаются ни в каких пространных объяснениях. Один факт существования Чувашской республики говорит о той форме и степени политического самоопределения чувашей, о которой угнетенные и отсталые народы капиталистических стран не могут и мечтать. Тысячи парработников и комсомола, тысячи советских работников из крестьян-чувашей в крае, где ранее чувашин в среде местного

служилого люда являлся белой вороной, говорят сами за себя о тех неизмеримо великих достижениях, которые принесла чувашам революция за эти немногие годы. В настоящее время весь ответственный аппарат края почти в целом находится в руках чувашских рабочих и крестьян, хотя в общем советском аппарате чуваша пока не превышают 50%. Суд, заседания местных советов, собрания, совещания и съезды с участием чувашских крестьян происходят обязательно на чувашском языке. Делопроизводство сельсоветов, волисполкомов, некоторых отделов уисполкомов и облисполкома также переводится на чувашский язык; в области непрерывно ведется работа по введению чувашского языка, как основного, во все государственные учреждения. Разрабатывается канцелярская терминология, печатаются соответствующие словари и справочники, и на специальных курсах готовятся кадры государственно-советских работников из чувашских крестьян. Работа по чувашизации госаппарата в крае, имеющем 80% чувашского населения, несомненно, является одной из важнейших мер, с помощью которой только и возможно приближение его к массе населения. Успехам этой работы помогает само население, среди которого в последнее время намечается необычайно повышенный интерес к советскому строительству. Напа забитая, неграмотная, продаваемая и покупаемая за калым алпайка (тетка, — так насмешливо зовут чувашскую женщину русские) — и та уж рвется к советской общественной работе. Вот передо мной лежит объемистый календарь на чувашском языке за 1923 г.; перелистывая его, неожиданно наталкиваюсь на фотоснимок, изображающий сидящую рядом с Кларой Цеткин одну из наших деревенских «алпаяк», при чем плечи К. Цеткин закутаны в разрисованное национальными узорами покрывало чувашской женщины. Чувашский текст под снимком повествует следующее: на рисунке изображена крестьянка из деревни Синиал (Новой деревни), неграмотная и беспартийная Спани. Эта женщина была организаторшей и руководительницей женской трудовой артели по вязанью и вышивке в голодный год; эта артель с помощью Москвы, снабжавшей ее материалами, достаточно широко развернула свое производство и дала возможность своим членам и их детям спастись от голодной смерти; по окончании голода осенью 1922 года в октябрьские торжества эта Спани прибыла в Москву благодарить московский пролетариат за оказанную им чувашскому населению помощь в течение всего голодного года. В календаре указывается, что Спани не одна и не исключение среди чувашей и что революция по-немногу вовлекает в общественную работу и порабощенную чувашскую женщину. Кроме того, тут же указывается, что в этом снимке Клары Цеткин с чувашкой, с внешней стороны как бы представляющем маленький и случайный эпизод, нужно видеть величайший символ нашей эпохи, символ единения угнетенных народов Востока с западным пролетариатом, символ возрождения чувашей с помощью идущей с запада пролетарской революции, символ приобщения чувашей к общечеловеческой культуре. Это

возрождение совершается через пробуждение массовой воли трудящихся чувашей к жизни и творчеству, оно развивается соответственно росту их политического самосознания и соответственно росту их интереса и навыков к общественно-советской работе.

Ближайшие задачи.

Мы набросали в общих и основных штрихах то, что дала советская автономная власть чувашам в области хозяйства, культуры, политики и общественности. Мы схематически оттенили те огромные, исторически-значительные успехи, которые совершило советское строительство за 2—3 года. Однако пока мы ни словом не обмолвились о тех тяжелых затруднениях, которые переживает Чувашия, о тех ошибках и недочетах, которые выявило это автономное строительство, и о тех задачах и условиях, при осуществлении которых возможно устранение этих затруднений, ошибок и недочетов. Выяснению всего этого и будут посвящены наши заключительные строки. Экономическая слабость чувашского края, экономическое истощение его населения столь резко выражены, что требуется ряд самых серьезных мероприятий общегосударственного характера, чтобы дать возможность чувашам не только не вырождаться, но встать на ноги и двигаться по пути дальнейшего развития. С этой точки зрения имеет первостепенное значение прежде всего разрежение с.-х. населения Чувашии путем переселения его в районы с свободным земельным фондом. Учитывая наличную плотность и малоземелье и тот минимум земельной обеспеченности среднего крестьянского хозяйства, при котором только последнее и получит экономическую возможность для надлежащего развития, Чувашплан высказывается за переселение из современной Чувашии ни больше, ни меньше, как половины крестьянского населения, что составит 300—400 тыс. душ крестьян-земледельцев. С точки зрения научной обоснованности, утверждение Чувашплана не может вызывать возражений: обеспеченность среднего крестьянского двора 2—3 дес. посевов вынуждает его все производство приспособлять для собственного потребления, абсолютно лишает его возможности совершать внутри своего хозяйства какое бы то ни было накопление капитала, без коего, конечно, невозможна интенсификация этого хозяйства. Эта же полунисенская обеспеченность массы чувашского крестьянства землей, предохраняя ее, с одной стороны, от полнейшей пауперизации и, с другой стороны, не давая ей жизненного минимума, служит главной причиной, почему среди нее до сего времени так слабо выражен сдвиг и отход от земледелия к промыслам и промышленности. Поэтому переселенческий вопрос для Чувашии является самым крупным и жизненным вопросом. Конечно, возможно, что проект переселения чуть не полмиллиона чувашей для ближайшего времени является фантастичным и вообще неосуществимым. Но это обстоятельство несколько не говорит против необходимости переселения, наоборот, оно лишь ука-

зывает, что в этом направлении нужно делать чрезвычайные усилия и нужно принять какие-то чрезвычайные меры. Чувашские крестьяне имеют основание и право рассчитывать на исключительную поддержку со стороны государства: следует помнить, что если в руки общероссийского крестьянства революция передала свыше 100 милл. десятин лучших с.-х. помещичьих земель, то в руки чувашского крестьянства попало ничтожное количество (всего на республику 1 000 с лишним дес.), и выдвигаемый им во всех прошлых революциях и восстаниях аграрный вопрос не получил для него полного разрешения. Чувашскому крестьянству прежде всего должен быть предоставлен свободный земельный фонд в районах Поволжья и Приуралья; это нужно делать, конечно, не потому, что эту территорию некогда населяли чуваша, а потому, что переселение чувашей в эти районы не потребует больших расходов, и, кроме того, потому, что чуваша за тысячелетнее сидение на земле в этих районах успели приспособиться к их почвенно-климатическим условиям. При распределении переселенческого фонда в Сибири и других местах чувашам, как и прочим наименьшинствам, должны сразу отводиться отграниченные и большие по размеру участки с тем, чтобы они могли переселяться компактной массой и, коллективными усилиями приспособив новый край для жилья, могли образовать национальные уезды и волости. Это мы говорим не из каких-либо националистических побуждений, а исходя из чисто практических соображений: переселенцы из отсталых народов, маленькими группами разбросавшись в чуждую среду, обычно не успевают к ней приспособиться и либо вымирают, либо возвращаются к еще более первобытному состоянию.

Кроме того, государство обязано будет взять на свое обеспечение производство землеустроительных работ как среди чувашей, так и среди прочих иноязычных племен, где земельные отношения являются запутанными. Эти земельные отношения являются прямым следствием колониальной политики прошлого, и в них, как в фокусе, наиболее рельефно отражается все то зло, которое было причинено угнетенным национальностям. Особенная забота со стороны государства по землеустройству национальных территорий вызывается и тем, что вне коренного устранения запутанности форм землепользования инородцев не может быть речи об освобождении их хозяйства из рамок патриархально-отсталого быта. В остальных отношениях перед чувашской деревней в смысле улучшения его с.-х. производства стоят те же задачи, что и перед русской деревней.

Чуваши, как, вероятно, и прочие подобные им народности, сами собственными силами едва ли когда-нибудь создадут промышленность приличествующего размера. Для этого у них обычно мало и экономических предпосылок: империализм выкачал в свое время из их территории все, что можно, да и в настоящее время промышленная география и транспорт не могли и не могут быть изменены, поэтому естественно, что национальные районы самым ходом вещей вынуждены оставаться вне основного русла промыш-

ленного развития страны. Как это ни парадоксально с первого взгляда, в настоящее время сами угнетенные национальности настойчиво требуют промышленной колонизации их территорий. Вопрос о частичном переводе промышленных предприятий, в особенности консервированных и требующих переоборудования, в национальные районы и сооружения в них новых фабрик и заводов несомненно должен быть краеугольным камнем в национальном вопросе. В какой степени этот вопрос глубоко интересует национальные республики и области, мы поясним небольшим примером: в годы военного коммунизма на территории Чувашии было положено основание сооружению первоклассной спичечной фабрики «Орион». Это начинание, заглухшее в условиях нэпа, пользовалось необычайно любовно-восторженным отношением со стороны чувашского населения, которое отпустило значительное количество хлеба на поддержание этого строительства даже в 1921/22 г., когда само население буквально вымирало от голода. С сооружением этого настоящего индустриального предприятия население связывало возможность подняться на новую ступень социально-общественного развития. Нет нужды распространяться, что вне промышленной колонизации окраин и национальных территорий невозможно и создание в них туземного пролетариата.

Кроме того, чувашская действительность в самой острой форме выдвигает вопрос о создании условий для вовлечения чувашского населения в процесс индустриального труда. Это могло бы быть совершено путем привлечения на фабрики и заводы безработных выходцев из крестьян-чувашей и предоставлением им сначала черной работы, а затем постепенным втягиванием их непосредственно в производственный процесс. Нам представляется, что в фабзавучи индустриальных центров должны вообще быть втянуты нацменьшинства, главным образом—восточники. В этих же целях в национальных районах необходима надлежащая постановка профтехнического образования. Мы уже ранее указали, как сооружение в крае небольшой мебельной фабрики вызвало распространение среди чувашей столярного ремесла. Кроме того, можем указать на развивающееся в настоящее время в Ядринском уезде кустарно-ткацкое ремесло, которое было занесено фабричными рабочими из текстильщиков-чувашей. Таким образом, если мы хотим действительно и скорее помочь отсталым народам в деле усвоения новых современных форм хозяйственного быта—прежде всего государством для них должны быть созданы условия для беспрепятственного приобщения к промышленному труду.

Октябрьская революция расковала цепи национального порабощения чувашей, и она же поможет им встать на ноги и занять подобающее место в дружной семье трудящихся масс разноплеменного Советского Союза.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Партия, комсомол, профсоюзы и работа среди женщин.

Первые шаги коммунистического движения.

Организованная и надлежащим образом развернутая работа РКП (б) среди чувашей началась лишь с осени 1918 г., с момента очищения Поволжья от чехо-словаков. Как уже указывалось нами ранее, до этого времени на чувашской территории встречались лишь коммунисты-одиночки, которые по своей малочисленности не могли играть какой-либо активной роли в политической жизни края. Обстановка в отношении партийной работы среди чувашей изменилась коренным образом, когда группа чувашских левых эсеров и социалистов-националистов, в результате пережитых в эпоху гражданской войны на Волге событий, решила встать в ряды РКП(б). С этого момента в крае появляется партийное ядро, которое по своей активности, организованности и связи с чувашской деревней и крестьянством было достаточно сильно, чтобы вскоре взять в руки руководство как партийной, так и советской работой среди чувашского населения. Это первоначальное партийное ядро в первое время называлось чувашским коммунистическим комитетом. Вначале насчитывавшее в своих рядах всего десятка два коммунистов-чувашей, через год оно уже разрослось в целую организацию, которая своей работой охватывала всю чувашскую территорию. По инициативе и при участии этих коммунистов-чувашей при партийных организациях края начали открываться и работать особые чувашские национальные секции. Центром партработы среди чувашей в то время была Казань, где находился и комиссариат по чувашским делам, сгруппировавший вокруг себя наиболее многочисленную и наиболее активную группу партработников. Кроме того, к этому времени под руководством губкомов для чувашской работы организуются в виде особых секций группы из коммунистов-чувашей в Ульяновске, Самаре и Уфе. Возникновению этих секций вначале способствовало то, что в поволжских губерниях в то время, в связи с близостью фронта, были сосредоточены крупные воинские части с большим количеством красноармейцев из чувашей, которые в некоторых случаях были выделены в особые роты и батальоны. Среди красноармейцев встречались фронтовики империалистиче-

ской войны и молодые красноармейцы из добровольцев, уже состоявшие в партии. На этих красноармейцев-партийцев и опирались в первое время секции в своей работе среди массы населения. Да и сами партийные чувашские секции при губкомах сформировались из работников чувашских секций при политотделах армий, возникших еще в начале гражданской войны на Волге. Разумеется, в это время не могло быть речи о широкой и надлежаще организованной партийной работе непосредственно в чувашской деревне. Для этого у молодых чувашских организаций не хватало ни сил, ни средств. Да и время было такое, которое исключало возможность какой бы то ни было органической работы, ибо все тогда было подчинено интересам обороны, интересам борьбы с надвигавшейся с востока контр-революцией. В таком же направлении протекала и работа чувашских коммунистов, которые вели, главным образом, весьма оживленную агитационную деятельность по набору добровольцев в Красную армию и освещению перед темным чувашским крестьянством истинного смысла совершающихся событий. В этих, главным образом, целях, помимо основной газеты в Казани, чувашские организации начали выпускать газеты на чувашском языке в Ульяновске, Самаре и Уфе. Кроме того, в этот период чувашскими организациями было выпущено десятка два книг и брошюр социально-политического содержания, чего не делалось со времени революции 1905 г. Конечно, в это время велась кое-какая работа и в уездах, волостях и селениях, главным образом на территории нынешней республики. В состав уездных партийных организаций все более и более начали вливаться коммунисты из чувашей, которые, естественно, главной своей задачей ставили развитие партийной работы прежде всего среди основной массы местного населения чувашей. В 1919 г. чувашский край уже покрылся целой сетью чувашских волостных и сельских партячеек. Правда, эти партячейки были малочисленны и насчитывали в своих рядах не более 200 человек на 1 800 населенных пунктов, но тем не менее они уже начали играть кое-какую активную роль в местной жизни. Время это, как известно, было чрезвычайно трудное и ответственное: советская страна задыхалась в кольце блокады, пролетарские центры мерзли и голодали, Поволжье и Приуралье в свою очередь были ареной жестокой и кровавой борьбы с колчаковскими войсками. Естественно, чувашская деревня в это время жила весьма беспокойной и нервной жизнью. Масса крестьянства, вынужденная нести большие жертвы по снабжению фронта и наших революционных центров всякого рода жизненными припасами, все более и более озлоблялась и настраивалась против советов. Тяжелая задача по поддержанию революционного порядка в крае и по проведению подразверсточных и иных боевых кампаний почти целиком ложилась на указанную выше горсточку деревенских коммунистов из чувашей. Нужно отметить, что в этот период, как никогда, остро и болезненно выпячивался национальный момент как в партийном, так и в общесоветском строительстве. Масса

крестьянства, недовольная собираемыми с нее налогами и разного рода поборами и озлобленная подчас неправильными действиями продотрядов, по своей темноте и невежеству, считала «русских рабочих» и «русских красноармейцев» причиной всякого зла и непорядков. Это же настроение постепенно переносилось и на местных коммунистов из русских, которым вследствие всеобщего враждебного настроения стало очень трудно вести партработу непосредственно среди гущи сельского чувашского населения. Назрела необходимость передачи руководства партийной работы чувашским коммунистам, хотя последние и по стажу и по подготовке сильно уступали местным русским работникам. Последние в то время плохо разбирались в национальном вопросе и старались его всячески игнорировать, хотя жизнь и повседневная работа настойчиво требовали его разрешения. В результате этого вплоть до образования Чувашской автономной республики коммунисты из чувашей и в чисто чувашских уездах играли лишь второстепенную роль. Все это, естественно, создавало отчужденность и взаимное непонимание и в среде, казалось бы, уже сработавшихся между собой коммунистов из русских и чувашей. Возникавшие на этой почве разного рода недоразумения на низовой работе не получали должного разрешения и в губернских центрах, где также национальный момент учитывался весьма слабо. Это обстоятельство послужило одной из главных причин, заставивших коммунистов-чувашей поднять вопрос о скорейшем осуществлении выдвинутого еще чувашскими организациями левых эсеров и социалистов-националистов проекта Чувашской республики. Форсированного разрешения этого вопроса начал требовать и центр, которому были видны и ясны причины существующих на местах как по партийной, так и по советской линии непорядков на национальной почве; в это время в Москве уже принципиально был разрешен вопрос о создании татарского и башкирского автономных образований. Необходимость выделения чувашей в обособленную автономную единицу окончательно была разрешена первым всероссийским съездом коммунистов-чувашей в 1920 году. Необходимость эта мотивировалась тем, что лишь в условиях территориально-автономного существования чувашей среди них возможно, по мнению съезда, вести нормально и успешно партийное и советское строительство. Жизнь полностью и безоговорочно оправдала это, казавшееся в свое время сомнительным даже многим коммунистам из чувашей, предположение. Партийное строительство в истинном значении этого слова среди чувашей началось именно с момента возникновения чувашской автономии, т.-е. со второй половины 1920 г. С этого момента руководство партийной работой на территории чувашского края переходит к чувашскому областному комитету РКП(б), который с первых дней своего существования начинает систематически и планомерно проводить в отношении чувашей ту политику, какая диктуется программой и директивами партии по национальному вопросу.

Особенности и трудности партийного строительства.

Партийная работа в Чувашии, если подходить к ней с обычной меркой, если оценивать ее с точки зрения великорусских губерний, конечно, не выдерживает серьезной критики. Это понятно само собой и не нуждается в пояснениях, ибо чуваша почти абсолютно не имеют организованного пролетариата. Среди чувашей имеется огромный процент крестьянской бедноты: безлошадников, бесскотников, много разного рода беспосевников, живущих наймом в чужом хозяйстве, также много таких, которые в старое время батрачили в частновладельческих экономах Поволжья или промышляли отхожими промыслами. Но в Чувашии нет рабочих от станка из чувашей, по крайней мере — нет их в виде хоть сколько-нибудь компактной массы. При этих условиях естественно, что партийная организация в Чувашии совершенно лишена той базы, которая одна лишь может служить источником ее здорового роста и развития. В условиях почти полного отсутствия в крае рабочего класса как количественное, так и качественное улучшение областной партийной организации становится чрезвычайно затруднительным и порой прямо-таки невозможным. Это обстоятельство должно быть учитываемо в полной мере, когда подходят с той или иной оценкой к состоянию и ходу партстроительства среди чувашей, как одной из отсталых восточных национальностей. Это, конечно, должно быть учитываемо не для того, чтобы сделать из этого пессимистический вывод о полной невозможности и ненужности вести партийное строительство среди чувашей силами и средствами, выделенными самими чувашскими трудящимися массами. Как известно, в принципиальной постановке этого вопроса в партии не может быть двух мнений. Не может быть двух мнений в этом вопросе и в его чисто практической постановке, и не только потому, что здесь трудно найти какой-либо другой выход, но главным образом потому, что мы ныне являемся свидетелями весьма заметных положительных успехов, которых достигла партия в своей работе среди отсталых национальностей, хотя бы за последние пять лет своего строительства. Эти успехи при надлежащем учете условий времени и места, при которых они были получены, действительно являются весьма большими, по крайней мере по относительному масштабу, и целиком оправдывают тот курс и ту линию в национальном вопросе, которые были завещаны В. И. Лениным и которые последовательно и неуклонно проводятся партией во всей своей работе. История развития партстроительства среди чувашей в этом отношении является лишь одним из маленьких примеров, которыми советская страна так богата за свое кратковременное существование.

В момент образования чувашской автономии областная организация РКП насчитывала в своих рядах всего 300—400 членов и кандидатов. За пять лет партстроительства это количество увеличилось почти до двух с половиной тысяч человек: к концу 1925 г. число членов поднялось до тысячи ста человек и число

кандидатов до тысячи трехсот человек. Как видим, состав организации в количественном отношении за период автономного строительства возрастал в достаточно интенсивном темпе. Несмотря на такой ускоренный рост, чувашская организация, конечно, пока что очень слаба, если принять во внимание, что на территории с миллионным населением имеется всего 2—3 тысячи коммунистов. Тем не менее надлежит признать, что местная организация в своем количественном росте несомненно достигла больших успехов. Этими успехами партия в значительной мере обязана тем особым условиям своей работы, которые вытекают из факта существования Чувашской автономной республики. В этом отношении достаточно характерны и показательны сравнительные данные о количестве партийцев в пределах республики и среди внеереспубликанских чувашей: последних по количеству насчитывается столько же, сколько чувашей и на автономной территории Чувашии, однако среди них насчитывается партийцев всего 300—400 чел. Ясно, что рост партии среди чувашей, живущих рассеянно и составляющих меньшинство среди прочего населения, идет в значительно более замедленном темпе, чем в автономном крае. Более интенсивный количественный рост партии в пределах республики, конечно, обязан главным образом тому, что здесь парторганизация силой вещей более приспособлена к жизни, она здесь в большей степени увязана с своеобразием и особенностями местных условий. Недостаток партийных сил в Чувашии особенно остро ощущался в первые моменты ее существования. Для устранения этого недостатка Центральным Комитетом партии в 1920 г. была совершена неоднократная переброска чувашей-партийцев из армии и из прочих районов в Чувашскую республику. Большинство современных ответственных работников Чувашии в настоящее время состоит из этих переброшенных из армии и других губерний партийцев. Следует отметить, что вопрос об использовании партийных сил из чувашей прежде всего на территории чувашского края имеет крайне серьезное и актуальное значение и поныне, ибо местная организация, помимо бедности в количественном отношении, крайне слаба и неудовлетворительна по своему качественному составу. Между тем в центре и в других республиках и губерниях не редкость встретить целый ряд партийцев из чувашей, которые и своей подготовкой и по своему стажу весьма были бы пригодны для ответственной работы среди чувашского населения. Здесь нелишне упомянуть об одном своеобразном обстоятельстве, которое характерно вообще в отношении восточных национальностей и которое наиболее ярко выражено среди чувашей: мы в данном случае говорим о бегстве из Чувашии наиболее активных и наиболее развитых и сильных работников в центральные и другие районы. Это бегство в старое время совершали чувашские интеллигенты, в настоящее время то же самое повторяется советскими, а частью и партийными работниками. Чувашский край слишком беден, технически отстал, не имеет культурного центра, всякая работа протекает в нем не в таком масштабе,

который мог бы удовлетворять всякого работника. При этих условиях естественно, что многие из чувашей предпочитают уходить на работу в великорусские губернии. Устранение этого большого в жизни миллионной массы трудящихся чувашей зла возможно, конечно, лишь тогда, когда чувашский край подвергнется коренному преобразованию и в экономическом и в культурном отношении. Вопрос об обеспечении и укреплении количественного роста партии среди чувашей, вопрос о пополнении ее рядов притоком новых сил в своем корне прежде всего опирается на то, в какой степени местная национальная организация сумеет наладить и развить вовлечение в партию лучших представителей самой массы трудящихся чувашей. Меры административного характера, как мобилизация, переводы и переброски по нарядам, конечно, играют свою полезную в этом отношении роль, но значение этой меры все же весьма ограничено и носит временный характер.

Качественный состав чувашского коммунистического коллектива в настоящее время заставляет желать много лучшего. Во всяком случае он нуждается в особом ходе, когда подвергается оценке с той или другой стороны. Прежде всего он почти исключительно состоит из крестьян и выходцев из крестьянства, лишь временно по той или иной причине порвавших связь с крестьянским хозяйством. Рабочих в составе коллектива насчитывается не свыше 15%. Но и эта рабочая часть организации нуждается в существенных оговорках: она состоит по преимуществу из бывших временных рабочих на разного рода отхожих промыслах. Во всяком случае, рабочих, пробывших в производстве годами, стоявших непосредственно у станка, и тем более рабочих, так сказать, потомственных, продававших свой труд машинной индустрии из поколения в поколение, среди чувашей нет и не могло быть. Таким образом по самому главному признаку своему, по признаку социально-классовому, чувашская организация является полной противоположностью таких лучших организаций, как иваново-вознесенская и ряд прочих великорусских организаций. С другой стороны, чувашский коммунистический коллектив в сравнении с прочими организациями имеет и некоторые преимущества: в его составе весьма незначителен процент интеллигенции, при чем последняя как и вообще, так и в особенности в ее партийной части состоит почти исключительно из представителей сельской интеллигенции, главным образом из разного рода культурных работников среди крестьянского населения. Крестьянская часть партколлектива Чувашии тоже характеризуется весьма существенными положительными качествами: она почти сплошь состоит из полупролетарских элементов деревни. Говоря о качественной стороне чувашского партколлектива, нельзя не упомянуть о том, что он не имеет в своем составе ни одного старого большевика и что среди него мало старых революционеров; он состоит большей частью из партийцев 1918—1920 г.г. В то время как и партийцы 1917 г. насчитываются единицами, — в коллективе весьма

значителен процент выходцев из других партий. Нет нужды распространяться, что и уровень теоретической марксистской подготовки чувашского коллектива не высок; в этом отношении не составляет исключения и значительная часть ответственных работников.

Вопросы коренного улучшения чувашской парторганизации как в количественном, так и в качественном отношении в конечном итоге упираются, естественно, в вопрос о полной реконструкции патриархального чувашского хозяйства на новых началах, на началах освобождения его от всего, что задерживало до сего времени его естественное развитие. Создание в крае чувашского рабочего ядра, достаточно компактного и сильного не только для того, чтобы восполнять естественную убыль партколлектива, но и для того, чтобы служить источником дальнейшего роста его, возможно, конечно, при условии насаждения в крае хоть сколько-нибудь мощной промышленности. В современных же условиях в первую очередь необходимо возможно шире вовлекать в промышленное развитие края рабочих из чувашей. В этом направлении работа в пределах республики пока что находится лишь в зачаточном состоянии, ибо в местных промышленных предприятиях процент рабочих-чувашей все еще незначителен. Кроме того, с нашей точки зрения необходимо, чтобы чувашам, как и прочим отсталым национальностям, теперь же была обеспечена возможность создания некоторого кадра квалифицированных рабочих путем выучки и работы при фабриках и заводах индустриальных районов. Ведь, несомненно, в будущем в географическом распределении промышленных пунктов, в промышленно-географической карте страны произойдут существенные изменения в смысле некоторого продвижения центра тяжести индустриального производства и в сторону восточных национальных республик. В этом случае, помимо всяких других соображений, необходимо, чтобы отсталым национальностям заранее была обеспечена возможность укомплектования основного кадра рабочих во вновь сооружаемых индустриальных предприятиях из прошедших фабрично-заводскую выучку выходцев из своей среды. Во всяком случае, в такой большой и сложной проблеме, как вопрос о восстановлении и воспроизводстве рабочей силы в стране, этот момент также должен учитываться в должной мере. В последнее время в связи с восстановлением и расширением промышленного производства вновь, как и в старое время, наблюдается массовый отход чувашей на работы при фабриках, заводах и разного рода строительных сооружениях. В этих случаях, в силу отсутствия требуемой квалификации, они пребывают на положении временных и вспомогательных рабочих. Нужно бы облегчить хоть части из них возможность встать в ряды основного и постоянного кадра рабочих, что имело бы большое значение для судеб чувашского населения: это помогало бы установлению живой связи между темным чувашским крестьянством и рабочим классом, это помогало бы втягиванию полупролетар-

ских элементов чувашской деревни в настоящее индустриальное производство, это содействовало бы возникновению и росту на первое время хотя бы зародышевого ядра чувашского пролетариата. Это же, естественно, давало бы чувашскому партколлективу возможность пополнять свои ряды чисто пролетарскими элементами. Ясно, что практическое осуществление всего этого возможно было бы в первую очередь при условии, если бы нацменьшинствам облегчена была возможность доступа в школы фабрично-заводская в индустриальных центрах.

В настоящее же время основным источником пополнения рядов ВКП в чувашском крае служат пролетаризирующиеся элементы деревни. Но эти элементы, как известно, отличаются крайней текучестью, оседловым непостоянством и отсутствием связи с местной производственной жизнью. Для устранения этого местная парторганизация ставит себе задачей создание в крае разного рода трудовых объединений, главным образом с.-х. коммун и кустарно-промышленных артелей, которые, вбирая в себя наиболее устойчивые, но тем не менее ходом экономического развития деревни выбитые из колеи крестьянского хозяйства элементы, кладут основание таким производственно-общественным формам хозяйствования, из которых впоследствии смогут вырастать действительные трудовые коллективы. По условиям момента, в данное время в деятельности чувашской парторганизации вопрос о вовлечении в партию членов с.-х. коммун, артелей, трудовых товариществ и кустарных кооперативов имеет чрезвычайно важное значение. Во всяком случае они пока что представляют в крае единственную более или менее компактную массу, из которой партия может черпать себе действительно массовых и полезных работников. В этом отношении перед областной организацией ВКП работы непочатый край, так как работа эта только еще ставится на очередь.

Само собой понятно, что в Чувашии особенно серьезное значение, кроме того, имеет вопрос о вовлечении в партию середняцкой части крестьянства. Как видно из всего нашего предыдущего изложения, чувашин-середняк в масштабе обычных великорусских губерний является типичным бедняком. Конечно, эта бедность ни в какой степени не избавляет его от предрассудков и уклонов, свойственных владельцу индивидуального хозяйства. Тем не менее среди массы чувашского крестьянства легче найти таких землеробов, которые не только просто за совесть принимают программу ВКП, но и смогут явиться активными проводниками принципов партии в гущу сельского населения. В сознании этого чувашской организацией кампания по вовлечению крестьян в партию была проведена с достаточной энергией: партколлектив за 1924/25 г. за счет, главным образом, приема в партию крестьян увеличился свыше, чем на 30%. Несомненно, что работу в этом направлении следует расширить в еще большей степени, ибо количественный вес партии в местной жизни все еще далеко не удовлетворителен. Во всяком случае он ничтожен в сравнении с теми колоссальными заданиями, которые вытекают из факта впервые

в своей истории свободного и самостоятельного государственного существования чувашских трудящихся масс.

Особенного и несколько смягченного подхода, очевидно, требует и вопрос о приеме в партию чувашских интеллигентов. Чувашский партколлектив в настоящее время крайне беден интеллигентными силами; в этом отношении достаточно указать, что в первые годы автономного строительства он располагал всего одним человеком с высшим образованием. Вовлечение в партию чувашской интеллигенции в несколько расширенном размере имеет большое значение еще и потому, что партколлективу Чувашии в настоящее время приходится вести огромную работу по разрешению бесконечного числа вопросов и проблем, которые в прошлом никем не были разрешены и которые с первого взгляда как будто и не входят в программу партии; например, в чувашских условиях даже такой специальный вопрос, как вопрос об установлении единообразного и соответствующего языку чувашского алфавита не может не быть предметом обсуждения местной парторганизации, ибо разрешение его в той или иной форме предопределяет заранее способы, форму и направление в разрешении целого ряда прочих вопросов, составляющих основу культурно-национального строительства. В области этого строительства чувашии предоставлены исключительно сами себе, ибо большинство задач и вопросов в этой области в науке в свое время не нашло соответствующего освещения. При этих условиях понятно, почему вопрос об обеспечении чувашского партколлектива достаточно развитыми в научном отношении силами имеет сугубое значение.

Количественный и качественный рост партии среди чувашей и новые задачи.

Наряду с усиленным количественным пополнением своих рядов чувашская организация ведет весьма усиленную работу по качественному улучшению своего состава. Эта организация, будучи набернована сначала из лиц, еле знакомых с азбучными положениями марксизма, в настоящее время, хотя бы применительно к местным условиям, представляет вполне зрелую и подготовленную силу, чтобы руководить жизнью всей нации. Во всяком случае чувашский народ, лишенный самостоятельного политического бытия в прошлом, впервые в своей истории становится свидетелем, как из его среды в лице организации ВКП вырастает и крепнет политическая сила, достаточно мощная для того, чтобы управлять его судьбами как в настоящем, так и в будущем. Оглядываясь на успехи, достигнутые в этом отношении чувашским партколлективом со времени так называемого чувашского коммунистического комитета в Казани в 1918 г., нужно признать, что эти успехи необычайны и могли быть достигнуты лишь в советских условиях. В самом деле, прошло всего 5 лет нормального строительства, и парторганизация уже располагает целым кадром работников, прошедших и проходящих теоретическую подготовку

в Институте красной профессуры, в коммунистических университетах — Свердловском, Зиновьевском и народов Востока, в разного рода губернских и уездных совпартшколах разных ступеней. Ясно, что уровень теоретической подготовки партийцев-чувашей за последние годы поднялся на несравнимую высоту. Азбучное понимание основ коммунизма, пять лет назад свойственное и самому ответственному ядру организации, в настоящее время отошло в область предания. Низовые партработники в волостях и селениях также за последнее время значительно подняли уровень своей подготовки в партийной работе. Качественное улучшение партийцев-чувашей, главным образом, пока совершается через учобу, через школы и разного рода подготовительные курсы. Небывалого подъема уровня теоретической подготовки партийного аппарата следует ожидать в течение предстоящих 5—6 лет, когда в республику вернутся обратно те сотни партийцев, которые в настоящее время обучаются в разнообразных вузах, как общественно-политических, так и специальных.

Параллельно с ростом партии в Чувашии все более и более расширяется и углубляется процесс чувашизации партийного аппарата. В начале существования автономии в аппарате чувашей было не более 50%, в настоящее время они заполняют до 80—90% мест по руководству деятельностью партийной массы. Как известно, по степени использования на ответственных постах партийцев из среды основной национальности Чувашская автономная республика занимает одно из первых мест среди большинства прочих национальных республик и областей, несколько уступая в этом отношении лишь Армении и Грузии.

Чувашизация партаппарата является прямым и неизбежным следствием углубления и расширения самого масштаба и размаха массовой работы среди населения. По мере все большего и большего сближения и органического сращивания работы партии непосредственно с жизнью всех трудящихся масс, по мере все большего и большего втягивания в партийно-советское строительство низовых работников — полная чувашизация партаппарата становится неотложной задачей. Эта необходимость особенно очевидна, если принять во внимание огромную работу, которая проводится в этом направлении по общесоветской линии. Советский аппарат, в начале образования республик почти исключительно состоявший из русских чиновников и прислужников царизма, не может оставаться таковым же и в советское время. В связи с колоссальной важности работой по втягиванию в советское строительство беспартийной массы рядового крестьянства и по выдвижению лучших ее представителей на самые ответственные посты, в связи с широко развернутой работой по созданию вокруг советского аппарата атмосферы полного и всеобщего доверия, в связи с работой по выявлению и мобилизации для непосредственного участия в советском строительстве крестьянского актива — чувашизация советского аппарата сверху донизу является и необходимой и неизбежной. Разумеется, партаппарат в этом отношении не только

не должен отставать от советского аппарата, но должен служить и примером для последнего.

Успехи национальной партийной и советской печати.

Основным орудием партработы среди населения, орудием работы непосредственно среди массы чувашского крестьянства является их родной язык и национальная партийно-советская печать. В развитии партийно-советской печати чувашской организацией ВКП за последние 5 лет также достигнуты немаловажные успехи, хотя эти успехи значительно уступают тем, о которых мечтали коммунисты-чуваша в эпоху военного коммунизма. Тогда они полагали, что в течение 3—4 лет им удастся создать по наиболее жгучим социально-политическим вопросам настолько богатую литературу на чувашском языке, насколько велика в этом потребность со стороны низовой читательской массы. Мало того, тогда же в программу работ ставились перевод и издание таких великих научно-литературных трудов, как «Капитал» К. Маркса. Тогда думалось, что в течение 3—4 лет удастся снабдить чувашскую деревню целым комплектом таких новых и интересных изданий, которые вытеснили бы из употребления в читательском обиходе разного рода миссионерскую литературу, единственную в старое время литературу на чувашском языке. Из этой первоначальной программы до сего времени может быть осуществлено не более 10%, но тем не менее, если принять во внимание вызванные новой экономической политикой объективные условия, и эта десятая часть намеченной программы является большим и опять-таки небывалым в прошлом успехом. Во-первых, партия имеет вполне налаженный ежедневный орган—газету «Канап» («Совет»), который имеет десяти тысячный тираж (тираж эсеровской газеты «Хыпар» в 1906—1907 г.г. не превышал одной тысячи). Эта газета объединяет вокруг себя до 500 рабкоров и селькоров. Большим достижением надо также считать ежемесячный журнал «Сунтал» («Наковальня»), издаваемый союзом советских чувашских писателей и журналистов. Кроме того, партия имеет в своем распоряжении для распространения по ячейкам издаваемый Центроиздатом в Москве ежемесячный журнал «Голос Трудящихся», который по содержанию целиком направлен к обслуживанию интересов чувашской деревни. Из прочих периодических изданий на чувашском языке сверх того заслуживают внимания издаваемая в Казани газета «Красный Восток» и юмористический журнал «Ловушка». В последние годы делались попытки наладить систематическое издание периодических партийно-советских изданий в Самаре и Уфе, но эти попытки до сего времени не получили осуществления. Если принять в соображение, что до революции на чувашском языке не издавалось ни одной газеты, следует признать, что в деле создания периодической печати чувашами достигнуто многое. Работа эта началась при полном отсутствии типографского оборудования и чувашских шрифтов, при отсутствии набор-

щиков из чувашей и при отсутствии хоть сколько-нибудь знакомых с техникой газетно-журнального дела редакторов и журналистов. В настоящее же время вся эта техническая сторона издательского дела может считаться уже вполне налаженной. В деле создания партийно-советской печати менее заметны успехи в отношении издания книг и брошюр, которых до последнего времени насчитывается не более 40 — 50 названий. Но все же большинство этих изданий, являясь по содержанию и форме изложения популярной и общедоступной литературой, в значительной мере в состоянии удовлетворить запросы деревенского читателя. Большинство этих изданий переведено с русского оригинала, но среди них уже начинают появляться и самостоятельные работы. В настоящее время ставится задача обеспечить совпартшколы первой ступени и вообще школы, где преподается политграмота, руководствами и пособиями на чувашском языке. Создание же общественно-политической литературы на чувашском языке для школ среднего типа и для читателей с более повышенными запросами, в силу объективных условий, главным образом за отсутствием средств, очевидно, будет осуществлено лишь через несколько лет в будущем.

В кратком и схематическом наброске нет возможности останавливаться на особенных и свойственных специфическим условиям местной жизни задачах партстроительства среди чувашей. Ясно всякому, что вся парторбота в Чувашии протекает применительно к местному национально-бытовому укладу. Организационная структура партии, подбор и распределение работников, партпросвещение, агитационно-пропагандистская работа среди беспартийных, руководство советским аппаратом и каждая из прочих отраслей парторботы — имеют свои особенности, вытекающие из необходимости приспособить, увязать и органически спаять их с требованиями чувашской действительности. Изложенные нами ранее задачи в области восстановления и переустройства сельского хозяйства, промышленности, транспорта, товарооборота, финансов и пр. являются, конечно, и основными задачами партии, ибо она одна направляет и руководит всем советским строительством Чувашии.

Но наш очерк будет неполным, если мы в заключение не скажем два слова о тех организованных общественно-политических силах, которые существуют и активно помогают партии в ее работе по руководству всей жизнью края. В данном случае мы разумеем чувашский комсомол, чувашское женское движение и чувашские профсоюзы.

Комсомол, его роль и значение.

Чувашский комсомол в настоящее время насчитывает в своей среде свыше 8 тыс. человек. Этот комсомол почти исключительно состоит из крестьянской молодежи. Комсомол в своем составе имеет все лучшее, что может дать современная деревня. Он прежде

всего вбирает в себя наиболее деятельных, наиболее грамотных и наиболее честных представителей деревенской молодежи. Нет сомнений, в такой массовой организации, как комсомол, в отдельных случаях не может быть и без изъяну. Но все же общий состав чувашской организованной молодежи достаточно высок по своему качеству. Это прежде всего обусловливается тем, что комсомол в Чувашии однороден по своему социально-классовому составу и состоит почти исключительно из лиц, непосредственно ведущих крестьянское хозяйство. Недостатком чувашского комсомольского коллектива является то, что в нем весьма незначителен процент рабочей молодежи. В общем без преувеличения можно сказать, что чувашский комсомол, это есть прежде всего и по преимуществу крестьянский комсомол. Этот комсомол на 99% состоит из молодняка бедняцких и середняцких слоев чувашской деревни. Этим определяются все достоинства и недостатки нашего комсомольского коллектива. В чем же, однако, особенный смысл в комсомольском движении среди чувашей? Без преувеличения можно сказать, что комсомол олицетворяет собой ту дремавшую веками и пробужденную лишь Октябрьской революцией массовую силу, которая является на смену расслабленному и истощенному прошлым порабощением поколению. Чувашский комсомол, это — прообраз грядущего чувашского коллектива, коллектива нового, свободного и трудового. Чувашский комсомол в своих действиях, стремлениях и чаяниях сознательно и бессознательно отражает то, чем должна быть миллионная масса трудящихся угнетенной национальности на другой день после ее освобождения. Этот комсомол стихийно и подчас бессознательно в своем движении уже очерчивает контуры и вехи того единственно верного пути, который уготован историей угнетенным крестьянским нациям Востока, получающим освобождение из рук победоносной пролетарской революции и творящим новую жизнь под предводительством революционного пролетариата. И в самом деле, вовсе не пустая и громкая фраза, что в условиях чувашской действительности комсомол представляет собой самое интересное и исторически значительное явление. При слабости и даже отсутствии рабочего класса этот комсомол прежде всего почти единственный массовый коллектив, откуда партия черпает себе новую смену работников. В этом отношении можно указать, что за последнее время до 40% вновь поступающих в партию работников вышли из среды комсомола. И мы приближаемся к моменту, когда в течение целого периода времени по условиям чувашской действительности партия сможет расти и развиваться почти исключительно за счет комсомола.

Эта особенная роль чувашского комсомола в отношении партии очевидна и понятна сама по себе и не нуждается в толковании. В той же степени очевидна особенная роль чувашского комсомола в фактическом проведении в жизнь народной массы всего того, что входит в задачу советского строительства. Кроме комсомола в Чувашии нет другой массовой силы, которая так была бы способна активно помогать и содействовать партии в ее ра-

боте. Возьмем ли мы вопросы хозяйственного строительства, вопросы улучшения и рационализации системы крестьянского хозяйства (землеустройство, мелиорация, введение улучшенных форм севооборота, создание коммун и с.-х. кооперативов и т. п.), вопросы восстановления и насаждения в крае мелкой и кустарной промышленности, вопросы регулирования местного товарооборота, финансов и кредита, — все это воспринимается и проводится в жизнь прежде всего по инициативе и при непосредственном участии комсомола.

Возьмем ли мы, с другой стороны, вопросы политического и общественно-советского строительства, вопросы о проведении в жизнь действительной выборности в низовой советский аппарат, вопросы о выдвижении на работу лучших представителей беспартийной массы, вопросы об установлении в деревне революционной законности и борьбе с разного рода злоупотреблениями властью, — все это опять-таки делается только через комсомол. Особенно велика роль чувашского комсомола в проведении в крае мероприятий чисто национально-бытового характера: борьба с предрассудками, темнотой и невежеством, с разного рода остатками патриархального быта протекает прежде всего при активном участии комсомола. В настоящее время чувашский край переживает эпоху возрождения заглушенного в прошлом культурно-национального творчества. Национальные хоры и оркестры, литературные и певческие кружки, национальные театры — все это создается при почти исключительном участии руководимого партией и лучшей частью трудовой интеллигенции комсомола. В этом отношении достаточно сказать, что 90% современных чувашских поэтов, артистов, журналистов, селькоров и пр. состоит из комсомольцев. Такой широкий объем заданий и широкий размах работы, с одной стороны, придает чувашскому комсомолу должный авторитет в глазах всего населения, с другой стороны, это требует со стороны партии соответствующего усиления в комсомоле партийного ядра. Было бы вредным самообольщением утверждать, что чувашский комсомол стоит ныне на высоте своих задач во всех отношениях. Наоборот, при всех своих достоинствах он имеет массу недостатков, главнейшими из которых являются политнеграмотность (среди деревенских комсомольцев до 40 — 50%), отсутствие достаточного развития, узость кругозора, чисто крестьянско-деревенский уклон в разрешении всех вопросов, грубоватая и иногда вредная для дела порывистость в борьбе с национальными бытовыми предрассудками населения. Воспитательная работа среди чувашского комсомола по своему объему бесконечно велика, и она, конечно, выполняется пока лишь частично. В этой работе одно из первых мест занимает национально-партийно-советская печать. Кроме того, в развитии общего умственного уровня комсомола большую роль играет та его часть, которая в настоящее время обучается в городах, как в пределах республики, так и, главным образом, вне ее. Здесь, кстати, следует заметить, что чувашский народ созданием своей партийно-советской интеллигенции прежде всего будет обя-

зан своему комсомолу. Чувашские врачи, агрономы, инженеры — вся та корпорация высококвалифицированных работников, которая появляется среди чувашей впервые, вырастает из среды комсомола. Поэтому, не рискуя впасть в излишний пафос, можно сказать, что чувашский комсомол в настоящее время как общественный коллектив является носителем судеб недавно так подавленных, а ныне пробуждающихся чувашских трудящихся масс.

Работа среди чувашских женщин.

Говоря о партии и комсомоле, необходимо упомянуть о состоянии женского движения среди чувашей. О необходимости всемерного втягивания чувашки-крестьянки в советскую работу и необходимости борьбы за освобождение ее от всех пут, которыми окружает ее полувосточный чувашский быт, мы уже говорили ранее. Здесь мы еще раз отметим, что «женский вопрос» в чувашских условиях имеет весьма серьезное значение. Как в партии, так и в комсомоле Чувашии женщины составляют весьма небольшой процент. Причина — забитость, неграмотность и бытовые предрассудки. Борьба с этим злом весьма трудна и требует упорной и продолжительной работы. В недавнюю кампанию по набору в партию крестьянства, несмотря на все принятые меры, чувашской организации ВКП удалось вовлечь в свои ряды женщин в количестве не более 10% общего числа принятых членов. Также весьма слабо растет количество женщин и в комсомоле, хотя в этом направлении и ведется достаточно энергичная работа. Роль женщины в обновлении бытового уклада жизни общеизвестна. Поэтому вопрос о массовом вовлечении чувашки-крестьянки в общественно-советскую работу приобретает особенно важное значение. Но работа среди беспартийной массы женщин в этом отношении также сопряжена с большими трудностями. Все же и в Чувашии в этом отношении за последние годы достигнуты кое-какие успехи. Женские собрания, конференции, съезды делегатов, участие женщин в советской работе, разного рода курсы по ликвидации общей и политической неграмотности, женские промысловые артели по рукоделию — все это не могло не всколыхнуть женскую массу даже среди сельского населения. Во всяком случае, в строительстве новой жизни массовое женское движение уже представляет заметную общественную силу.

Профдвижение.

Заканчивая настоящий обзор, нельзя не сказать в заключение хоть два слова о чувашском профсоюзном движении. Это движение, в соответствии с низким уровнем промышленного развития края, пока находится в весьма слабом состоянии. Численность всех членов союзов по республике в среднем колеблется от 7 до 8 тысяч. В составе этих членов группа совработников занимает 60%, с.-х. группа — 16% и промышленно-производственная

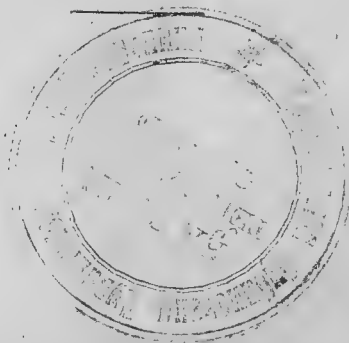
группа — 16%. В последней группе свыше 50% составляют деревообделочники, до 30% — пищевики, до 3—4% — строители, металлисты, кожевники, швейники и печатники. В числе членов чувашских профсоюзов мужчин насчитывается 78% и женщин — 22%. По национальному составу в числе членов профсоюзов чувашей насчитывается 54%, русских — 44% и прочих национальностей — 2%. Сравнительно высокий процент русских в чувашских профсоюзах объясняется тем, что почти все члены из производственных рабочих в крае принадлежат к русской национальности, и свыше половины служащих также принадлежат к русской национальности. Главным недостатком чувашских профсоюзов является то, что они совершенно еще не успели охватить наемных рабочих мелкопромышленных и кустарных предприятий, разбросанных большей частью по селениям. Совершенно не втянуты в профсоюзное движение и те массы сельских полукрестьян и полурбочих из чувашей, которые из года в год работают по лесоразработкам, сплаву, добычанию мочала, смолокурению и по другим подобным работам в лесах. Профсоюзная работа в Чувашии в настоящее время является вообще одной из наиболее оторванных от основной массы населения отрасли общесоветской работы: как в профаппарате, так и в профактиве чувашей до сего времени составляют меньшинство; за восемь лет революции по профессиональному вопросу на чувашском языке не издано почти ни одной книги. Таким образом в области чувашского профессионального движения вся работа пока еще лишь впереди.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава первая. Краткие сведения о природе, административном делении и населении края	5
Глава вторая. Прошлое чувашей.	10
Глава третья. Перед революцией 1905 г.	23
Глава четвертая. 1905 год.	47
Глава пятая. Февраль—Октябрь.	61
Глава шестая. Октябрьская революция.	65
Глава седьмая. Автономное строительство.	75
Глава восьмая. Партия, комсомол, профсоюзы и работа среди женщин.	88
Карта Чувашской АССР	9

22771

21 11

1840

1840

5.000 =

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА
НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

1145 1462
~~ОБЯЗАННЫ~~
26 ЯНВ. 1930
11 ФЕВ. 1930
24 МАР 1930
25 АПР. 1930

Колич. предыдущ. выдач

1 руб./р.

Государственное Издательство

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Серия „РЕСПУБЛИКИ и ОБЛАСТИ СССР“.

С. АТНАЧУЛОВ

БАШКИРИЯ

С приложением карты Башкирской республики.

Стр. 123.

Ц. 75 к.

Н. САМУРСКИЙ (ЭФЕНДИЕВ)

ДАГЕСТАН

Стр. 150 + 1 карта.

Ц. 85 к.

С. БОРИСОВ

КАЛМЫКИЯ

Историко-политический и социально-экономический очерк.

Стр. 99.

Ц. 60 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА. Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4., тел. 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56; Ленинград, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18, и во все магазины и отделения Госиздата РСФСР.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА

(Москва, проезд Художественного театра, 6, и Ленинград, проспект Володарского, 51а) высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.